

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№4(42) 2021

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай КАРТАШОВ
Голос героической души народа4

Юрий ЯХОНТОВ
Когда была основана Москва?48

ПОЭЗИЯ

Игорь ТЮЛЕНЕВ
«Какой же на Руси простор ...»13

Инна ВАРВАРИЦА
«Любям нужен мир, который тесен...»26

Светлана ГОРОШИЛОВА
Учиться радоваться жизни28

Пётр ГУЛДЕДАВА
«Мука перемолотых мук...»40

Дмитрий МИЛОВ
«Находясь на своей полосе...»43

Антонина БЕЛОВА
«Грядущего высокая звезда...»45

Виктор КАШКИН
Звёздный лабиринт50

Инна МУХИНА
«В радуге цветных иносказаний...»54

Галина РОМАНОВА
«Надежд наших выпавший снег...»58

Юрий БОГДАНОВ
Вечный двигатель (Из цикла сонетов)93

Евгений КАРУНИН
«Небесный ангел с раненым крылом...»109

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№4(42) 2021
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 28.12.21.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ Н-7518

Отпечатано

в цифровой типографии

«Буки Веди» на оборудовании

KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

Инесса ИЛЬИНА-ФЕДОРОВА
«Ах, где тот сказочный край...»114

Тамара ПОТЁМКИНА
«Ах, как кружилась голова ...»133

Валерий БОКАРЁВ
«Россию победить нельзя!..»135

Анатолий ПЯТОВ
Завещание ветерана142

Сергей ГАЗИН
Вдохновение поэта.....145

Элла КУЗНЕЦОВА
«Любовь бывает даже поздней...»147

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
«Какое счастье – просто жить!..»165

Валентин ЛУШИН
«Поэт не может жить иначе...»174

ПРОЗА

Светлана ВЬЮГИНА
Два рассказа33

Александр ЮДИН
Рассказы71

Светлана КОМРАКОВА
Имя107

Марат ВАЛЕЕВ
Рассказы117

Анна МАЯКОВА
Встреча-сувенир140

Михаил СМИРНОВ
Рассказы150

Валериан МАРКАРОВ
Падает снег.....168

Василий КОЛБИН
Приамурская осень178

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Прошедший год дал нам новый опыт, открыл мир с прежде не знакомой стороны, в какой-то степени подготовил к будущему, если кто-то возьмёт на себя смелость сегодня уверенно говорить о будущем. На наших глазах разрушается привычная модель мироустройства, отменяются казавшиеся естественными и незыблемыми социальные законы, нравственные принципы, духовные основы. То, что совсем недавно казалось абсолютно невыносимым, сегодня предлагается всем в качестве единственно возможного. Взамен привычной лжи и банального зла на мир наплывает тяжёлая волна глухого абсурда, которая затягивает в пустоту всю традиционную цивилизацию, в её необозримом и противоречивом многообразии. Какие-то никому не ведомые наднациональные структуры диктуют государствам и народам человеконенавистнические и самоубийственные рецепты, под видом «спасения» непонятно от чего. В сложившейся ситуации выдержка и самообладание хотя и не защищают, но, по крайней мере, помогают сохранить человеческое достоинство.

Русская литература всегда в центре себя видела человека, его бессмертную душу, свободную личность и её неотъемлемые права. Сегодня, когда для большого количества людей реальный мир превратился в картинку на мониторе планшета, литература и прочие виды искусства стали островками, в которых человеческий дух ещё сохраняет своё бытие. Осмысление роковых мгновений «последних времён», места и роли человека в сошедшей с ума действительности, прорыв к новым смыслам и художественным средствам, соответствующим текущему веку – эти, а также многие другие задачи приходится решать сегодня людям культуры и искусства.

С Новым годом, друзья! «ВЕЛИКОРОССЪ» желает вам мужества и выдержки. Всё говорит о том, что эти качества в обозримом будущем будут востребованы.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2021

© Авторы, 2021

Голос героической души народа

Разгром немецко-фашистских войск зимой (декабрь 1941 г. – январь 1942 г.) под Москвой имел огромное значение в борьбе с фашизмом. Гитлеровская Германия, оккупировавшая практически всю Европу, впервые потерпела серьёзное поражение.

Красная Армия после пятимесячной обороны и вынужденного отступления перехватила стратегическую инициативу из рук врага и заставила его перейти к обороне на всём пространстве советско-германского фронта. Стратегия «молниеносной войны», являвшаяся основой гитлеровской военной доктрины и имевшая успех на полях сражений в Западной Европе, оказалась несостоятельной в войне против нашей страны. У стен Москвы был развеян миф о «непобедимости» вермахта. Победа в Московской битве знаменовала собой начало коренного поворота в ходе Великой Отечественной войны. Весь мир убедился в силе духа советского народа, высокой боеспособности его армии.

В битве под Москвой ярко проявился полководческий талант командующих фронтами и армиями Г.К. Жукова, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского, А.И. Ерёменко, Д.Д. Лелюшенко, Л.А. Говорова, М.Г. Ефремова, начальников штабов фронтов и армий генералов В.Д. Соколовского, Л.М. Сандалова и других; командиров корпусов, дивизий и бригад И.В. Панфилова, И.Ф. Петрова, Л.М. Доватора, М.Е. Катукова, А.П. Белобородова, И.А. Плиева, П.А. Ротмистрова...

В те незабываемые дни имена этих полководцев и военачальников не раз звучали в лаконичных сводках Совинформбюро. Кроме того, о них можно было прочитать в статьях и очерках газет «Правда», «Известия», «Красная звезда»...

Через некоторое время названные выше генералы уже станут героями романов, повестей, поэм и песен. Актуальность темы побудила писателей по горячим следам создать образы людей, внёсших большой вклад в победу над врагом. Вообще,

Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин» и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Государственной премии РФ им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Живёт в Москве.

война на многие годы останется отправной точкой для всех видов искусств – от эпопеи и трагедии до лирических стансов.

«Мы присутствуем при удивительном явлении, – писал А.Н. Толстой. – Казалось бы, грохот войны должен заглушить голос поэта, должен огрублять, упрощать литературу, укладывая её в узкую щель окопа. Но воюющий народ, находя в себе всё больше и больше нравственных сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или смерть, – всё настоятельнее требует от своей литературы больших слов. И советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа. Она находит слова правды, высокохудожественной формы и ту божественную меру, которая свойственна народному искусству. Пусть это только начало. Но это начало великого».

Уместно сказать, что рассматриваемые произведения были написаны людьми, которые, что называется, не только «с лейкой и блокнотом», но и «с пулемётом» прошли сквозь те суровые испытания. Всей силой своего таланта писатели приближали день нашей Победы над ненавистным врагом. Каждый четвёртый советский писатель находился в рядах Красной Армии. Сто сорок писателей погибли на полях сражений Великой Отечественной войны.

К числу первых художественных произведений о героических защитниках Москвы и военачальниках следует отнести повесть Александра Бека «Волоколамское шоссе». Книга была написана автором в 1942-44 годах. Сжато, преимущественно в очерковом стиле в ней рассказывается о невероятно тяжёлых боях под Москвой в октябре 1941 года.

«...Среди правд, написанных всеми нами о войне, одной из самых важных и дорогих правд была правда книги Бека “Волоколамское шоссе”. Это вообще одна из самых лучших книг о войне в нашей литературе. И хотя её хорошо знают у нас и знают во всём мире, ей, этой книге, ещё не полностью воздано по заслугам». Так написал об этом произведении К.М. Симонов.

Повествование ведётся от имени реального лица, командира стрелкового батальона, казаха по национальности, старшего лейтенанта Боуржана Момыш-Улы. Батальон, да и вся дивизия, по словам её командира генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, была «вроде ополченской». Рядовой состав соединения – это в основном гражданские люди, прежде не служившие в армии. Тоже относится и к некоторым офицерам. К примеру, начальник штаба батальона, вчерашний агроном, «не умел ни встать по уставу, ни доложить».

Поэтому главный вопрос, стоящий перед бывшим командиром батальона, а теперь командиром батальона Боуржаном Момыш-Улы – «как

Иван Васильевич Панфилов

превратить семь сотен людей – здоровых, честных, преданных Родине, но не военных, не вышколенных армейской дисциплиной, в боевую силу?»

Через судьбу главного героя книги Баурджана Момыш-Улы рельефно проступают образы его воинского начальника и наставника Ивана Васильевича Панфилова, а также бойцов-панфиловцев, показавших всему миру подлинный героизм.

Своего героя – генерала Панфилова автор несколько не приукрашивает. Он предстаёт перед читателем таким, каким он был в жизни – требовательным и грамотным военачальником. Одновременно комдив – отец солдату и хороший наставник командирам. Вот лишь один штрих к его портрету. «Главная обязанность, главное дело командира, – говорит генерал, – думать, думать, думать». Панфилов решительно пытается отучить комбата лишь «повелевать».

В образе Панфилова мы также видим человека, в котором отчётливо проявляется суворовская жилка. Это определяется по тем выражениям, которые он употребляет в разговоре с бойцами и командирами: «Не торопись умирать – учись воевать», «Солдат умом должен воевать», «Солдат идёт в бой не умирать, а жить», «Победа куётся до боя».

Баурджан Момыш-Улы называет своего командира генералом-новатором. Вот его слова, сказанные им после гибели любимого комдива:

«Иван Васильевич Панфилов был очень человеческим, чутким к человеку. Он уважал солдата, постоянно напоминал нам, командирам, что исход боя решает солдат, напоминал, что самое грозное оружие в бою – душа солдата. На этом Панфилов и основал своё новаторство в тактике оборонительной битвы. Он ушёл от нас, изведав высшее счастье творца. Его новая тактика была испытана таранными ударами врага и выдержала эти удары. Он исполнил дело своей жизни. Находясь близко к очагам боя, он незримо касался рукой плеча командиров, удерживал войска от преждевременного отхода. И если сейчас, на пятые сутки немецкого наступления, нам, нашей дивизии, принадлежит вот эта дорога, вот это поле, этот рубеж и дивизия по-прежнему грозна, то этим мы обязаны ему, Ивану Васильевичу Панфилову. Он был генералом разума, генералом расчёта, генералом хладнокровия, стойкости, генералом реальности... По рождению, по воспитанию, по натуре он был глубоко русским человеком. Знал и любил прошлое и настоящее русского народа, гордился его славными сынами, творениями, делами. И уважал все другие народы».

Повесть Александра Бека «Волоколамское шоссе» сразу после опубликования в журнале «Знамя» получила широкое читательское признание. Номера журналов с повестью буквально зачитывали до дыр и на фронте, и в тылу, передавали из рук в руки. Секрет был прост: в повести отсутствовала ура-патриотическая идеализация событий и главных героев книги.

Подобная счастливая судьба была и у романа Михаила Бубеннова «Белая берёза». В послевоенные годы книга выдержала 60 изданий, что свидетельствует о её огромной популярности.

Герои «Белой берёзы» находятся в непосредственной гуще фронтовых событий, где бой – не очередная пометка на штабной карте, а пулёмётные очереди – не дробный стук машинок на швейной фабрике... Кругом война – жестокая, кровавая, священная.

Это произведение создавалось в самый её разгар. Правда, в отличие от повести «Волоколамское шоссе», в романе большинство героев вымышленные. У каждого солдата, офицера, партизана своя непростая судьба. Их образы писатель рисует красками различных оттенков.

Вот командир стрелковой дивизии генерал-майор Бородин. «Весь светлый от седины» и «с седыми стрельчатými усами» – таким предстаёт перед читателем этот, уже в годах, человек. Однако за его седой внешностью скрываются и молодость, и крепкая сила, и живой ум, и твёрдый характер. В трагические дни отступления Бородин сумел вырвать свою дивизию из жёстких немецких танковых тисков. Более того, отходя, соединение отважно сражалось с врагом на каждом удобном рубеже, нанося ему тяжёлый урон.

Автор приводит слова генерала о тех горьких днях: «Наше отступление в октябре, – заговорил он, шагая по горнице, – историки будут изучать с таким же интересом, как изучают победоносные наступательные операции. Как известно, считается более обычным, что при таком тяжёлом отступлении в массе солдат развиваются самые худшие человеческие качества, которые, в конечном счёте, превращают войско в стадо. У нас же этого не случилось: как ни тяжело было армии, но она жива. Она действует и крепнет! И никогда не был таким чистым наш человек, как в эти дни, совершая благородные подвиги во имя Отечества!»

Дополняет этот монолог сцена:

«Генерал остановился у окна, и Озеров (командир полка – Н.К.) заметил, что он едва удерживает слёзы: так переполнили его воспоминания, восхищение людьми и печаль о погибших...

Он отвернулся от окна и неожиданно приказал:

– Постройте ваш полк.

– Есть построить полк, товарищ генерал! – ответил Озеров. – Разрешите спросить: вы будете говорить с солдатами?

– Я хочу поклониться вашим солдатам!»

Кто из реальных военачальников послужил писателю прототипом генерала Бородина? Безусловно, этот образ собирательный. Но есть в нём немало черт от командира 78-й стрелковой дивизии генерал-майора Афанасия Павлантьевича Белобородова, впоследствии дважды Героя Советского Союза, генерала армии. В начале Великой Отечественной войны полковник Белобородов командовал 78-й стрелковой дивизией. В первых числах ноября прибыл с этим соединением на Западный фронт. В составе 16-й армии генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского дивизия отличилась в битве за Москву. За массовый героизм личного состава 27 ноября 1941 года дивизия была преобразована в 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Вымышленным лицом в романе является и командир танковой бригады полковник, а затем генерал-майор Батюков. Через суровые испытания проходит Батюков: горькие дни окружения, невероятно тяжёлые бои, ощутимые потери. В армию Рокоссовского он прибыл со своей бригадой из-под Орла. «Всем командирам, – пишет автор, – очень нравился молодой генерал, обнаруживавший хорошее знание военного искусства, живость и сдержанную горячность, которые, безусловно, необходимы на войне».

Судьба генерала Батюкова во многом схожа с судьбой реального командира танковой бригады генерала Катюкова, будущего дважды Героя Советского Союза, маршала бронетанковых войск. Известно, что бесстрашного комбрига звали Михаил Ефимович, такое же имя и отчество автор книги дал и своему герою.

В октябре 1941 года в боях под Мценском бригада Катюкова нанесла серьёзное поражение одному из лучших немецких танкистов генералу Хайнцу Гудериану. В приказе наркома обороны СССР за №337 от 11 ноября, в частности, говорилось:

«4-я танковая бригада отважными и умелыми боевыми действиями с 04.10.1941. по 11.10.1941., несмотря на значительное численное превосходство противника, нанесла ему тяжёлые потери и выполнила поставленные перед бригадой задачи прикрытия сосредоточения наших войск... В результате ожесточённых боёв бригады с 3-й и 4-й танковыми дивизиями и мотодивизией противника фашисты потеряли 133 танка, 49 орудий, 8 самолётов, 15 тягачей с боеприпасами, до полка пехоты, 6 миномётов и другие средства вооружения. Потери 4-й танковой бригады исчисляются единицами».

Ещё одно обстоятельство указывает на то, что именно Катукоев является прообразом комбрига Батюкова. Для этого вновь обратимся к страницам книги, где автор подробно описывает совещание в кабинете командующего армией генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского:

«Неожиданно Рокоссовского пригласили в аппаратную: на проводе Москва. Рокоссовский быстро поднялся и вышел из кабинета.

Через полчаса он вернулся, обвёл всех разгорячённым взглядом, два раза молча раскинул руки, видимо до предела поражённый тем, что произошло, и взволнованно воскликнул:

– Какой день! Великий день!

Он быстро подошел к Батюкову, обнял его и трижды поцеловал, как солдат солдата в час победы.

– Ещё раз, второй раз за один день, поздравляю тебя, дорогой Михаил Ефимович! – сказал он растерянному Батюкову и обратился ко всем: – И вас всех, дорогие друзья, тоже поздравляю! Сегодня свершилось историческое событие: Михаил Ефимович, ты и твои танкисты – первые наши гвардейцы!»

Приведённый художественный отрывок подтверждает, что речь идёт о Катукоеве. Именно его танковой бригаде приказом наркома обороны СССР всё тем же приказом за №337 от 11 ноября 1941 года было присвоено почётное звание «Гвардейская». 4-я танковая бригада Катукоева стала первым гвардейским соединением в Красной Армии. Ранее этого звания были удостоены в основном стрелковые дивизии.

В романе действуют и подлинные исторические лица: начальник штаба армии генерал-майор М.С. Малинин, командир дивизии генерал-майор И.В. Панфилов, командир кавалерийской группы генерал-майор Л.М. Доватор. Но их образы не ключевые в романе, писатель нарисовал их лишь небольшими штрихами.

Более рельефно представлен в романе портрет генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского, впоследствии дважды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза. Как раз в жарких боях под Москвой начала зажигаться его звёздная слава как полководца. Писатель мастерски высветил различные грани этой замечательной личности, предоставив возможность читателю увидеть её с

разных сторон, в разных обстоятельствах. Кто знает, сумела бы Красная Армия победить «гудерианов», «манштейнов», «моделей», «клюге», если бы не было в её рядах таких талантливых полководцев, как Рокоссовский.

Вскоре после войны вышел в свет роман П.И. Фёдорова «Генерал Доватор». Это произведение посвящено героическим действиям советских кавалеристов при обороне и наступлении против немецко-фашистских захватчиков под Москвой в 1941 году. В центре повествования – образ легендарного командира кавалерийской группы, а затем кавалерийского корпуса генерала Льва Михайловича Доватора.

Непреходящая ценность этого художественно-документального произведения состоит в том, что оно написано человеком, который непосредственно служил под началом Доватора. Будущий автор книги Павел Ильич Фёдоров с первых дней войны ушёл на фронт. Был командиром конной разведки полка НКВД. Затем командовал сабельным эскадром особого пограничного полка. В боях под Москвой являлся помощником начальника штаба полка по разведке в корпусе генерала Доватора. Ему не раз приходилось видеть и встречаться с военачальником, что помогло ему впоследствии воссоздать правдивый образ Доватора.

Писатель сразу погружает нас в круг фронтовых забот этой незаурядной личности. Идёт жестокая война. От Доватора, как и от других военачальников, зависят судьбы людей, успех или неуспех разработанных им операций. Вот он напутствует командиров перед рейдом в тыл врага. «Доватор, – пишет автор, – говорит молодо, горячо, со страстной убеждённостью:

– В какие условия мы попадём, в каких условиях придётся нам драться, я не знаю, и никто не знает, потому что такого рейда в эту войну ещё не было. Решения будем принимать на месте, смотря по обстановке, но убеждён, что на русской земле, в русских лесах – хозяева мы. Сейчас ясно пока одно: мы первые переходим в наступление, берём курс на запад. Великий в этом смысл и великая нам выпала честь – олицетворять сегодня собою всю нашу Родину... За нами – Москва, за нами – наша страна, её история, её будущее... Мы должны победить, обязаны победить! Немцы должны навсегда запомнить, что от нас безнаказанно не уйдут... Я говорю не только о военном, но главным образом о политическом значении нашего рейда. Каждый наш удачный выстрел в немецком тылу будет надламывать волю врага, вселять ужас в его сердце. И когда вся Красная Армия лавиной пойдёт на запад, о нас вспомнят, потому что мы были первыми!»

Даже в самые тяжёлые дни, вспоминал Рокоссовский, Лев Михайлович не терял присутствия духа. «Тов. Доватор! На Вас смотрит вся Европа. Есть возможность отличиться. Надеюсь на то, что Вы решительным быстрым контрударом с танками на Пешки восстановите положение». На этой записке, полученной от Рокоссовского 25 ноября,

Л.М. Доватор и И.А. Плиев

К.К. Рокоссовский и Г.К. Жуков

Доватор написал: «Европа не Европа, а немцы узнают, что Москву не взять. Доватор». В тот день немцы были в 30 километрах от северной окраины Москвы. Доватор слово сдержал.

Имя легендарного комкора Доватора было прославлено не только в романе. Казаки называли его любимым генералом. В 1942 году поэт И. Кармазин и композитор Вано Мурадели написали «Песню доваторцев». Вот строки из неё:

*С именем Доватора, полководца смелого,
Грозною лавиной на врага мы шли.
Где прошли доваторцы – казаки кубанские,
Гитлеровцев полчища смерть себе нашли!*

А припев звучал так:

*Эх, бей, кубанцы!
Руби, гвардейцы!
Рази фашистов подлых, пощады не давай!
На победу славную, на защиту Родины
Нас водил Доватор, любимый генерал.*

Знаковым произведением о защитниках Москвы является роман-эпопея «Война» писателя Ивана Стаднюка. В этом произведении, включающем в себя цикл книг, «Война», «Москва, 41-й», «Меч над Москвой», воссоздана обстановка предвоенных дней и начального периода Великой Отечественной войны.

Писатель работал над романом почти двадцать лет, написав первые строки в 1970 году. Изначально Стаднюк хотел назвать свой роман «Генералы видят дальше», но по мере накопления материала его творческий замысел углублялся, расширялся охват героев и событий. Писатель включил в роман и Сталина, и Молотова, и командующих фронтами, армиями... Писатель много работал с историческими документами, познакомился с Молотовым, с работниками Генерального штаба, изучал воспоминания генералов и маршалов Советского Союза и фашистской Германии, наркомов тех лет, встречался с дипломатами и т.д.

В результате было создано масштабное не только художественное, но и военно-историческое, военно-политическое повествование. В романе раскрывается не только битва как таковая, битва Красной Армии с превосходящими силами врага, привыкшего к лёгким победам, но и битва, яростная схватка умов, противоположных военных доктрин. Из этого романа мы, по сути, впервые получили реальное, пусть и не исчерпывающее представление о том, как шла война на московском направлении.

В романе, начиная с главных героев политрука Иванюты и генерала Чумакова, много вымышленных персонажей. Однако в Иванюте легко угадать самого автора романа, выпускника военно-политического училища политрука Стаднюка. А в генерале Чумакове прослеживается сходство с командиром 13-го мехкорпуса генералом Ахлюстиным и с командиром 11-го мехкорпуса генералом Мостовенко.

Одновременно на страницах романа мы встречаем когорту реальных исторических фигур – от генерала М.Ф. Лукина, командующего 16-й армией до Верховного главнокомандующего И.В. Сталина.

С потрясающей глубиной, болью и страстью автор проникает в души своих героев, сопереживает вместе с ними за их действия, поступки, решения...

«Никого из полководцев, когда разлилось море страданий, не прельщала ни слава, ни власть, тяжелейшая ноша ответственности за судьбу родного народа подавляла все земные чувства, – пишет автор романа. – Сила духа, глубина мысли, твёрдость воли – всё, что составляет величие человека, без остатка было подчинено одному: остановить врага...»

Западают в сердце множество картин тяжелейших боев под Смоленском и непосредственно в самом Смоленске, которые завершаются многодневным сражением под Вязьмой. Вот лишь одна из таких картин:

«Немцы непрестанно и упорно кидали через Днепр свои штурмовые отряды, стремясь гусеницами танков уцепиться за правый берег и торопясь захватить северную часть Смоленска, чтобы затем крупными силами выйти наконец в тылы всей группировки войск Западного фронта, после чего путь на Москву был бы открыт окончательно. Захватчикам противостояла здесь 16-я армия генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина. Изнемогая от неравенства сил, истекая кровью, дивизии этой армии огневыми и штыковыми ударами сметали врага с захваченных береговых плацдармов, сами переплывали не столь большую здесь водную ширь Днепра, бросались в атаки, тесня захватчиков в глубь южной части Смоленска, пытались вернуть её.

Но тщетно: логика войны неумолима – когда вражеские самолёты с рассвета до темна десятками кружили в небе и когда на стороне немцев огромное преимущество в танках, артиллерии, да и в пехоте, потеснить их с захваченных рубежей было невозможно. Немцы тоже не могли одолеть армию генерала Лукина, пусть малочисленную, но силу которой будто умножали врождённая у россиян ненависть к поработителям и не покидавшее воинов скорбное мужество, суть которого – умение страдать и готовность идти на самопожертвование во имя Отечества».

Здесь на самом деле смертная человеческая плоть советских солдат оказалась «крепче огня и железа». Бои, продемонстрировавшие способность русских и погибая оставаться несломленными, сильно охладили наступательный пыл фашистских захватчиков, лишив их безоглядности в наступлении на Москву.

«В романах “Война” и “Москва, 41-й”, – пишет литературный критик А. Овчаренко, – мы оказываемся свидетелями и беспримерного трудового подъёма, и непрекращающихся, всё более ожесточённых боёв между советскими и фашистскими войсками, упорного сопротивления фронтов, армий, дивизий, групп, полков, батальонов, рот, оказываемого немецким оккупантам. Радуемся первым, пусть и не очень значительным во всемирном масштабе нашим победам, таким, как взятие Ярцева подчинённой генералу Рокоссовскому группой войск, заставивших впервые танки генералов Гудериана и Гота повернуть вспять, а фашистских солдат удирать, как освобождение Ельни войсками, возглавляемыми генералом Жуковым, только что вступившим в должность командующего Резервным фронтом».

Надолго читателю запомнится и описание осуществляемой отрядом полковника Лизюкова защиты Соловьёвской переправы, навечно памятной каждому, кто был там в июле 1941 года. По-новому в романе «Москва, 41-й» освещена трагическая история армейской группы и её командующего генерал-лейтенанта В.Я. Качалова, погибших под Рославлем, так же как и печальная участь армии генерал-майора К.И. Ракутина.

Но наиболее зримо в романе показан будущий маршал Победы, генерал армии Георгий Константинович Жуков, вышедший из самых глубин русского

народа, словно самой жизнью наделённый всеми лучшими качествами этого народа. Главные из них – абсолютная независимость, смелость, дерзость мысли, соединяющаяся с непосредственной действительностью, умением бесстрашно защитить и осуществить свои самые смелые замыслы и решения. Писатель, говоря о генерале Жукове, нашёл верное определение: буйная обрванность его военного мышления.

Роман «Война» считается одним из лучших произведений о начальном периоде войны. Отдельные страницы этого эпического художественного полотна звучат настоящим гимном беспримерной храбрости и величайшего мужества русскому солдату.

Есть в романе и пророческое высказывание: «Тяжкое то было время. К нему часто будут обращать взор летописцы, философы, златоусты всех континентов. Найдутся среди них и такие, которые позволят себе судить о событиях тех дней без должного понимания их сложной трагичности и рассматривать их с позиций некоего философско-исторического дальтонизма. А иные, стыдливо позабыв о бывших своих верованиях и публичных утверждениях, станут искать маятник “нового” времени и нередко скрип флюгера на чужой крыше принимать за голос истины. Эти люди при определённых гарантиях безопасности для себя, когда страх за своё благополучие не смущает их сердца, скоры на первое слово и на сомнительное дело. Они ревностно начнут высекать своими перьями искры из колеса истории и выдавать их за лучи правды».

В актуальности этих слов сегодня не приходится сомневаться. Поскольку в последнее время, особенно в период празднования дат, связанных с победами Красной Армии, на информационном пространстве разворачиваются кампании по отрицанию решающей роли Советского Союза, его Вооружённых Сил в окончательных результатах Второй мировой войны. С подачи ряда западных историков, в том числе и российских, идёт спланированная травля советских военачальников, в сознание людей внушается мысль о том, что они не умели воевать. Да они и не победили вовсе – просто «завалили врага трупами». Имеется в виду, трупами своих солдат, которых никогда не жалели. Причём колесница этой лжи катится безостановочно, а серьёзного отпора псевдоисторикам, к сожалению, нет.

С горечью приходится констатировать, что мы постепенно превращаемся в иванов, не помнящих родства. Ныне многие граждане России, обязанные полководцам и военачальникам своей жизнью, в превратном свете представляют их ратные дела. Зачастую они даже не знают, кто такие К.К. Рокоссовский, И.В. Панфилов, Л.М. Доватор, А.П. Белобородов. М.Е. Катухов... Тогда, во время страшной войны, имена этих людей знала вся страна.

В заключение следует сказать, что автор остановился лишь на некоторых художественных произведениях, в которых запечатлены образы полководцев и военачальников – защитников Москвы. В этом же ряду стоят книги «Живые и мёртвые» Константина Симонова, «Убиты под Москвой» Константина Воробьёва, «Венок славы: антология художественных произведений о Великой Отечественной войне» (т. 2. Битва за Москву). К ним, как и к другим произведениям, нужно обращаться, чтобы знать и помнить героическую историю Отечества.

Игорь Николаевич Тюленев – поэт. Родился в 1953 г. на Урале в сплавном посёлке Новоильинский Пермского края. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве (мастерская Юрия Кузнецова, 1991). Автор 22 сборников стихов и многочисленных публикаций во всесоюзных и всероссийских альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского, премии Союза писателей России «Традиция» и др. Дважды лауреат журнала «Наш современник». За книгу стихов «В берегах славянства» удостоен награды «Серебряный Витязь-2017» на VIII Международном Славянском литературном форуме «Золотой Витязь» в Иркутске. Секретарь Союза писателей России.

Живёт в Перми.

«Какой же на Руси простор...»

Ангара

Нас на родину Распутина
Не пускала Ангара.
Преградила путь она нам.
Поднялась из волн гора.

Ждём паром. За лодкой лодку
Шторм легко перевернул.
Тот, кто пить не хочет водку –
Богатырским сном заснул...

За рекой стоит деревня.
И ещё, ещё, ещё...
Потому что, Русь-царевна,
Это слуги все её!

Кто-то нам упрямо машет
С того берега рукой.
Знаю точно, машут наши,
Там все наши за рекой!

Где паром? Снесло течение?
Иль паромщик в магазин
Укатил в село Тюлень,
Рек сибирских господин?!

А паромщик в малахае
Режет носом круговерть.
Ангара с волны взлетает,
Да не может улететь.

Николаю Клюеву

Сын великих озёр и лесов,
Града Китежа огненный ус,
Задыхаясь от варварских слов,
Окликал уходящую Русь.

Да не слушали люди тебя,
Непомерный тянули свой воз,
И стонала родная земля,
Как на дыбе, на скрипах колёс.

И пошёл ты к ним ради Христа,
С перемётною нищей сумой,
И оставил родные места,
Путь закончил Нарымом-тюрьмой.

Пролетарские дети скорбят,
Прозевавши апостольский стих.
Но и нынче с креста ты не снят,
Неизвестен, не понят и тих.

Знай, что Русь не умолкла навек,
Видишь, дым с олонецких полей...
Просыпается человек –
Утро вечера мудреней!

Разговор с внуком

Смотри, где солнышко садится.
Смотри, внучок, запоминай!
В глазах сквозь вечность отразится
Тенистый сад и сельский рай.

Вот облако плывёт на запад
Над нашим кедром на холме.
С него легко забросить лапоть
В Париж при русском-то уме?

Как солнце пламенеет чувство,
Когда на Родину взгляну.
Её ни письменно, ни устно
Я никогда не упрекну!

Белый храм

На холме белый храм – Белогорье,
Словно белая птица Руси.
Здесь для русского взора – раздолье,
Пруд вдали, а в пруду караси.

Купола, как небесные корни,
Прорастают незримо в глаза.
И молитвы, как чистые волны,
Плавно катятся под образа.

Вместе с громом весна наступает,
Стаи мечутся над головой.
Но Иисуса с креста не снимают,
Потому что не кончился бой.

Новодевичий монастырь

Чем знаменит? – своим кладбищем.
Камнями с золотых имён.
И мы здесь, словно волки рыщем,
Чтоб знать, где нанесён урон.

Здесь все равны? – Но есть равнее,
Наглее, злее, может быть.
По ком-то плача, Лорелея
На камне гробовом лежит...

Но есть и Гоголь, есть Языков,
И с ними дядька Хомяков,
Как председатель русских ликов.
И Чехов, спутник русских слов.

А чуть поодаль – Маяковский,
Островский и мужик Шукшин,
Укрывшийся в земле московской,
Словно алтайский чужанин.

Здесь ничего не прорастает.
У входа карты продают.
На куполах кресты шатают
Воронья стая. Страшно тут!

Невыносимо и тоскливо,
Смерть вздыбилась в столичный рост.
Ну а в деревне лишь крапива,
Да лопухи хранят погост.

И памятников нет гранитных,
И нет надгробия из бронз...
И скорбь здесь существует скрытно,
Как шорох листьев и стрекоз.

**Митрополит Иннокентий
Святитель Московский
апостол Америки и Сибири**

В Иркутске, злу наперекор,
Дыша словами,
Святитель руки распротёр
Ввысь и над нами.

А приглядишь, так дальше нас,
Вплоть до Аляски
Индейцы ещё помнят нас,
Как помнят сказки...

Как солнце, в блеске Иисус –
В том нет гордыни,
Любой святой – светильник уст
Присно и ныне.

Взял крест, а если взял – неси!
Свечой Завета.
Та, что горит в твоей груди,
Как миг рассвета.

Как будто видишь в наготе
Живую душу.
Лик Иннокентия в окне
Вдруг обнаружу.

А это дивный мир в окне,
То есть в иконе.
Святой нас любит – вам и мне
Раскрыв ладони.

Русский Бог

Зарыдали весной соловьи
Беспричинно, как совесть людская.
Я дитя Твоей Отчей любви
Пред глазами небесного края.

Ты и в матери, Ты и в отце.
Дух вселенной, слетевший оттуда.
Нынче трезв я – не навеселе,
И небита в буфете посуда.

Пусть в цепи проржавело звено –
Божья молния новое вденет...
Пусть бурчат – слишком всё мудрено,
Впредь Иуда Христа не подменит.

Вера крепче морского узла
И нежней голубых незабудок.
Выше лебедя и журавля.
Рассыпается в искры рассудок.

Небеса отразились в земле.
Боже мой, Ты один безгранично
Внемлешь грешников страстной мольбе,
Не сжигая просящих огнищем.

Отче наш, Царь Небесной страны!
Дай нам волей Твоей надышаться!
На секунду, у быстрины,
Перед Ликом Твоим удержаться.

Н. Башмакову

А зима невозвратную точку прошла.
Пчеловод проникает в омшаник.
Улей полный весны и густого тепла
Он выносит на воздух, как пряник!

Сверху бьют по глазам золотые лучи.
Щиплют ангелы людям ресницы.
А по склонам несутся без русла ручьи,
Лирик пишет пером небылицы...

Ну, а пчёлы уже подлетают к цветам,
Там с нектаром откроется ларчик.
Прибежали мальчишки к бурлящим холмам,
Из коры вырезают кораблик.

Запускают мальчишки потешный свой флот.
Ничего, что страницу из книжки
Кто-то вырвал, её насадив на флагшток.
Вслед команда несётся вприпрыжку.

Вспомним время своё, мой товарищ и брат,
 Что вперёд «флотоводцев» умчалось.
 Корабли наши Лету уже бороздят? –
 Если пару страничек осталось.

Вятка

Небольшая речка Вятка
 Бабой плещется в окне,
 Словно с рыжиками кадка,
 Пароходик на волне.

Здесь друзей моих немало –
 Фокин, Сырнева, Крупин.
 Ось сердечного накала
 Пролегла среди долин.

И хотя я сам не вятский,
 Крепко держится в умах
 Преподобный Трифон Вятский,
 Что сидел у нас в горах.

И со Строгановым спорил,
 Был народом бит не раз.
 Знаю множество историй,
 Но об этом не сейчас.

Не походит Чистополье
 На Кунгур – сей спор нелеп.
 Машет крыльями, ли чо ли,
 Мельнича, рожая хлеб.

Ейск

М. Пореченкову

Здесь русский богатырь лежит
 Иван Максимович Поддубный!
 Родной сторонки верный щит,
 Чтоб об него разбились гунны.

Как всякий русский Иоанн
 Непобедим! Необозримый
 За ним России океан,
 Что Богородицей хранимый.

В земле лежит, как Святогор,
 Земля его уже не держит.
 Крест-накрест вдаль летит простор –
 Победы, славы и надежды.

Что в гробе видятся ему –
 Послевоенный мор и голод?
 Максимыч, мы уже в Крыму!
 И Челубей опять заколот!

Когда на ринг зовёт труба
 И в небе всходит россос слава,
 Мы боремся не за себя,
 А за глагол и за Державу.

Без компромисса и затей
 Легко швыряем на лопатки
 И континенты, и вождей,
 И либералов хор вприхватку.

И не мешает мне борьба,
 А помогает быть поэтом.
 Спорт груб, а значит, жизнь груба,
 Как бурлаки на Волге летом.

Русь за пермскими горами

Русь за пермскими горами
 За холмами с чабрецом.
 Рядом с пресными морями
 В лоб целующие гром!

Облака качели взбили,
 Как перины для невест!
 Здесь с тобой мы в прошлом жили,
 Где свирепый дул Норд-Вест.

Встретит баба у колодца
 В вёдрах плещется вода.
 Звонкий смех с водой сольётся
 Вот такие, брат, дела.

Там шаман бьёт в лунный бубен,
 И полярная сова
 Прилетит из белой глуби,
 Принесёт в когтях слова!

А я этими словами,
Песню родине спою,
Где за пермскими горами
Всласть живую воду пью.

Яблоки детства

Яблоки падают в руки детей.
Дети бегут по стерне.
Дети бегут, превращаясь в людей,
Розы срывая во сне.

А за спиной невозвратные дни
Гаснут, как звёзды в пруду!
В старости спросите: – Где же они?
Я их никак не найду...

А на рассвете – закаты сожгут
Прошлые черновики.
И навсегда ты останешься тут
С песней простой у реки.

Ландыши

Уже июнь, а ландыши в земле,
Ещё храбрятся, набирая силы.
Пульсируют их тоненькие жилы...
А мы живём в добре или во зле.

Но аромат уже щекочет нос,
В глаза, как сор небесный, попадает.
И пред цветком стоит Великоросс,
Пред маленьким и, как дитя, рыдает.

Мне не спалось

Мне не спалось, я вышел в поле.
Над Камой молния блестит,
Как будто в тучах скрылось море,
Оно и плещет и шипит!

Святой Илья по зыбким водам
На огненном летит коне!
Он утверждён был небосводом
И солнцем в золотой броне.

Хвою руками разгребая,
Ложится на холмы закат...
«Люблю грозу в начале мая!»
Я гаркнул и вернулся в сад!

В дожде не виден правый берег
И левый сквозь листву в саду.
Для обывателей – бездельник
Любой поэт в любом году!

Решил бездельничать всё лето
Пополнить свой боезапас,
Чтоб с лучшей книгою поэта
К тебе вернуться в добрый час!

Кораблики

Бегу в костюмчике матросском
Кораблики пускать весной!
Надраенное солнце воском
Вприпрыжку катится за мной!

А мой кораблик из дощечки,
А паруса из бересты!
И облака, как пар из печки,
Как мысли детские, чисты!

Теплынь такая третьи сутки
Стоит бессонным часовым!
Вернулись на озёра утки,
Взмахнул крылами Серафим!

Он огненной любовью Богу
Слагает оды, как поэт,
Указывая тьме дорогу
И светом выжигая след!

Пускаю с детворой кораблик
И он несётся вниз стремглав!
И наглухо мой трюм задраен,
Да здравствует весенний сплав!

Конюховка на сплавном рейде

Сюда мы в детстве забегали,
Чтоб отдохнуть от суеты.
Мы всё здесь помнили и знали,
От хомута и до узды.

А сбруя пахла конским потом,
Сосновым бором и кнутом,
Ордой, ушкуйником, полётом
Над лугом, без седла притом.

Как радуги, горят подковы,
Звенят бревенчатой стеной,
И вожжи хлещут, как швартовы,
Когда река встаёт стеной!

Позволит конюх прокатиться
Верхом кому-нибудь из нас.
Пусть позавидует столица
Тому, кто на коне сейчас!

Паровоз

Ну как смогу прожить без паровоза,
Что вёз меня с Урала далеко!
Звенел его свисток сладкоголосого,
Его забыть, как юность – нелегко!

А впереди Кавказские Минводы –
Там бабушка и мамина родня.
И в Пятигорье вбитые народы,
Как скалы на Урале! Мне коня

Не нужно подводить. На паровозе
По двум железкам мой железный путь!
Смотри – луна уже черноволоса
От дыма, что её ласкает грудь!

Пусть говорят: – Покой нам только снится! –
Гремят колёса, разгоняя сны.
В плацкарте детство всё ещё храбрится –
Всё дальше отдаляясь от весны!

Фиалка

Мир без русских людей не спасётся!
Не спасутся слова без поэтов...
Бледный Конь по планете несётся,
Он на фоне зари – фиолетов.

Я сорву для любимой фиалку,
Заманю её в русское поле!
Мимо катится время вразвалку,
Как беспечная русская воля!

Положи мне на плечи ладони
И прижмись необузданным телом.
Я как тур, разломавший загоны,
Прыгну в небо навстречу омелам.

Потому что мы – звёздные дети,
Мы не ходим землёй, а летаем
Сквозь шпицрутены слухов и сплетни
Между адом и Родиной-раем.

Одна властительница степь –
Ни кустика, ни человека,
Как будто Альфа и Омега
Вот здесь посажены на цепь.

Над степью пролетит орел,
За горизонтом приземлится...
Какой же на Руси простор:
Всё пропадает – взгляд и птица.

Фото с родителями

Ещё я не пишу стихи,
Читаю по слогам...
От речки запах от ухи
С весной напололам!

Мы на припёке-бугорке
Сидим большой семьёй.
Шумит народ невдалеке,
Дождь ходит стороной!

Мы все – избранники небес!
У каждого – свой час...
Но вы нужны мне позарез
И присно и сейчас!

Пионерский галстук

Я надевал червлёный галстук,
Шёл бойко мимо тополей
На родину – Второй участок,
Под храп Владимирских коней.

Конно-лежневая дорога
 Лежала поперёк судьбы,
 И в небесах я видел Бога,
 Но уклонялся от божбы.

А лесосечные работы
 Клубились в запахе смолы,
 И кони, словно карагоды,
 Кружились около реки.
 Кипела, словно кровь, работа.
 Толкали в реку штабеля
 Помощников железных рота,
 По грудь в мазуте – трактора!

Медведь и волк укрылись в схроне,
 Им страшен шестерёнок гул.
 И сыр никто не шлёт вороне –
 Не бог, не царь и не вогул!
 Вам не понять, зверьё и птицы,
 Заветы красного Кремля,
 Вождей оболганные лица
 И красный галстук у меня!

Я небо лёгкими глотаю,
 Пугаю вдохом стаи птиц!
 И галстук на кулак мотаю,
 Смущая робких учениц.
 Удары Камы в брёвна гулки!
 Скрипит колёсами буксир –
 Забыл механик смазать втулки?
 «Шумит, бежит Гвадалквивир».

Я рощам Пушкина читаю,
 Ах, как я Пушкина люблю!
 Я руку к небу поднимаю –
 Салют поэту отдаю!

Мальчишка покидает берег,
 Столкнув баркас на быстрину.
 Разлилось серебро уклеек,
 Спугнув зубастую блесну!

Блесна на дно реки нырнула,
 Разворошив гнездовье щук.
 И тут же леску натянула
 Одна из них, устав от мух...

На берегу смолили лодку,
 Кипящей брызгая смолой.
 Искал алкаш с похмелья водку,
 Незнаменитый, но родной!

Старушки в церковь семенили,
 Для них звонят колокола!
 И звон сильнее анестезии,
 Светило в небе, как юла

Небесную сверлило сферу,
 Раскручиваясь добела...
 А щука в лодке пионеру
 Сдалась, блесной вознесена!

На лодке

«Господи, Боже Ты мой!» –
 Вырвется неосторожно.
 Это Россия весной!
 Можно подплыть к тебе? – Можно!

Мама открыла глаза –
 В озере небо зеркально.
 Хоть и ушла навсегда,
 Смотрит светло и печально.

Снизу на небо смотрю,
 Латаю незримые флешки,
 А повернусь к букварю,
 Буквы там русские – те же.

ПОЭЗИЯ

Инна ВАРВАРИЦА

Инна Петровна Варварица – родилась в Свердловске. В 1948 г. семья переехала в Москву. Окончила фармацевтический факультет 1-го Московского Медицинского института им. Сеченова. Более 40 лет работала химиком-аналитиком. Много путешествовала по Европе от Скандинавии до Кипра, США, Египта, Японии. Автор 8-и поэтических сборников, книги стихов и прозы, 2-х детских книжек. Член МГО СПР.

Живёт в Москве.

«Людам нужен мир, который тесен...»

В ненастье

Сегодня, как серые мыши,
Дожди заскребли поутру,
И ветки деревьев по крыше,
По окнам скребут на ветру.

Небесные своды, как губка,
Впитавшая тонны воды.
Такая вот мокрая шутка
Зловредной природной среды.

Размокли дорожки и грядки.
А с неба всё льёт без конца.
Пропитаны влагой, набрякли
Перила, ступени крыльца.

На даче в такую погоду
Весь день остаюсь не у дел.
Размокший избыток природы
Порядком уже надоел.

Нахмурено небо сурово,
И птицы совсем не поют.
А город асфальтом закован,
Удобства, комфорт и уют.

До станции два километра.
Так сыро, что просто плыву!
Как Чацкому, мне бы: «Карету!»
Но не из Москвы, а в Москву!

Странный сон

(перед нашествием вируса)

Звёздной ночью снится или бредится –
Будто не в свою попав среду,
В темноте брожу Большой Медведицей,
Стерегу Полярную звезду.
Но звезде никто не угрожает.
Знать бы, от кого её беречь.
Здесь и стаи Гончих Псов не лают,
Не звучит нигде людская речь.
Целит не в неё Стрелец из лука,
Не грозит рогами Козерог.
Даже Лира не издаст ни звука.
Кто бы здесь звезду обидеть мог?
Пронесётся стая метеоров,
И опять – покой и тишина.
Так живёт в бескрайности просторов
Звёздная, безмолвная страна!
Хоть намёк опасности найти бы!
Всё спокойно, неизменно тут.
Лебедь, Лев, Орёл, Змея и Рыбы –
Мирно все в одной среде живут!
Как волы, послушны Волопасу
Все стада больших и малых звёзд –
Их вокруг скоплений разных масса.
Вот и я свой занимаю пост
И брожу печально-одиоко
Меж других созвездий и планет.
От меня здесь никакого прока!
И конца тоске и скуке нет!

Мне б назад, в короткую, земную,
Но живую человечью жизнь.
В вечности безмолвной я тоскую,
В пустоте, в безлюдье – не прожить!
На Земле – не умереть со скуки,
Нет трясины вечной тишины.
Жизнь кипит, бурлит. Земные звуки
Часто даже по ночам слышны.
Ничего, что там случилось смело
Отражать и стрелы, и рога,
Если повстречаешь, между делом,
Явного иль тайного врага.
Вечность – звёздам, птицам – поднебесье,
Зверю – лес глухой, для рыб – вода.
Людам нужен мир, который тесен,
Густо населённая среда!

ПОЭЗИЯ

Светлана ГОРОШИЛОВА

СВЕТЛАНА ГОРОШИЛОВА

Светлана Борисовна Горошилова – родилась в Заполярье на Полярной станции. По образованию – технарь, по складу души – поэт. Автор двух поэтических книг «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002) и «Русь Православная» (2013). Член Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов.

Живёт в Москве.

Учиться радоваться жизни

*Судьба, назначив путь в Отчизне, кричит: «Держись!»
И... слава Богу, не до скуки,
Через урок муки и муки,
Науке РАДОВАТЬСЯ ЖИЗНИ учусь всю жизнь.*

Из детства

Приоткрыла окошко я
В промелькнувшее прошлое,
Зацепилась душа моя
За родное, хорошее.
Даль светла синеокая,
И зима улыбается,
Моё детство далёкое
В синеве отражается.

...Вот лечу я на саночках
По накатанной горочке,
Да на этих же саночках
За водою с ведёрочком.
Дома дедушка с бабушкой,
Печка топится русская.
Уплетаю оладушки,
Оседлав лавку узкую.

Видно, радостью крещены
Дни, что в годы те пройдены,
И с любовью завещаны
Небеса милой Родины.

Знает даль синеокая,
Вновь зима улыбается.
Моё детство далёкое
В небесах отражается.

Лишь в песне вернёшься в начало,
А жизнь – номерует года.
В дом детства, где радость звучала,
Уже не войдёшь никогда.
И нам не прервать быстротечность
Словесным бессилием фраз,
В незримо-безмолвную вечность
Родные уходят от нас.

Тихо шепчет осень, не кричит:
«Не тревожь того, что отзвучало».
Гаснет день, но утро озарит –
В каждом дне есть новое начало.

Время равнодушное спешит
Сеять боли, радости, тревоги.
То цветы подарит, то страшит,
Набросав камня на дороги.

Но идёшь, куда придёшь – как знать?
Солнца лучик не всегда с тобою.
Только души учатся летать,
Вглядываясь в небо голубое.

Осень мудрая даёт ответ:
«Путь к созвездьям крут и неудобен».
Жизнь сама нас вытащит на свет
Из житейских вихрей и колдобин.

Хотелось петь и обнимать
Весь мир с тобою.
Как трудно знать и принимать
Судьбу иною.

Но жизнь нахохлилась вокруг,
Слова зависли.
И без тебя затихли вдруг
Мечты и мысли.

О, солнышко! Сожги в груди
Следы печали,
Чтобы надежды впереди,
Как и в начале.
Чтоб утром радость до краёв,
И день стал ясным,
И отражение его
В душе – прекрасным.

Благослови

Плата – боль, за радость и за счастье
Просто жить, улыбку не тая.
Припадаю к травам, как к причастью,
Я – земная женщина твоя.
Не гаси в душе моей горенье –
Свет любви восходит от огня.
А любовь – для жизни вдохновенье.
Господи, благослови меня!

Мне по дороге

Неужто только с птицей по пути
Летать моей душе по белу свету?
Я мысли, чувства призову к ответу,
Им просто от ответа не уйти.

Но вижу – солнце землю золотит,
И яблоки в траве, а я – с улыбкой,
И счастлив паучок в качели зыбкой,
И бабочка к моей руке летит.

Как прост настой подаренного дня,
Но в нём – простор безоблачного неба,
Студённость родника и запах хлеба,
И некая подсказка для меня.

И мысли отвергают маету,
И чувства – мягкой травушкой под ноги,
И небо окрыляет высоту.
И с этой радостью мне по дороге.

Я в августе

Как богат на краски и плоды
Месяц август, как пронизан светом!
Как горды родством с землёй сады!
Как без слов всё говорит об этом.

Сколько радости для сердца впрок!
Потрудилось солнышко на славу.
И дождей живительный поток
Внёс необходимую приправу...

Но и грусть твоя, и боль со мной,
И судьбы твоей я не миную.
Низко жизни кланяясь земной,
Яблоко созревшее целую.

Войду под луч вечернего заката,
Стряхну печаль, умоюсь, изумлюсь.
И тихую отрадою объята,
Домой вернуться не потороплюсь.

Пусть цвета представленье – преломленье
Ласкает, исцеляет, золотит.
И помыслам подарит озаренье,
И душу к испытаньям укрепит.

Благодарение

Благодарю за всё, что есть,
За всё, что будет и что было.
Что жизнь люблю сейчас и здесь,
Что сердце память сохранило.

Не надо мчаться за моря,
Когда мне дома солнце светит.
И есть родимая земля,
И лучшие друзья на свете.

Душа – пособница добра,
И для надежд всегда открыта.
И каждая печаль мудра,
Когда отпущена, забыта.

Так и живу

В душе есть и восторженность, и боль,
И благодарность голубому небу,
Любовь к земле, и уважение к хлебу,
И свет надежд, не отнятых судьбой.

Так и живу, приняв от прошлых бед
Уроки – просто радоваться жизни,
Не предавать ни дружбы, ни Отчизны,
И не считать своих минувших лет.

ПРОЗА

Светлана ВЬЮГИНА

Два рассказа

Вьюнок

Звали жеребёнка просто: Вьюнок. Кто и почему его так назвал, теперь вряд ли кто скажет, может быть, взрослые – хозяева или соседи, – а может, и ребятишки, они мастера давать прозвища кому угодно...

Мало-помалу рос да рос Вьюнок и, в конце концов, превратился в молодого коня. Его хозяин, зоотехник Николай Николаевич, слыл человеком образованным и весёлым. Надумал он однажды солнечным майским утром переименовать своего любимца; прикинул так, прикинул этак, что бы такое историческое подыскать... И решил: лучше мифического силача Самсона ничего подходящего для молодого коня нет. Что за побежка, что за статья!.. Уже две медали вручили на сельскохозяйственной выставке Николаю Николаевичу за всяческие достоинства питомца. Правда, новое прозвище Вьюнок никак не хотел признавать; ты – ему: «Самсон, Самсон...», а он даже ухом не шевельнёт. И ещё одно обстоятельство ставило зоотехника в неловкое положение: никак не хотел конь, чтобы на нём восседал кто-нибудь из приезжих начальников, любителей погарцевать, скажем, на таком вот каурум жеребце. Ногу в стремя кто-то из них поставит, лихо вскочит в седло, тронет поводья, а Вьюнок – на дыбы, с места да в галоп! И вот уже горе-всадник с земли встаёт обиженно, травинки сухие со штанов отряхивает и что-то под нос себе бурчит... А кого, скажите, винить? Спросил бы прежде хозяина, Николая Николаевича, посоветовался... Но советоваться с подчинёнными начальники не очень-то любили, а советовать – да. Вот по их указанию и определили Вьюнка на самые простые хозяйственные работы – возить сено с луга на большой телеге, дрова из леса, родниковую воду в деревянных бочках для работающих в поле крестьян, огороды пахать... С переменной судьбы конь легко смирился: а что?.. работа как работа. Люди вместе с ним

Светлана Васильевна Вьюгина – родилась в селе Николо-Урюпино Красногорского района Московской области. Окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Печаталась в журналах «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Юный натуралист», «Балтика», «Дон», «Дон новый», «Огни Кузбасса», «О русская земля!», «Омск литературный», «Север», «Сура», «Подъём». Автор книг для детей: «Конюшник», «Солнечные краски», «Рыжий снег», «Облака-забияки», «Сибирский валенок», «Волшебное словечко», «Дикий Дик», «Черёмуховое крылечко», «Тайна зелёных ёжиков», «Вьюнок». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

трудились обыкновенные, добрые; к примеру, достают из торбочки краюху хлеба, пополам ломают: себе – половину, коню – половину; потом Вьюнок свёколкой похрумкивает или сочную траву рядом щиплет (пасётся), а человек хрустит зеленопёрым лучком да варёным яйцом закусывает. А вечером наступает наилучшая для коня пора. Старшие ребяташки купают его в речке, расчёсывают деревянным гребнем гриву, тихонечко приговаривают: «Вьюнок наш миленький! Красавец наш!» И щекой к его губам припадают ласково... Чем не житьё!

Так и проходил в посильном труде и счастливом покое год за годом.

И кто же знал, что однажды вслед за ранним алым восходом придёт на родные летние просторы нежданное огромное горе.

Со знакомых лиц разом пропали улыбки, затих в округе смех.

Днём и ночью слышались в закатной стороне раскаты странного грома, от которого нервно вздрагивала земля.

Из-за дальних холмов по пыльной дороге потянулись обозы с перебинтованными и стонущими людьми; от них пахло тёмной кровью.

Как-то раз в село приехал пожилой командир с красными петлицами на вороте новой гимнастёрки и объявил, что он по приказу свыше проводит ревизию всех годных к службе лошадей для нужд действующей армии.

Вот так нежданно-негаданно и случился новый поворот в судьбе Вьюнка.

...Путь выдался недолгий, всего-то сутки. Правда, поначалу, первые часа два-три, все лошади, тесно заполонившие товарный вагон, то и дело гулко постукивали подкованными копытами по деревянному полу, прядали ушами, вразной всхрапывали, а то и тревожно ржали, потом постепенно поутихли, опустили головы, задремали...

Рассвет у Вьюнка всегда начинался с охалки пахучего сена, а это хмурое, сверкающее дальними вспышками утро началось по-новому: шумно откатилась в сторону широкая дверь вагона, люди в линялых гимнастёрках положили на порог длинные деревянные сходни, и один из них, усмехнувшись в усы, скомандовал:

– Выходи строиться!

Лошадей явно ждали: поодаль толпились какие-то бойцы и командиры, с нетерпением поглядывали на хвостатое пополнение.

Сопровождавшая лошадей команда – знакомые бойцы – взяла своих подопечных за уздечки (по две в каждую руку) и построилась вдоль состава; принимающая сторона стала напротив, на пыльной привокзальной площади.

– Вьюнок, ты ли? – растерянно окликнул коня человеческий голос. – Ты?

От группы командиров, стоявших в сторонке, отделился человек и скорым шагом направился к Вьюнку. Он сразу узнал человека. Это был Николай Николаевич. Только какой-то странный резкий запах сопровождал его.

– Золотой мой! Ты! Надо же... И тавро на ухе твоё...

Боец отпустил уздечку, и конь зацокал копытами вслед за Николаем Николаевичем, капитаном в гимнастёрке с малиновыми петлицами.

Понятное дело, что и здесь, на фронте, на такого статного коня с интересом поглядывали начальники. Одни просто трепали по холке, протягивали на ладони сухари, кусочки сахара, другие уговаривали капитана из ветеринарной службы передать Вьюнка в их часть или подразделение, суля выгоды и хозяину, и коню, третьи чуть не угрожали, мол, отдай животину, тебе же легче станет... Но были у Николая Николаевича и его четвероногого друга и тайные заступники, так что разлучить давних друзей никому не удавалось.

Не раз и не два попадали капитан и его конь в разные передряги, но, слава Богу, выходили из них живыми. А большего и не нужно на войне...

Вот, скажем, получил полк приказ готовиться к атаке, а время и место для наступления не самое лучшее. На рассвете идти из широкой низины на хорошо укрепленные врагом холмы – дело, можно сказать, гибельное. Но приказы не обсуждают, командованию дивизии, а может, даже и корпуса виднее, где наступать такому-то полку и когда, там ведь вырабатывается большой замысел военной операции.

Командиры проверили наличие у бойцов оружия, боеприпасов, необходимой амуниции, приказали отвести полевые кухни в лесистую лоцину в тылу, верховых и тягловых лошадей – в узкий глинистый овраг, чтобы спрятать их от бомбёжки. К тому же враг наверняка начнёт огрызаться: могут сначала огнём ударить из миномётов и пулемётов по нашим траншеям.

...В семь ноль-ноль грянуло и поплыло над низиной, потом над пригорками «ура» – полк пошёл в атаку всеми наличными силами. Уже изрядно удалось продвинуться поредевшим цепям бойцов. И вновь шквальный миномётный и пулемётный огонь прижал их к земле. Но вновь вставали по команде и вновь залегали... И только к одиннадцати часам удалось захватить нашим воинам господствующие высоты. Когда стало ясно, что с холмов полк уже не хлынет вспять, а будет помалу, упорно продвигаться вперёд, капитан с группой бойцов подогнал из тыла лошадей и вместе с медсёстрами стал вытаскивать раненных с поля боя, укладывать их бережно на телеги, заранее умощённые дырявыми шинелями, изношенными ватниками, соломой и прошлогодней травой – и поскорее, поскорее в лазарет! Тут уж ветработник не отделял себя от медиков – дело-то общее, чрезвычайное! Сил не жалей – спасай людей! Как отмечал про себя Николай Николаевич, Вьюнок тоже ни на минуту не отлынивал от напряжённого совместного труда. Раз за разом уходили скорые обозы в тыл, раз за разом возвращались, облегчённые, и вновь – погрузка стонущих от боли бойцов, и вновь – уплывающие одна за другой по кочковатому полю телеги, и вновь... А там уж, когда командиры подсчитали потери и захваченные в бою трофеи, когда поредевший полк на скорую руку обособовался в полуразрушенных вражеских укреплениях и к возвышенностям подтянулись полевые кухни, Николай Николаевич отправился на свидание с Вьюнком. Как он? Не сбилась ли, к примеру, подкова? Нашёл ли себе какой-нибудь прокорм? Да и вообще постоять рядом с ним, дать гостинчик, похлопать по крупу, привести в порядок гриву – милое дело.

...Молодой усталый подполковник оглядел строй отличившихся на поле боя и, увидев опаздывавшего капитана, не по уставу махнул ему рукой, мол, давай-давай становись...

– Так вот, братцы мои... – опять же не по-уставному обратился он к бойцам и командирам. – Все представлены к правительственным наградам. По заслугам, считаю я. Приказ выполнен...

Получать свои награды бойцы отправлялись небольшими группами, боевые позиции всегда должны быть надёжно прикрыты. Николай Николаевич выбрал себе в попутчики Василия Ананьевича, пожилого сержанта. С ним они, случалось, неспешно толковали о том и о сём, вспоминали мирные денёчки, тем более что оба родом были из-под Костромы, знатного русского города. Добираться до командного пункта дивизии было в общем-то просто: следовало пересечь наискосок большое поле, а за ним – берёзовый лесок... Земляки решили накануне, что на Командный пункт надо явиться солидно; в восьмом

часу утра бережно оседлали двух коней – Ворику и Вьюнку – и тронулись в недалний путь. У самой у опушки над головами что-то противно и ноюще загудело. «Самолёт! И не наш! У наших звук другой»... – мигом поняли всадники. «Мессершмитт» пронёсся на бреющем полёте раз, потом ещё раз... «В третий или четвёртый раз недобровать!.. – сообразил Николай Николаевич. – Спешиваться! Немедленно!» Они соскочили с лошадей и подняли головы. Растянутый в улыбке рот фашиста-лётчика, его беспощадные холодные глаза навсегда впечатались в память Николая Николаевича. «Конец! – подумалось. – Всё!»

Пулемётная очередь... Ещё одна... Мимо!

И самолёт пошёл на новый круг...

Николай Николаевич оглянулся, ища глазами хоть какую-то кочку, хоть какой-то бугорок... Мостик! Над высохшим руслом заросшего травой ручья горбился бревенчатый мостик!

– Вася, бежим туда!

Он стегнул плёткой коней, прикрикнул: «Домой!» и рванул к спасительному укрытию, за ним, шумно дыша, бежал сержант...

Мостик был невысок и невелик, но спрятаться двоим можно вполне.

– Заползай поглубже!

– Да я же постирал одежду! И – в грязь? Нет!

Очередь стегнула по надраенным сапогам, по чистым галифе, по чистой гимнастёрке Василя... Что-то резко ударило капитана в бок – и он потерял сознание.

Кто бы и где бы искал земляков, если бы не прибежавший к бойцам Вьюнок! Он бил копытом в землю, ржал, но в руки не давался, убегал по направлению к леску, возвращался и снова ржал...

– Надо идти за конём – искать наших! – догадались боевые товарищи. – Что-то случилось...

А когда конь уверился, что его поняли, то помчался через поле, добежал до мостика – и взвился на дыбы!

Как ни удивительно, земляки остались живы. Правда, Николай Николаевич вернулся к своим из лазарета через две недели, а Василий Ананьевич провалялся в тыловом госпитале около года и был демобилизован из армии по ранению.

А сколько ещё историй приключалось с Вьюнком и его другом-капитаном, о том и не рассказать. Война – дело долгое, опасное и трудное.

А потом наступил мир. Какое славное наступило время! И в этом времени надолго продлилась неразлучная судьба доброго человека и доброго коня.

Дядя Петя

Город детства. Далёкое время, когда мир казался прочным и незыблемым, а все люди добрыми и бессмертными.

Мир, увиденный широко открытыми детскими глазами...

Снег в марте не выпадал. Ну, почти совсем... Его и зимой-то не особо много видели! Вот в тот бесснежный март мы частенько и собирались вечерами на лавочке у подъезда. Вовка Евграфов, Люба Рыжая и я – все учились в одном

классе, пятом «А», и жили в одном подъезде стандартной девятиэтажки. А ещё мы вместе ходили в лыжную секцию. В неё нас зазвал-заманил учитель физкультуры Николай Иванович. Ему надоели постоянные побеги учеников с уроков. Вот благодаря физруку я и полюбила лыжи! Да и по физкультуре вытянула отметку на крепкую четвёрку.

Но когда снега нет – как кататься? Вот и просиживали свободное время у телевизоров. А когда приходили родители с работы и прогоняли нас, непутёвых чад, от теликов – то выходили во двор и рассаживались на лавочке. У нас было в то время такое поветрие – все хотели научиться играть на гитаре.

На первом этаже жил дядя Петя. Если он находился в хорошем настроении, то выходил с гитарой, в своей неизменной тельняшке, и устраивал всем желающим мастер-класс.

Не поверите, но все ребята с нашего двора научились, пусть и простенько, но вполне сносно бренчать на трёх аккордах...

А нам с Любой родители даже купили гитары. Я потом свою гитару Евграфову подарила, когда расхотелось учиться. Сейчас, спустя годы, благодарно поражаюсь терпению жителей тех квартир, окна которых выходили на нашу «музыкальную» лавочку!..

Как-то раз к дому подъехал огромный фургон, и рабочие в спецовках стали разгружать мебель. Вместо нашей добросердечной Веры Ивановны, уехавшей к сыну в Севастополь, в доме поселилась модная молодая женщина.

– Лионелла, – так кокетливо представилась она нам и дяде Пете, который не только был нашим соседом, но и последние годы после увольнения в запас с военной службы, о которой он никогда не распространялся, – бессменным дежурным (консьержем) в нашем подъезде. Тогда эти дежурные только появлялись в округе... Нам Лионелла понравилась: красивая, высокая, она, возвращаясь с работы, иногда даже подпевала дяде Пете...

Но как говорится – «новое не всегда лучшее». Ссоры начались через несколько недель. У Лионеллы, оказывается, был свой пунктик – ей не нравилось, что дядя Петя кормил у подъезда птиц. Они слетались со всей округи на хлебные крошки. А может, на залихватские песни.

Раньше с жильцами из-за этого никаких ссор не возникало. Ведь дядя Петя брал шланг у дворника Мурата и тщательно смывал последствия птичьего пиршества. А бывало, после изучения новых аккордов и мы в этом помогали. Да и Мурат – сначала усмеялся на причуду жильца часами кормить птиц, но вскоре сам влился в дружную компанию и в любую свободную минуту присаживался к нам на лавочку и пел грустную песню про далёкую возлюбленную Изабель.

И тут вдруг новая соседка объявила непримиримую войну птицам, а значит – и дяде Пете. Однажды мы увидели нашего учителя на стремянке, моющего окно строптивой соседки.

– Чего не сделаешь ради пернатых... – кратко, без эмоций прокомментировал дядя Петя.

Как позже выяснилось, Лионелла пожаловалась в домоуправление: мол, прикормленные дядей Петей птицы пачкают подоконник.

Но и этого Лионелле показалось мало. Один раз во время нашего концерта она, открыв окно, выставила магнитофон на подоконник и включила его на полную мощность. Мол, мало птиц, так он всю ребятню под крыло собирает.

В другой раз, как самый настоящий пират, она гитариста без припасов оставила...

А дело было так. В то время из-за «внезапно» напавшей на страну «перестройки» в магазинах случались перебои с продуктами, например, вдруг на какое-то время пропали из продажи соль и мыло. Некоторые стали закупаться впрок, создавая ненужный ажиотаж. А вот дядя Петя и в ус не дул! Припасы не делал, в очередях не стоял: сидел на лавочке и весенним солнцем наслаждался. Он много лет жил со старенькой мамой, пережившей военные тяготы, а потому и сделавшей внушительные запасы и соли, и мыла. И много чего ещё...

– Мало ли что... – рассуждала эта немолодая и очень достойная женщина.

Так вот, после смерти мамы дядя Петя раздавал всем на память кусочки ароматного туалетного мыла. Что было – то и раздавал. А соляных запасов – так вообще после мамы много оставалось. Поэтому пока магазины разбирались со сложившимся немудрёным дефицитом, дядя Петя делился с каждым соседом, кто попросит.

И бойкая Лионелла тоже, видимо, обратилась с просьбой. И он, добрая душа, пустил козу в свой соляной «огород». Вечером, сварив картошки, Петя обнаружил, что солонка пуста. Полез в свой пятикилограммовый жбанчик. Тоже пуст! Но дядя Пётр не растерялся – картошку съел с солёным огурцом. А вечером попросил ребят со двора купить ему, при случае, утащенные Лионеллой «дефициты». Ведь ушлая соседка и всё оставшееся мыло из дома прихватила – вот какая припасливая и хозяйственная!

– А что? Сам разрешил взять сколько нужно. А мне нужно много! Всё законно. А лоха, как говорится, «грех не обуть», – так Лионелла объяснила соседям своё пиратство.

Вечером дядя Петя, как всегда бодрый и весёлый, в неизменной тельняшке, сидел на лавочке с гитарой. И мы около него со своими гитарами толпились. Тротуар был помыт. Мы ждали мастер-класса. Лионелла не выходила, может, капелька совести терзала, а может, от жадности «в зобу дыханье спёрло»...

Телефон прервал нашу музыкальную репетицию. Звонил товарищ нашего дяди Пети, друг молодости и военной службы, мол, на машине еду мимо, не прихватить ли чего в связи с надвигающимся возможным дефицитом? Петя, подмигнув нам, весело так попросил соли и мыла.

Мы дружно замахали руками и закричали, чтобы тот заказал икры, вина и сыра, мы знали, что товарищ Пети не беден (недаром же высокий пост занимает!) и щедр. Его редкая по тем временам иномарка по праздникам частенько притормаживала у нашего подъезда с гостинцами...

Но дядя Петя и слушать нас не стал:

– Соли и мыла. Больше ничего не надо.

Дядя Петя ещё не знал, что мы, рассказав родителям историю про экспроприацию Петиних соляных запасов, собрали с ними вместе «перестроечный» набор – где было много соли, мыла и всего другого-разного – и собирались сегодня вечером вручить «дефицит». Хотели сделать сюрприз своему учителю...

Через часик примерно подъехала серебристая машина – и из неё сначала показались коробки, которые мы со щенячьим восторгом принялись разгружать, а потом и сам двухметровый силач с сумкой на плече.

– Там разная соль – и морская, и с зеленью. И для засолки и так просто, ну и мыла запасец, – широко улыбнулся Петин друг. – А это, – он небрежно указал на огромную сумку, висевшую у него на плече, – всякие вкусы для

будущего праздника, когда всем миром соберёмся... Твои ученики, молодцы, подсказали. Я услышал их сердечный совет. У меня знаешь, какая мощная интуиция? – И для убедительности дурашливо хлопнул по своей тельняшке, точно такой же, как у дяди Пети.

На растерянные возражения дяди Пети его друг только отмахнулся:

– Твоё любимое присловье какое? «Да не оскудеет рука дающего... да не отсохнет рука берущего»...

Мы притихли. Что-то происходило на наших глазах чудесное. Какой-то кругооборот добра в природе. Мы подняли глаза вверх и увидели в окнах наших родителей, с улыбкой наблюдавших за происходящим.

Лионелла тоже таращилась из-за занавески на встречу друзей. И нам показалось, что она всхлипывала. Но никому не было до неё дела.

А друзья, заноса продукты в подъезд, не сговариваясь, всё-таки посмотрели на её окно. И Пётр раздумчиво протянул:

– А глаза-то, оказывается, у Лионеллы зелёные-презелёные, когда она в слезах. Таким зелёным я видел только Баренцево море после шторма...

Теперь, по прошествии такой немыслимой толщи времени, вижу, что и мир оказался не таким прочным и незыблемым, как виделся нам в детстве. И люди, покорные общему закону, оказались смертными, но всё-таки так отчаянно опираться на незримую руку, ведущую нас по жизни.

ПОЭЗИЯ

Пётр Георгиевич Гулдедава – член МГО СП России и Академии российской литературы. Автор четырнадцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов. Живёт в Москве.

Пётр ГУЛДЕДАВА

«Мука перемолотых мук...»

С упорной силой постоянства
Поэтам сроду суждено
В полях мирского окаянства
Растить духовное зерно.

Незримым снадобьем отравы
Их поражает тайный глюк:
За миражами дольней славы
Идти по тропам долгих мук.

Венец творца таит пророчество:
Не всем росткам дано пробиться
Сквозь горький холод одиночества
В плену несбывшихся амбиций.

Мы все – то властитель, то жертва –
Терниста земная юдоль.
Ступени к вершинам блаженства –
Людские страданья и боль.

Но происки лжи и коварства
Сумели людей приучить,
Что горькие яды – лекарства,
Способные нас излечить.

Когда даже дух бестелесный
Растёрт жерновами разлук –
Становится манной небесной
Мука перемолотых мук.

Любовь у нас теперь в другом формате:
Конвульсий духа и рефлексий – нет,
И девочка не плачет в автомате,
А матом сотрясает интернет.

Хоть «светом в окошке» я не был,
Как положено быть герою,
Я и дальше коптил бы небо,
Но весенней хмельной порою
В перламутровом свете дня
В сыру-землю меня зарюют,
И согреет она меня.

Как зерно, потянусь в побеге я
Твердь небесную проколоть.
Как невидимая энергия,
Заклѳчѳнная в клетку-плоть.

И отправлюсь как будто в небыль,
Где не видно ни дна, ни зги...
Я и дальше коптил бы небо,
Но пора отдавать долги.

От середины прошлого столетья
Круги юдоли смог преодолеть я,
И уходил от гибели опять,
Хотя судьба и рыпалась распять.

Но, не освоив роли мажордома
Для своего единственного дома,
Я понял, что не так уж ныне мил
Прекрасный, поначалу добрый, мир.

Где сколько ни зови и ни лови –
 Растаял в дым огонь былой любви,
 Где возле ликов красного угла –
 Земных надежд остывшая зола...

Но, не давая шанса быть беспечным
 Напоминаньем о грядущем вечном,
 Душа трепещет, как перед причастьем:
 Когда-то в этом доме пахло счастьем!

Дмитрий Михайлович Милов – родился в с. Орудьево Дмитровского района Московской области 8 июля 1983 г. Образование – высшее юридическое. Поэт. Член Союза писателей России. В 2009 г. вышел первый сборник стихов «Между двумя», в 2014 г. – сборник стихов «Над временем», в 2017 г. – сборник стихов «Парадигма». Публиковался в газетах «Московский литератор», «Дмитровский вестник», журналах «Студенческий меридиан», «Огонёк», «Смена», «Дмитровский вестник», «Северная жемчужина». Имеет несколько общественных наград, лауреат литературных конкурсов и премий. В настоящее время работает над четвёртым сборником стихов.

Живёт в Дмитрове.

«Находясь на своей полосе...»

Каким бы ни был
 Твой путь вначале,
 Придёшь ли к небу,
 К земле причалишь.
 Мотив движений
 Всего повсюду,
 Страх поражений,
 Что я не буду
 Вставать, бороться,
 Смотреть в оскалы,
 Достигнуть солнца,
 Упасть на скалы,
 Увидеть мало
 В хитине клешни,
 Подумать нагло,
 Оставшись прежним.
 Без слома брови
 Отведать где бы
 Вино из крови,
 Из плоти хлеба.
 Так прост и светел
 В ничтожной массе
 Летящий пепел
 И Варанаси.
 Он птиц на ветке
 Достигнет скоро,
 Он – пыль на сетке
 Внутри прибора,

Где в перекрестье Теодолита
Живёт поместье Митрополита.

Было когда-то пастбище,
Теперь осталась плешь от него.
Время менять пристанище,
Отказываясь от внешнего.
Горечь немого свидетеля
Наблюдаю в объёме стапеля,
Отражаясь в хромульке вентиля,
Стоя в чёрном квадрате кафеля.
Лунного света маслице
Льётся сквозь стёкла в наледи
В комнату, где вмещается
Пропасть стократной памяти.
Слава! Родная кириллица!
Всем, кто, ныряя в бездне,
Думают, что им выбраться...
С песней или без песни...
Ты принимай движение,
Пусть и винить в нём некого,
Как не своё поражение
В остром осколке зеркала...

Убеждён, что я понял Бога,
Находясь на своей полосе.
За любой поступок любого
Отвечать будем все!

В августе

Дарине

В августе, когда всё стремится к закату,
И пейзаж на месте взимает плату,
Восхищеньем, что каждый прожил утрату,
Зная, что происходит с ним...
Пусть будет солнечно, склон положе,
Вьющихся трав – для влюблённых ложе,
Путь одинаковых и непохожих
Будет всегда храним...
В августе...

Родилась на Северном Кавказе в казачьей станице. Стихи начала писать с 12 лет. Окончив филфак, защитив диссертацию о поэтическом языке А.Т. Твардовского, сочетает преподавание русского языка в вузах с научными интересами. Автор девяти книг стихов. Победитель и лауреат многих международных литературных турниров, фестивалей и конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Грядущего высокая звезда...»

Русский сонет

У крымских дней так много перемен,
Вновь берег Ялты... радостно прекрасен.
И горизонт безоблачен и ясен,
И нет в сердцах предчувствия измен.
Что мы дадим любви святой взамен?
Ведь равнодушья скользкий путь опасен,
И крик души взывающей ужасен:
Он сердце рвёт, как ленточку спортсмен.
Блаженны дни, не знающие крови,
Воистину вы в судьбоносном зове, –
Останьтесь тихой нежностью во мне.
Меняя всё: и время, и пространство,
Сжигая боль – в невидимом огне –
Для вечности седой и постоянства.

Море вспенится лёгким кружевом,
Набегая волной вослед.
Это верно, что очень нужен нам
Звёзд вечерних летящий свет.
Миг застынет, и миг останется,
Словно жемчуг среди створок дней,
И душа твоя тихой странницей
Долетит до святых огней.

Перламутром рассвет засветится,
И взойдёт на краю небес
Лучезарного света лествица,
Как восьмое чудо чудес.
Озарятся сплошным сиянием
Склоны древние Демерджи,
Чистой радостью – ликованием
Рвутся бранные рубежи!

И затихнет и даль небесная,
И отроги, и боль души –
Вся земная тревога тесная,
Растворяясь в любви-тиши.
А внизу синь морская пенится,
Набегая волной к волне,
Словно крылья бессмертного Феникса,
Не сгорающего в огне...

Уедешь от меня – померкнет день.
И даль остынет, равнодушно тая.
Всё кончится, лишь расставанья тень
Витает надо мной, как парок стая.
Пора, мой друг, предсказаны давно
В других мирах нам встреча и разлука.
Минувшего забытое кино
Растает на земле – земная мука.
Лети легко, ты в сердце навсегда,
Я справлюсь с днями, хоть они всё круче.
Грядущего высокая звезда
Сияет нам сквозь испытаний тучи.

Август. Вечер. Ветра всплески.
Безмятежной дали сон.
Ширь покоят перелески,
В пламени заката Дон.
За волной волна отхлынет,
И сомлевшая земля
От жары дневной остынет,
Утешая тополя...
Степь донская – нет огляда,
Ковыли, кермек, полынь...
Что душе тревожной надо?
Ей неймётся и в теплынь.

Утоли свои печали,
Беспокойная душа,
Посмотри, как тихи дали
Под шептанье камыша.

Сонет-акrostих

Когда приходит в эту жизнь поэт,
Оркестры не звучат, спокойна лира.
Никто среди грешного земного мира
Судить о том не в силах – в нём обет.
Таинственна судьба певца, и свет –
Азурными лучами среди эфира
Небесного – касается кумира,
Талант он принимает, как завет.
И вот блеснёт кастильская криница,
Над ней горит парнасская заря,
Святым огнём любви душа томится.
Она обнять готова всех и вся!
Хранят его нетленные страницы
Алмазный блеск души, животворя.

Когда была основана Москва?

Принято считать, что Москва основана в 1147 году. Однако, это не время основания города, а первое упоминание о нём в летописи. А первое упоминание – это не факт основания Москвы. В работе (З. с. 217) приведено сообщение из рукописи А.Я. Артынова «Летопись бытия временных лет Ростова Великого», которая была переписана из более древних ростовских источников. Вот это сообщение: **«На пути изъ Ростова къ Киеву приде же Олегъ на рѣку глаголемую Москву въ нея – же ту прилежать двѣ рѣць единой имя Неглинной а другои Яуза и построи ту градъ малъ и прозва его Москва и посади ту на княженіе Ростовскаго князя Поливода».** Это сообщение идёт под 880 годом.

Итак, мы теперь знаем, что Москва основана за 267 лет до её первого упоминания в летописи. Почему такая разница в датах? А потому, что впервые упомянута была Москва в летописи, когда город стал, как тогда говорили «крепким», то есть укреплённым. Это событие и было отмечено в летописи.

Основателем Москвы, таким образом, является не Великий князь Юрий Долгорукий, а Вещий Олег, поморский славянин, такой же росс, как и Рюрик, и как все жители Новгородской и Ростовской земель. Русское государство образовалось от объединения этих северных областей, к которым далее, во многом усилиями Великого князя Олега, присоединились и другие русские земли. А Киевская Русь возникла позднее, после перенесения Олегом в Киев столицы из Великого Новгорода.

После смерти Рюрика его бояре Аскольд и Дир в Киеве и Свенельд в Ростове Великом, желая стать самовластными Великими князьями, используя малолетство Игоря, сделали попытку отделиться от Русского государства. Избегая междоусобной войны и напрасной гибели многих русских людей, Вещий Олег вначале отправился в Ростов, причём в одиночку, что требовало исключительного личного мужества, учитывая мятеж, и без кровопролития пресёк крамолу Свенельда.

Юрий ЯХОНТОВ

Юрий Александрович Яхонтов – доктор технических наук. Действительный член Петровской академии наук и искусств, член СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга года» 2011-2013 за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга года» 2012-2014 за книгу «То, что в сердце давно берегу...», «Лучшая книга года» 2017-2019 за книгу «Герои стародавних времён». Лауреат Международного славянского форума «Золотой витязь» за 2016 год. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

Далее целью был Киев, где, уничтожив только двух злостных зачинщиков, Олег вернул Полянское княжество в Русское государство. На пути из Ростова к Киеву и была основана Москва.

Вещий Олег был выдающейся личностью в русской истории. Он снова объединил славян: россов новгородских и ростовских, древлян, кривичей, северян и полян. Некоторые историки называют Вещего Олега узурпатором, хотя будучи соправителем князя – младенца Игоря, и также являясь представителем правящей династии (он был дядей Рюрика, хотя возможно и младше его), у него были все возможности для устранения младенца Игоря и полного захвата власти. Но Олег снова оказался на высоте, вырастив и, в сущности, посадив на Великое княжение Игоря, со значительно большей территорией Русского государства, чем была при Рюрике.

Нужно воздать наконец должное Великому русскому князю Олегу, основателю Москвы. Когда он умер, то, как сказано в Повести временных лет, все люди оплакивали его великим плачем.

Вещий Олег продолжил консолидацию славянских племён, которая началась с объединения Новгородской и Ростовской земель и образования Русского государства. Следует сказать о высоком нравственном уровне князей – старейшин Гостомысла в Новгороде и Бегислава в Ростове. Для процветания отечества они добровольно отказались от власти в своих огромных землях – государствах и выступили инициаторами объединения с приглашением на княжение Великого князя Рюрика. Этот пример достоин для подражания и в наше время.

Археологическим подтверждением более раннего, чем принято считать, основания Москвы может служить находка в 1838 году близ устья Неглинной клада диргемов, в котором две монеты были 862 и 866 годов (2).

Выскажу предположение о происхождении названия города. В работе (З, с. 42) приводятся данные, что князь Мосох со своим племенем (славянами) начал своё движение на север («в полунощные страны») через 131 год после Потопа, то есть в 3135 году до н.э. Заселение Восточно-Европейской равнины шло постепенно, в среднем по 6-8 километров в год, с образованием поселений на оставленных местах. Москва получила название от наименования реки – об этом пишет и св. Димитрий Ростовский (1, с. 9). Происхождение названия реки Москвы от Мосоха, я думаю, вполне возможно. Связь имён очевидна, например, Мосохова река: Мосохова – Мосохва – Мосхва – Москва.

Литература

1. Св. Димитрий митрополит Ростовский. Сочинения. Т. IV. М.: Синодальная тип., 1827.
2. Рабинович М.Г., Латышева Г.П. Из жизни древней Москвы. М.: Московский рабочий, 1961. С. 12, 13.
3. Яхонтов Ю.А. Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика. М.: Вече. 2009.

ПОЭЗИЯ

Виктор Михайлович Кашкин – член СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

Виктор КАШКИН

Звёздный лабиринт

Зрителю – коррида,
Игроку – гамбит,
Мне – пока без гида
Звёздный лабиринт.
Развернув плечами
Шире, шире грудь,
Улетать ночами
В долгий млечный путь...
Прячась от измены
В перекрёстках звёзд,
Не найдя замены
И на сотни вёрст,
Хвастайся, обида,
Что любовь – не флирт.
Посему без гида
Звёздный лабиринт.

Мне с Павелецкого вокзала
Плацкартных парочку ночей
До речки Псоу, что связала
Меня с Абхазией твоей.

Ты уроженка знойной флоры,
А я амурский водохлёб.
С тобою море, солнце, горы...
Мне пресная среда амёб

Дарила радости попроще,
И благодарен я тебе,
Что эвкалиптовые рощи
Случились и в моей судьбе.

Что в келье Симона молился,
Что и святым местам Камана
Намедни снова поклонился,
Что горного хлебнул тумана,
Что к башне Иверской дорога
Меня не выбила из сил,
И камни крепости здесь трогал
И Богородицу просил
Благословить, чтоб не утратил,
Не променял креста любви.

Благослови мя, Божья Матерь,
Благослови, благослови.

Радужным пёсьим лаем
Гостей встречает двор
И петушиным раем,
И панорамой гор,

Гирляндами, что свиты
Из виноградных лоз,
И кактусом небритым
В слезах вечерних рос,

Проявленной картиной
Сиянием луны,
Созвездий паутиной
В капканах тишины.

Подрагивает веко
Во сне, когда не спишь:
Течёт по небу млеко
В селении Дурьпш.

Где в синей колыбели
Мерцание лампад,
Ночного зноя трели
Сверчка или цикад,

Серьгой на кипарисе
Рождение луны,
Котом с повадкой рыси
Все норы сочтены –

Там в кляксах виноградин
Уснул абхазский двор..
И дождик из Багдади
Подкрался, словно вор.

На зелёные свечи
Кипарисовых роц
Сбросил розовый вечер
Южно-русскую ночь.
Август.
Падая, звёздам
Пахнуть морем легко.
А тонуть им непросто –
Глубоко, глубоко.

Не сценки вакханалии,
Когда сапог Италии
Разглядывал на карте, вспоминал:
Как пляжные сандалии
На каблучке Италии
На тамошних курортах разминал.

Где берег Адриатики,
Там шастали фанатики
Камней и мелководной глубины,
Там ветер словно с Балтики,
Швырял в лицо мне фантики
И пену с хвойным запахом сосны.

Ах, эта Адриатика –
Не всякому романтика,
Без евриков не всем дорога в Рим,
И волны Адриатики
Ласкали лишь богатеньких,
И лишним гостем здесь был пилигрим.

На Камчатку ли мне, на Юг?
Всё равно, если тянет к звёздам.
Лишь бы море да неба круг,
Раз уж вышло, таким что создан
Нелюдимым для суеты,
Для коллег и хмельных восторгов,
Где недолго до клеветы
В форме дружеских кривотолков.
Раз уж шелест в городе шин
Не заменит мне вдоха прибоя.
Паче визг истеричных машин
Не соперник волнению моря.
На Камчатку рвануть ли, на Юг?
Всё равно, лишь бы в звёздах небо
Еженочно читать мне вслух,
Раз уж Словом обижен не был.

Ревакцинация у нас
Не ключевым ли словом ныне
В словарный втиснута запас?
Такого не было в помине.

Такого не припомнят сны
Переболевших не однажды
И уцелевших до весны
Завакцинированных граждан.

Заразе круче всех зараз
С единственной прививкой скучно.
Ей медицина не указ
С терминологией научной.

На выживание войне
Конца не видно из начала...
А впрочем, мир худой по мне,
Лишь муза бы не замолчала.

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения постоянно появляются на страницах периодической печати, в сборниках и альманахах. Автор четырех поэтических книг: «Снежное вдохновение», «Энергия речи», «На островах времени», «Берега». Победитель ряда литературных конкурсов. За творческие достижения в современной поэзии награждена литературными наградами. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«В радуге цветных иносказаний...»

Снег

Снег. Снег. Снег.
Снег летящий, поющий,
В сказку плывущий.
Эй, люди, закутавшие себя в шубы,
Отдайте снегу глаза и губы.
Отдайте ветру свои улыбки,
Забудем сегодня ошибки, ушибы.
Скажем горечи прошлого – «Нет!»
Чистый, новый падает снег.

На вернисаже М. Врубеля.

Демон

Опять со мной
Твой взгляд орлиный
И образ жёсткий, неземной.
Опять волной неумолимой
Меня несёт к тебе незримо,
О, Демон мой!

Бессильно сцепленные руки,
Но там, за гранью бытия
Неодолим источник муки –
Мятежность вечная твоя.

О, эта жажда совершенства!
Противоречия тяжести,
И час возможного блаженства
Пронизан хаосом тоски.

Слушая «Аиду»

Пандемия, пандемия,
Чувств сердечных анемия.
Милый где-то вдалеке,
Погадаю по руке.
Может быть, любить не надо,
Может, кто-то третий рядом,
Ловит молча жест и взгляд,
Карантину даже рад.
Как Амнерис, как Аида,
Я страдаю, вот обида.
Родамес мой слишком важный,
Не поймёт призыв бумажный.

На озере Белом

Берендеевый лес,
Берендеевый сказ
Раскрывает свою
Красоту напоказ.

Жеребёнок за лошадьёю
Резво бежит,
Тихо сани шуршат,
Колокольчик звенит.

А на озере Белом
Всё бёлым бело,
Новогодней метелью
Следы замело.

Это чудо чудес
Нашей русской зимы.
Берендеевый лес,
Новогодние сны.

Вечер в деревне

Вечеряли при свечах
И стихи читали.
В печке жаркой на углях
Огоньки плясали.

А над крышею дымок,
У порога снега.
Кто найти друг друга смог,
Окунулся в негу.

Затерялся дом во тьме,
Что тут удивляться?
Завалил тропинки снег,
Чтоб вдвоём остаться.

Сумасшедшие во сне
Губы целовались.
А быть может, это мне
Снилось, да казалось...

Разрывая ленточку страстей,
Задыхаюсь полнолунием строчек,
Полновесной тяжестью вестей,
Полной мерой жарких одиночеств.

Посылаю сердцу одному
Клинопись разбуженных желаний,
И стихов ночную кутерьму
В радуге цветных иносказаний.

Верни моё сердце обратно,
На место его положи.
Коль вышла такая превратность,
Пора укреплять рубежи.

Верни моё сердце – и точка,
Серьёзно тебе говорю,
Сожгу твою душу я точно,
Поскольку сама я горю.

Верни моё сердце, покуда
Над городом пляшет зима.
Пусть нежность останется чудом,
Пока не сошли мы с ума.

В бесснежном
Холодном предзимье,
Средь серых
Незначащих дней
Исчезла любовь,
Словно схимник.
Вы слышали
Что-то о ней?
Сказали: «Она
Затаилась
И зова заветного ждёт.
Найдётся,
Как божия милость,
Лишь таинства
Время придёт».

Новый год в Переделкино

Танцевала белочка
На сосне,
Раздвигались веточки
В тишине.
Уходил в небесное
Старый год.
Всё, что было пресного,
В незачёт!
Всё, что было радостно,
Заберём
Семицветьем радужным
В новый дом.
Бьёт копытом там
Белогривый конь.
Освещает путь
Золотой огонь.
И зовёт любовь
Безрассудных нас
И таланты ждёт
У себя Парнас.

ПОЭЗИЯ

Галина РОМАНОВА

**Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Галину Александровну
с юбилеем!**

Галина Александровна Романова – представитель той части российской творческой интеллигенции, для которой увлечение литературой стало смыслом и наполнением жизни. У неё, инженера-металлурга, успешно сложилась производственная карьера в авиационной отрасли, где она продолжает работать, теперь директором по связям с общественностью авиационного предприятия. Ей, поэту, прозаику, публицисту, члену Союза писателей России, члену Союза журналистов России, удалось выразить себя в литературном творчестве. Авторские книги, коллективные сборники, публикации в периодических изданиях. Творческие вечера и встречи, участие в конкурсах. На её слова написано более пятидесяти песен. Она имеет множество наград и поощрений за профессиональную, общественную и литературную деятельность.

Живёт в Балашихе.

«Надежд наших выпавший снег...»

Загадаю

Две недели до Нового года...
Мне не верится: быстро-то как!
Но поверила даже погода:
Снегом гонит бродячих собак.

По-над городом светятся ярко
И мигают, зазывно маня:
«Покупайте игрушки, подарки!» –
Не рекламы, а сети огня.

Вдруг в одну из таких попадаю
И теряюсь в цветной мишуре.
Что кому подарить, я гадаю,
Растворяясь в ночном серебре.

Забываю, что было мне грустно,
Вспоминаю удачи свои;
Мандарином и ёлкой так вкусно
Утешают надежды твои.

Год грядущий, год нового счастья!
Под куранты с шампанским опять
(По секрету могу вам признаться)
Загадаю – любимую статью!

Будут метели

Вот и зима... Удивляется город:
Снег на дорогах, на крышах домов.
С неба дохнул вдруг решительно холод –
Газа прибавили в топках котлов.

Радостно детям на санках катиться,
Бодро сосед пробивает лыжню.
В форточку клювом стучится синица,
Сальца кусочком её подманю.

Утром закутаюсь в шубу из норки,
В снежную сказку пойду погулять,
А во дворе не сугробы и горки –
Плачет капель, половодье опять.

Вновь уступила зима межсезонью,
Снег унесли ледяные дожди.
Я огорчилась, признаться, спросонья.
Кто-то сказал: «Потерпи, подожди.

Будут метели, снега и бураны,
Искрами солнце в морозном окне,
Вспыхнут замёрзшие щёки румяно,
В зимнем любовном согревшись огне».

Вселенную грею!

Воздух морозный вдыхаю,
Будто Вселенную пью.
Вижу, как звёзды, мерцают,
Гнёзда небесные вьют.

Дует космический ветер,
Души-пылинки клубит,
И, как всегда, на рассвете
Землю немного знобит.

Думаю, счастье – явиться
В этот непознанный мир,
Звонкой мелодией влиться
В многоголосый эфир.

Света конец? Я – не верю!
Воздух морозный в груди,
Будто Вселенную грею –
Вечная жизнь впереди.

Декабрьское утро

Следы оставляю на белой равнине
В пушистом весёлом декабрьском снегу.
Осенний пейзаж на унылой картине
Сменила на зимний метель на бегу.

Засыпала ветки деревьев и щедро
Набросила шубы на плечи машин.
Спокойствием зимним небесные недра
Сравнили провалы с зазнайством вершин.

Свою недоступность венчальным нарядом
Сменила под утро колючая ель.
Мороз-озорник, оказавшийся рядом,
Шепнул ей на ушко: «Решайся, смелей!»

И всюду – предчувствие смены форматов,
Все ждут Новый год, а потом Рождество.
В снегах пролагаю свой новый фарватер
И верю, как в детстве, опять в волшебство.

Полагается зима!

Новый год, а снега мало,
Зелен всё ещё газон.
Почему зима пропала?
Пропускает свой сезон.

Дразнят нас с утра прогнозом:
Холод, снег и гололёд,
Но, прикинувшись Морозом,
В праздник лишь сосед придёт.

Интеграция с Европой:
Мы ей – газ, она – Гольфстрим.
А в народе слышен ропот:
– Где сибирский наш экстрим?

Климат русский не обманешь –
Полагается зима!
И однажды утром встанешь –
А она пришла сама.

В белом снежном сарафане:
Вот лыжня, каток, гора.
Не лежите на диване –
Всем на улицу пора!

Предвестие зимы

Снежок – зимы предвестник
Летит и быстро тает.
Свой чуть заметный крестик
Голубка лапкой ставит.

Земля, впитав снежинки,
С осеннею печалью
Укрыть свои ложбинки
Мечтает белой шалью.

А небо дождик частый
На город напускает
И пеленой ненастной
Надежды укрывает.

Смотрите: всё готово
Зиме суровой сдатьсь,
В искрящихся оковах
Под утро оказаться.

Сменю-ка я сегодня
Резину у машины,
Чтоб праздник новогодний
Встречать на зимних шинах.

Навигатор

Я руль держу, но в выборе не волен:
Мне женский голос свой диктует путь.
Пожалуй, кто-то был бы и доволен,
А я хочу тот голос упрекнуть:
– Откуда знаешь ты, что так короче,
Что правый снова нужен поворот?
А может, просто голову морочишь?..
– Так ты ведь сам мне задал «до» и «от»,
Тебя веду быстрее к конечной цели, –
Мне чёткий женщина даёт ответ.
О, как приборы осмелели! Нажму –
И голоса уверенного нет!
Блуждаю сам по жизненным дорогам
И строю свой запутанный маршрут.
Поразмышлять приходится о многом,
Пока дороги к цели приведут.
Я не включаю больше навигатор,
Упорно в карту местности гляжу –
Не кнопки жму, как жалкий оператор,
А свой маршрут по жизни прохожу.

Прогулка

Тихо идём по вечернему городу,
Лунами кажутся нам фонари;
Не поддаёмся январскому холоду,
Мне о любви, милый друг, говори!

Повторяй, что единственной буду,
Обещай с бриллиантом кольцо,
Удивляйся любви, словно чуду,
Открывай поцелуям лицо.

Вслед нам смеются, добрея, прохожие.
Ветер, стихая, уснул во дворе.
Ждут ещё дни, как в июле погожие,
Тех, кто влюбиться успел в декабре.

Вместе мы встретим рассветы весенние,
В дождик укроемся общим зонтом;
Станешь учить меня нотам и пению,
Будет всё это когда-то потом!

Город в снегу

Вот это по-русски:
Тропинкою узкой
В лавине из снега,
Низвергнутой с неба,
Поверив прогнозам,
Что будут морозы,
По городу утром
Промчатся, как скутер.

Смотрю на бегу:
Весь город в снегу,
В гирляндах огней
Луна всё бледней,
Январский денёк
Укутал в снежок
Деревья, кусты
И храмов кресты.

От солнца в окне
Узор на стене.
Зима (наконец-то!),
Как в белом невеста,
В сиянии страз
Вновь радует нас
Не западной модой,
А русской погодой.

Недошедшее письмо

«Мама! Знаешь, надо мной
В ягодах рябина.
Наша рота под Москвой
В снежной выюге стынет.

Мама! Скоро будет бой.
Будут рваться мины.
Я вернусь к тебе домой.
Дождись сына ...»

...Почему упал листок
С карандашной строчкой?!
Не дойдёт письмо, сынок:
Пуля стала точкой.

Капли ягод на снегу
Тёмно-рыжей кровью.
До сих пор мы все в долгу –
Неизбывной болью.

Прогулки под елями

Здесь гуляла я под елями,
Спал в коляске мой сынок,
Про весну синицы пели нам,
Шишки падали у ног.

По снежку шагами важными
Ворон делал моцион,
Кот с повадками вальяжными
Отвечал мне на поклон.

Дятел сыпал телеграммами
Из заснеженных вершин,
Малыши играли с мамами,
А в коляске спал мой сын.

Я теперь гуляю с внуками
В том же парке у реки,
С тем же лесом, небом, звуками.
Как же годы коротки!

Заметаются метелями
Те счастливые следы.
Ты гори, гори над елями,
Свет моей земной звезды!

В снегопад

Лунный круг белёсой льдиной
Таёт в небе за окном.
Спят небесные глубины
В снежном мареве земном.

Дарит белые картины
Разгулявшийся январь,
Видно в окна чьи-то спины
Сквозь предутреннюю хмарь.

Чистят в городе сугробы
Третий день уже подряд,
И оранжевые робы
Мандаринами горят.

Почему-то так печально
В предрассветной тишине.
В белоснежной зимней спальне
Я мечтаю о весне.

Почему любовь мужчины
Охлаждает снегопад,
А снежинки, как причины,
Всё безжалостней кружат?..

Город сказочно заснежен.
Вновь светлеет небосвод.
Будь со мной, как прежде, нежен
Даже в самый снежный год.

Первый шажок

Тридцать первое. Год уходящий.
Серебрится декабрьский снежок.
Неизведанным счастьем манящий,
Новый год сделал первый шажок.

Он пойдёт по дорогам и весям,
Где споткнётся, где снова рекорд.
Озабочен, беспечен и весел,
Нерешителен, вдумчив и горд.

Будет праздновать даты, победы,
Справедливость искать по пути
И оплакивать смерти и беды,
Но вставать и куда-то идти.

Чтобы вдруг удивиться однажды:
– Тридцать первое? Мне уходить?!
Но сегодня всё это неважно –
Надо просто учиться ходить.

В ожидании

Устала ждать весну... А ты?
Мне холодно, пойми, мой милый.
Не нравятся без запаха цветы
И город, пасмурный и стылый,

Длиннющая слепая ночь
И улицы из льда и снега.
Как резко улетаёт прочь
Звонком испуганная нега.

Не нравится воронье «Кар-р-р»,
Колючий снежный зимний ветер,
Как ты словесный тёплый пар
Вдруг с инеем сравнил, заметив.

Не радует детишек смех
И, не поверишь, солнце даже,
И серебристо-белый снег –
Создатель русского пейзажа.

Я жду весенний перезвон
Капель и сердцебиений,
Чтоб пел со мною в унисон
Мелодией стихотворений.

Хочу цветов нарвать в лесу,
Вдыхая натуральный запах;
Тебе букетик принесу
Простых гусиных жёлтых лапок.

Я жду весну всем существом
И нетерпеньем каждой клетки,
Чтоб вновь увидеть под окном
Бутоны на оживших ветках.

Предчувствие

Безлико, серо, скучно, грустно.
Шумят машины за окном.
В душе, в карманах, в доме пусто,
Но я уверена в одном:

Права упорная синица,
 Пронзая слух своим «сю-ить»,
 Что нам весна сначала снится,
 Потом приходит растопить
 Снегов лежалые громады,
 Сердец продрогшие комки,
 И в наших буднях просто надо
 Не запирасть в свой дом замки,
 Открыть навстречу солнцу двери
 И верить в счастье и тепло,
 Тогда сквозь зимние потери,
 Как через грязное стекло,
 Весенним долгожданным утром
 Ворвётся в жизнь твою капель.
 Мне кто-то в душу шепчет мудро:
 – Ты только верь... Ты только верь...

Претензия к XXI веку

Это ты виноват, двадцать первый,
 Что становится женщина стервой.
 Как пантера крадётсЯ упруго,
 На карьере меняет супруга,
 Не гнушается с боссом романом
 И оплату берёт чистоганом.
 Курит «Мальборо», цедит «Мартини»,
 ЗазывающА, словно в витрине.
 Пьёт свободу, как будто в надломе,
 Забывая о детях и доме,
 И, подруги имея личину,
 Из-под носа уводит мужчину.
 Это ты виноват, двадцать первый,
 Что становится женщина стервой!
 Не нужны нам твои перемены,
 Пусть останутся женскими гены,
 Нежным взгляд и надёжными чувства,
 В сердце женском пусть будет не пусто.
 Мягкой, доброй хочу беззащитной,
 Не крутой, сексапильной, элитной.
 Инноваций не надо в природе –
 Пусть останется женское в моде!

Не только о снеге

Где ты, мир родной, привычный?
 Изменилась жизнь вокруг.
 Даже праздник необычный.
 Разорвался русский круг.

Где метели и морозы?
 Давит лондонский туман.
 И нелепые прогнозы –
 Чуждый западный дурман.

Мне на ёлочном базаре
 Продают теперь сосну.
 В застоявшемся угаре
 Клонит целый день ко сну.

Снится снег мне новогодний,
 Бабу снежную леплю,
 А не в этой преисподней
 Дождик десять раз на дню.

Вдруг припомнилось (так ясно):
 Года два всего назад
 Городок мой опоясал,
 Словно счастье, снегопад.

Правда, не было мороза
 (Пара градусов всего),
 Но снежинки виртуозно
 Пели вальс в моё окно.

...Я снежинки вырезаю
 И леплю, леплю к окну.
 Я уверена, я знаю –
 Зиму русскую верну!

Снежная радость

Снег! Представляете – снег!
 Белый, пушистый, волшебный.
 Вместо лекарств и аптек –
 Воздух чистейший, лечебный.

После двухмесячной тьмы,
 Боли сердечной щемящей
 Мы на пороге зимы –
 Снежной, родной, настоящей.

Сброшена с города тень
 Длинных осенних депрессий,
 Светом пронизан вновь день,
 Мир стал опять интересен.

В парке шумит детвора,
Снежные бабы повсюду,
Крякают утки с утра,
Радуюсь зимнему чуду.

Снег! Ты не тай! Задержись!
Мы тебя ждали, поверь!
Снежная русская жизнь –
Счастливы будем теперь.

Зимняя песня

На юг улетели, как птицы,
Любимые песни мои.
Мне нотные снятся страницы,
Им южные светят огни.

Их слушают горы и море,
Но грустен гастрольный концерт.
Им вторит разлука в миноре:
– Любимой, любимой здесь нет.

Птицы! Быстрее прилетайте!
В небе без вас тишина!
Снежные вьюги! Отдайте
Песни, в которых весна!

Вас встретят ручьи и капли,
Счастливых небес синева.
Прошепчут берёзы в апреле
По-девичьи нежно слова.

К нам песни летят сквозь преграды,
Для них нет ни зим, ни границ,
И новых мелодий награды –
Как стаи звенящие птиц.

Февральский вальс

Как много всего происходит,
А я всё скучаю о вас:
Из сердца никак не уходит
Знакомство, разлука, Кавказ.

Пылает, как прежде, пылает
Желание вашей любви –
В тиши предрассветной мерцает
Звезда в недоступной дали.

Так в жизни, мой милый, бывает –
Не надо надежду терять.
Зима от любви, знаю, тает –
И будем мы вместе опять.

Мелодий волшебные звуки
Живут, не смолкая, во мне,
И тянутся нежные руки
Обнять вас в ликующем сне.

В разлуке вновь пишутся песни
Под вальсы февральских ветров,
И вижу, как кружимся вместе
В берёзовой свежести строф.

Снег надежд

Укроет вдруг снегом печали,
Попыток, ошибок следы,
Тот день, когда мы промолчали,
Когда не подали воды.

Укроет неброшенный камень,
Ненайденный жизненный путь,
Ту тень, что скользнула меж нами,
Ненужную горькую суть.

Нам станет светлей и беспечней,
Простится, забудется грех,
Покажется вновь бесконечным
Надежд наших выпавший снег.

И вновь забелеет равнина,
И белый на стол ляжет лист.
Неясно поманит картина,
И замысел вновь будет чист.

А я не забуду всех вас

Вы будете помнить меня –
Весёлой, живой, ироничной.
Вы будете помнить меня –
Домашней, усталой, привычной.

Вы будете помнить меня,
Читая стихов моих строки.
Вы будете помнить меня:
Мои назиданья, уроки,

Подаренный к дате пустяк,
Семейную драму в наследство
И всё, что мне пелось не так,
И всё, что мне дорого с детства.

А я не забуду всех вас –
Любимых, родных и знакомых.
А я не забуду всех вас –
Ведущих, зовущих, ведомых.

А я не забуду всех вас –
Мелькнувших и руку подавших.
А я не забуду всех вас –
Когда-то мне «Здравствуй!» сказавших.

Зимняя ночь

Зимняя ночь городская.
Стихла дневная метель.
Дрёму на город спуская,
Стелет природа постель.

Тихо ложатся снежинки
Спать у закрытых дверей.
В чепчиках гроздь рябинки
Спят между двух фонарей.

Контурсы сонных балконов
В белой глазури снегов,
Прелести летних газонов
Скрыл новогодний покров.

Ветер заботливо-смелый
Липовый чёрный скелет
Кутает кружевом белым,
Крона покорна в ответ.

Светится чьё-то окошко
Мягким уютным теплом,
Двое счастливых и кошка
Ждут Рождество за столом.

ПРОЗА

Александр ЮДИН

Рассказы

Третий глаз

Начальник отдела дознания окинул подчиненных тяжёлым взглядом.

– Где конкретные результаты, спрашиваю?

Манеев растерянно посмотрел на товарища – старшего оперуполномоченного Гринько. Тот пожал плечами и придвинул шефу стопку листов.

– Так вот же, вот же, Демьян Василич...

– Что «вот же – вот же»? – передразнил его шеф, прихлопнув листы начальственной дланью.

– Список подозреваемых, – уточнил старший опер Гринько.

– Из сорока семи фамилий?! – рявкнул начальник. – Из них пять депутатов, два членкора РАН, семеро – руководящие сотрудники министерств и ведомств, один член Общественной палаты, и ещё чёртова дюжина других... уважаемых людей! Что прикажешь делать с этим твоим списком?

– Ну, мы сейчас пытаемся его как-то сузить, – вновь пожал плечами старший опер.

– Они пытаются! – возмутился начальник. – И сколько вы еще намерены пытаться? Ты понимаешь, что дело на контроле в Генеральной? Ведь похищена не какая-то ювелирная финтифлюшка, пускай бы и дорогая. Украли кольцо, которое император Александр II подарил своей фаворитке, этой... как её?

– Ванде Кароцци, – подсказал Гринько.

– Вот именно, – кивнул шеф. – А какой нынче год, тебе известно? Год четырехсотлетия династии Романовых! Считай, государственную реликвию, почти святыню «свистнули». Пускай и из частной коллекции, но всё одно. А ну как кольцо всплывёт за рубежом? Это ж национальный позор! И соответствующие кадровые решения. И вообще, это уже пятый случай кражи антикварных драгоценностей за последние полгода. И все – на нашей территории!

– Четыре из них нами раскрыты, – встрял Манеев.

Александр Юдин – 1965 г.р., москвич. Публиковался в журналах «Изыскания словесности», «Полдень XXI век», «Полдень» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Север» (Петрозаводск), «Сура» (Пенза), «Юность», «Знание-сила: Фантастика», «Наука и жизнь», «Искатель», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Ступени», «Хулиган» (Москва), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), «Космопорт» (Минск), «Я» (США), «Edita» (ФРГ), и др., а также в сборниках «Настоящая фантастика-2010», «Настоящая фантастика-2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ»), и др. Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009) и «Золотой лингам» («Вече», 2012, в соавторстве с С. Юдиным).

Живёт в Москве.

Гринько ткнул его в бок локтем, но Демьян Васильевич уже перевел на Манеева налитые кровью глаза.

– Вами?! Молчал бы лучше... А где, между прочим, похищенное по тем делам имущество?

– «Брюлики», думаю, «тю-тю», – вступился за младшего товарища Гринько. – Вы ж знаете, Демьян Васильевич, несмотря на неопровержимость улики, все «злодеи» в полном «отказе». Один, правда, на следствии вину признавал, но в суде, как водится, заявил, что первоначальные показания даны под давлением...

– Ладно, – перебил его начальник, – делать нечего. Ступайте опять на поклон к своей ясновидящей. Только, вот что. – Демьян Васильевич помолчал и добавил, значительно чеканя слова: – Об экстрасенсе этом – молчок. Чтоб никому! Даже следователю. Методы нашей работы должны сохраняться в строжайшей тайне. Согласно закону «Об оперативно-розыскной деятельности». Всё понятно?

– Так точно! – хором ответили оба опера.

– Вот это-то знаменитое «кольце Кароцци» и было месяц назад похищено из квартиры известного коллекционера Ивана Карловича Зябликова-Крузенберга. Главное, обидно: ведь только-только мы с вашей помощью повязали того злодея, что медальон Людовика XVIII «тяпнул» – и снова-здорово. Просто напасть какая-то на наши головы, – рассказывал Гринько, попивая вместе с Манеевым травяной чай в офисе Наины Гималайской – парапсихолога и экстрасенса.

Стены офиса густо покрывали дипломы и сертификаты; в центре – на почетном месте, высился кубок победителя «битвы экстрасенсов».

– То есть, без вас, Наина, никак и никуда, – подхватил Манеев. – Пропадаем буквальным образом. Спасайте!

Наина, миниатюрная, весьма привлекательная брюнетка лет тридцати, сочувственно кивнула и спросила:

– А что же сам Иван Карлович? Наверняка он кого-нибудь подозревает.

– В том и штука! – воскликнул Манеев почти радостно. – Грохнули нашего «терпилу».

Женщина вздёрнула брови.

– Подожди ты, – недовольно оборвал Манеева старший опер и, обращаясь к Наине, пояснил: – Николай хотел сказать, что прежде чем завладеть ожерельем, похититель расправился с потерпевшим. Летальным, так сказать, образом.

– Как... он это сделал? – тихо уточнила Наина.

– Отравил. Капнул ему в чай *батрахотоксина*. Между прочим, редкий, экзотический даже яд. Добывается из кожных желез малюсенькой древесной лягушки, обитающей в Колумбии. При попадании в организм – гарантированная смерть в результате остановки дыхания. Вот так вот. Но отсюда вывод: преступление, скорее всего, совершено знакомым потерпевшего. Вряд ли Иван Карлович стал бы пить чай на кухне с незнакомцем. Однако, вся проблема в том, что покойный имел о-очень широкий круг общения. Мы, понятное дело, сразу исключили тех лиц, у которых на день убийства – алиби. Но всё равно, набралось сорок семь человек. И люди-то все, как назло, начальственные да

авторитетные – просто так, без достаточных на то оснований, не тронешь! Так вот, я к тому веду, что... может, посмотрите, Наина, а? В смысле, на фотографии потенциальных подозреваемых. Очень хотелось бы заранее знать, который из них «злодей». Я понимаю, мы вам порядком поднадоели со своими просьбами. Время опять же отнимаем. А оно у вас – деньги. Но...

– Не стоит оправдываться, – грустно улыбнулась женщина. – Разумеется, посмотрю. Это мой гражданский долг. И запомните: не всё в этом мире измеряется деньгами. Поверьте экстрасенсу.

– Вот бы и остальные граждане этак рассуждали! – восхищенно заметил Манеев.

– Фотографии у вас с собой? – спросила Наина.

– А как же, – подтвердил Гринько, веером раскладывая на столе перед Наиной сорок семь карточек.

Экстрасенс медленно провела над ними ладонью, потом закрыла глаза и, болезненно морщась, стала тереть центр лба указательным пальцем.

– Чего это она? – шёпотом спросил Манеев.

– Тихо ты, – также шёпотом ответил ему Гринько. – «Третий глаз» настраивает, не видишь что ли?

По телу женщины прошла судорога. Она застонала:

– Я чувствую... враждебные эманации... Кто-то мешает мне... Некто могущественный...

Оперативники с беспокойством переглянулись.

Наина вздрогнула и резко ткнула в одну из фотографий.

– Этот, – выдохнула она с отвращением.

– Ага! Профессор Пухляков! – воскликнул Гринько и покачал головой. – Восьмой десяток, а туда же.

– Гнида старая, – согласился Манеев.

– Пойдите, – подняла руку женщина. – Для полной уверенности мне надо видеть этого человека лично.

– Поехали! – решительно поднялся старший опер.

Пока Гринько с Манеевым отвлекали профессора Пухлякова разговорами, Наина с отсутствующим видом и вроде бы бесцельно бродила по его квартире; веки её были полузакрыты, казалось, она вот-вот уснёт. Но следящие за ней краем глаза оперативники знали – это состояние называется «трансом». Вот она, чуть покачиваясь, остановилась у платяного шкафа, пошла дальше, вернулась и вдруг прижалась к шкафу всем телом.

– Что вы тут всё шарите? – заволновался Пухляков. – Зачем трогаете мою мебель? На каком основании?

– Не обращайтесь внимания, – успокоил его Гринько, – это наш эксперт. Так надо. Значит, вы говорите, что в день убийства Зябликова-Крузенберга находились дома? А кто это может подтвердить?

– Подтвердить? – переспросил Пухляков, нервно потирая руки. – Я одинокий человек, живу здесь совсем один, у меня даже кота нет... Никто не может!

– Выходит, свидетелей того, что вы в тот день никуда из квартиры не отлучались, не имеется, – удовлетворенно кивнул старший опер, переглядываясь с Манеевым.

– А в чём, собственно, дело? – спросил Пухляков и вытер платком покрывшееся испариной лицо. – Уж не думаете ли вы, молодой человек, что это я... Меня вообще не интересуют ювелирные изделия этого периода! Я собираю исключительно «антику»...

– Там зло! – прервала их разговор Наина и с содроганием указала на шкаф.

– Зло? Где? Какое еще зло?! – вскочил профессор, точно ужаленный. – Что за цирк?!

– Сидеть! – скомандовал старший опер. – Так, Манеев, дуй за понятиями, а я свяжусь со следователем, чтобы взял санкцию на обыск. Без санкции и понятий ничего трогать не будем.

В ходе обыска, в шкафу, среди кип постельного белья, был найден пузырьёк с неизвестной жидкостью. Впрочем, ни Манеев, ни Гринько не сомневались – экспертиза покажет, что в пузырьёке батрахотоксин. Флаконы с полезным содержимым в белье не прячут! Да и Наина Гималайская ещё никогда не ошибалась.

– Давайте, я подвезу вас в офис, – предложил старший опер, когда всё закончилось.

– Спасибо, – согласилась Наина.

– Что вы, Наиночка, это мы вас должны благодарить! От лица российской полиции.

– Только отвезите меня сразу домой, – измученно улыбнулась женщина. – Сегодня я – не работник.

В машине, уже на подъезде к дому, Наина вдруг ахнула и схватила Гринько за локоть.

– Что с вами? – забеспокоился тот, вглядываясь в её побледневшее лицо.

– Едва не забыла... Там, в квартире профессора, мне было видение.

– Видение? – насторожился опер. – Что за видение? О чём?

– Следующая серия грабежей будет связана с античным антиквариатом. И снова – трупы, трупы... – Наина со стоном закрыла лицо руками. – Ох, знали бы вы, какое это проклятие – прозревать будущее... Но эта информация важна для вас?

– Ещё бы! Чрезвычайно важна.

– Тогда я постараюсь помочь, – кивнула ясновидящая и обречённо вздохнула: – Я должна. Обязана! Это мой кармический долг перед Космосом.

– Наина, вы просто ангел. Святая! Что требуется от меня?

– Как и в прошлый раз, мне понадобится поименный список всех крупных коллекционеров – для ментального сканирования. Только теперь тех, которые владеют собраниями античных ювелирных украшений.

– Будет сделано! – весело откликнулся Гринько.

Дома, выпроводив, наконец, старшего оперуполномоченного за дверь, Наина подошла к зеркалу. Неожиданно её миловидное лицо исказила язвительная усмешка.

– Идиоты, – пробормотала она, примеряя на шею бриллиантовое кольцо старинной работы, украшенное вензелем «В.К.». – Эзотерические идиоты!

Жёсткий приворот

Гулькин вышел из кабинета начальницы бледный, в холодном поту. Шаркая, добрёл до своего места и плюхнулся в кресло. Во рту у него пересохло, а в голове звенела пустота. И лишь одна мысль неоновой вывеской сияла в этой зияющей и звенящей пустоте: «УВОЛЬНЕНИЕ ПО СОКРАЩЕНИЮ ШТАТОВ». Он отхлебнул из кружки давно остывший чай и окинул взглядом офис. Остальные сотрудники как ни в чём не бывало пялились в мониторы и перебирали бумажки. И не обращали на него внимания. Или делали вид.

На Гулькина накатила обида. Почему он? Что за невезение! Отчего, в самом деле, не уволить Стряпухина? В фирме тот совсем недавно, у него ещё испытательный срок не истёк, даже сокращать не пришлось бы. Или ту же Далилову, к примеру? Вон она, кобыла ленивая, как обычно жуёт овсяное печенье и спокойно листает газету. В рабочее время, между прочим!

Нет, всё дело в Туче – так сотрудники за глаза величали свою начальницу Тучкову Диану Петровну. Она его с первого дня невзлюбила, постоянно придиралась. И было бы за что! Конечно, он не очень молод, почти лыс и вообще, как мужчина, малопривлекателен. Не то что Стряпухин. Но работник-то он исполнительный и опытный. А главное, сама Диана Петровна тоже далеко не модель! Мягко говоря. Недаром же её прозвали Тучей.

– Батюшки! – воскликнула Далилова и вскочила, точно ошпаренная. – Уже пять минут как обед, а мы всё горбатимся. Этак и язву можно заработать. Я в столовку, кто со мной? Гулькин, пойдёшь? Как знаешь. А чего такой кислый? Прямо зубы от тебя сводит. – В офисе раздалась злорадные смешки. – На-ка вот, отвлекись, почитай прессу. – Она кинула ему на стол газету «Треножник пифии», раскрытую на странице рекламных объявлений, и удалилась гарцующей походкой.

«Астротантрическая фирма “Золотой лингам”, – машинально прочитал Гулькин. – Срочная магическая помощь уже сегодня. Обширный ассортимент услуг. Заговоры, талисманы, амулеты; волшебные конфеты, неизменные монеты. Снятие порчи, возврат жён-мужей, собак и кошек. Поворот денежных потоков. Любовный приворот, в том числе с полным подчинением...». Взгляд Гулькина зацепился за последнее предложение. «Приворот с полным подчинением». Он нахмурился. А что если?..

Воображение услужливо принялось рисовать картины, одна другой прельстительней. Отом, как злобная фурия чудесным образом превращается в заботливую, даже любящую начальницу, готовую исполнить любую его прихоть... И вот он уже командует отделом, а Стряпухин с Далиловой у него на побегушках. Да что там! Сама Туча в его, Гулькина, полном подчинении.

Судя по указанному в объявлении адресу, «Золотой лингам» находился где-то рядом – одна остановка на метро. «А что? – решил Гулькин. – Вот сейчас и съезжу, время всё равно обеденное».

– А как его применять? – спросил Гулькин, с сомнением разглядывая крохотный синий флакончик.

– Прежде всего добавьте в пузырьёк капельку своей крови и хорошенько взболтайте, – начал объяснять мужчина в деловом костюме, отрекомендовавшийся доцентом тантрогенетических наук.

– Крови? – с беспокойством перебил его Гулькин. – Зачем это?

– Чтобы средство сработало адресно. В противном случае сексуальная привязанность сформируется в отношении произвольного лица. Проще говоря, объект, употребив эликсир, влюбится в первого встречного.

– Ага, ага, понял, – кивнул Гулькин. – Значит, смешать с кровью, а потом?

– Добавляйте по три капли эликсира в любое питьё или пищу объекта, – терпеливо продолжил доцент, – один раз каждые два дня в течение трёх недель.

– Так просто? А подействует?

– У нас годовая гарантия. При условии соблюдения клиентом предписанной дозировки. И сохраните, пожалуйста, товарный чек.

– Понятно, – неуверенно протянул Гулькин. – А если я, как-нибудь, того... больше трёх капель плескану? По случайности, к примеру. Что будет? Ну, в смысле, отравиться этим вашим эликсиром нельзя?

– Средство совершенно безвредно, – заверил доцент. – Но гарантия в этом случае аннулируется. И потом, вы же, насколько я понял, желаете получить на выходе стойкую привязанность, а не жгучую животную страсть? Последняя может оказаться несколько, гхм... обременительна. Кроме того, не исключены побочные эффекты.

– Да, да, – согласился Гулькин, – стойкой привязанности, полагаю, будет вполне достаточно.

По дороге на работу он зашёл в кафе, слегка перекусил и принял для храбрости сто граммов водки. Потом поразмыслил и хлопнул ещё пятьдесят – для верности.

Вофисе Гулькин незаметно позаимствовал у Далиловой шило. В туалете промыл острие жидким мылом и уединился в кабинке. После нескольких попыток он сумел выжать немного крови в пузырёк с эликсиром, тщательно его встряхнул и сунул в карман.

Когда он зашёл в приёмную, секретарша как раз собиралась отнести Туче поднос с кофе.

– Наташа, – попросил её Гулькин, – сооруди-ка и мне чашечку.

Секретарша отвернулась к кофейному аппарату, а он тем временем быстро выдернул зубами пробку и опрокинул пузырёк над кружкой начальницы. Руки его тряслись.

– Вы к Диане Петровне? – спросила секретарша, оборачиваясь и подавая ему кофе.

– Ага, но у меня не горит. Пожалуй, я попозже зайду.

Выйдя из приёмной, он посмотрел флакон на просвет и обнаружил, что тот абсолютно пуст! Сначала он несколько опешил и даже испугался. Но потом махнул рукой: чёрт с ней, с этой гарантией! Ну, предположим, втрескается в него Туча по самые уши, так что с того? Пускай! Ещё вернее выйдет. Тогда уж точно можно будет из неё веревки вить! Да и вообще не факт, что эликсир подействует.

Успокоив себя таким образом, Гулькин вернулся на рабочее место и стал ждать.

Часа через полтора Туча вышла из кабинета, буркнула: «Я на встречу», и в развалку направилась к выходу. При ходьбе всё её необъятное тело подрагивало и колыхалось, точно подтаявший студень. «Вот квашня», – с неприязнью подумал Гулькин. Поравнявшись с ним, Туча неожиданно остановилась, приблизила к нему щекастое, потное лицо и негромко, с придыханием произнесла: «Дождитесь меня, есть разговор».

Гулькин мысленно возликовал. Кажется, подействовало!

Без двадцати шесть, когда сотрудники уже собирались по домам, Туча вернулась. Она оглядела Гулькина с головы до ног налитыми кровью глазами, обеими руками поправила монументальный бюст и заявила: «Через десять минут – ко мне». Теперь у него не осталось никаких сомнений – не обманул доцент, эликсир настоящий!

Когда Гулькин, выждав четверть часа, зашёл в кабинет, начальница молча указала ему на стул. Он сел, постаравшись принять позу как можно более небрежную, даже ноги вытянул. Туча молча перебирала какие-то странные предметы, разложенные перед ней на столе: нечто вроде мухобойки и два меховых кольца, соединённые цепочкой. «Смущается, старая корова», – догадался Гулькин и решил взять инициативу на себя.

– Ну что, Диана Петровна, – спросил он с фамильярной ухмылкой, – полагаю, о моём сокращении больше речи не идёт?

Начальница медленно поднялась. Гулькин едва сдержался, чтобы не захихикать: Туча явно решила произвести на него впечатление и перед встречей кардинально сменила имидж. Она натянула на себя тесную куртку с металлическими заклёпками, кожаную юбку и высокие сапоги; между короткой юбкой и сапогами выпирали целлюлитные ножищи, словно два узловатых баобаба. Бррр! И ведь всё это, чтобы ему, Гулькину, понравиться. Вот, дурица! Точно, втрескалась. Ну, теперь-то она у него попляшет. Теперь все у него попляшут! Гулькин вновь усмехнулся и, набравшись наглости, подмигнул начальнице.

Между тем Туча обошла стол и грозно нависла над Гулькиным.

– Конечно, нет, – пророкотала она, потянув носом воздух. – Какое может быть сокращение? Я тебя по восемьдесят первой статье уволю.

– Э-э? – опешил Гулькин, непонимающе хлопая глазами.

– Не «э», а за нахождение на работе в состоянии алкогольного опьянения. Кстати, так оно выйдет и быстрее и дешевле. Опять же трудовую инспекцию уведомлять не надо.

– Что быстрее? Как дешевле?! – Гулькин вскочил, опрокинув стул, и в панике попятился к двери. – Как, то есть, по статье?!

– А так, – охотно пояснила Туча. – От тебя, озорника, спиртным за версту несёт. Я ещё давеча почувствовала. Сейчас вот Нину приглашу, акт составим и – вперёд, заре навстречу, без выходного пособия.

– Но... Но... Диана Петровна, за что? – растерянно забормотал Гулькин. – То есть, я хотел сказать... предложить... может, как-нибудь того... по-другому решим? Иначе как-то разберёмся... сами, по-свойски, приватным образом... без Нины...

– Иначе? – переспросила Туча, тяжело наступая на Гулькина. – Без Нины, говоришь? Можно и без Нины, можно и по-свойски. Хе-хе-хе! – вдруг заколыхалась начальница. – Хе-хе-хе! Приватно, значит, хочешь? Ладно, будь по-твоему.

Откуда ни возьмись в руке у неё появился не то хлыст, не то стек. Она несколько раз согнула его, видимо проверяя на упругость, и перевела взгляд на подчинённого.

– Но, Гулькин, ты же понимаешь... – почти ласково продолжила Туча. – Ты был сегодня плохим мальчиком. Очень плохим. Верно? – Она занесла хлыст. – Тебя спрашиваю! Ну?!

– Ве...верно, – промямлил тот, упёршись спиной в дверь. Дальше отступать было некуда.

– Да, да! Ты очень плохой мальчик, Гулькин, – с удовольствием повторила Туча и облизала толстые, с фиолетовым отливом губы, – и тебя следует наказать. Примерно наказать. Следует, спрашиваю? М-м? Не слышу!

Туча резко махнула рукой, и над ухом Гулькина раздался оглушительный щелчок хлыста. Он вжал голову в плечи и обречённо проблеял:

– Да, моя госпожа.

Калликанцары

Эту совершенно невероятную историю портит лишь одно: произошла она не со мною. Более того, услышал я её, что называется, не из первых уст, поскольку очевидцев описываемых в ней событий в живых к тому времени уже не осталось. И, тем не менее, известное касательство к ней я имею.

Представьте: Кипр, Ларнака, июнь 1999 года. Я уже четвёртый день как прилетел и поселился в одном из отелей в северной части города. Отель, хотя и пятизвёздочный, от побережья расположен далековато. Меня, впрочем, это мало заботит, поскольку на остров я прибыл по делу. Вечер четвёртого дня застал меня где-то в туристическом пригороде Ларнаки в таверне под названием «То Dovkato». В ожидании заказа я коротал время за бокалом сладкой командарии. Так вот, сижу я в полутёмном зале, оформленном в псевдоготическом стиле, совершенно один, и жду, когда хозяин этого заведения, он же официант и повар в одном лице, приготовит мне клефтико. Дегустирую кипрское вино, слушаю доносящиеся со стороны Ларнакского залива бесконечные переливы сертаки – в общем, расслабляюсь после трудового дня.

Мне как раз принесли долгожданную баранину, когда в зал вошёл тучный господин с некрасивым, но располагающим лицом. Я сказал хозяину «спасибо» и хотя тут же поправился и произнёс более уместное «эфхаристо», было уже поздно – посетитель немедленно признал во мне соотечественника и с видимым удовольствием поздоровался. Я ответил ему тем же и пригласил за свой столик. Мы обменялись рукопожатием, познакомились и разговорились. Сотрапезника моего звали Тимур Айдарович, был он служащим нефтяной компании, и на Кипре, куда приехал впервые, – отдыхал с женой.

– Не посоветуете, что мне заказать из традиционной кухни? – обратился ко мне новый знакомый.

– Сефталию пробовали?

– А что это за блюдо?

– Рубленное тушёное мясо, запечённое в свином желудке. Если не пробовали – очень рекомендую.

– Свинину – увы! – не ем.

– Что ж... тогда, пожалуй, стифадо. Оно из говядины готовится. В винном, знаете, уксусе, со специями разными и лучком. Весьма!

Пока он делал заказ, я решил задать вопрос, действительно меня интересующий. Свой ужин я закончил, и потому от ответа на этот вопрос зависело, стоит ли мне ещё задерживаться или можно уже откланяться.

– Вы, Тимур Айдарович, в каком отеле отдыхаете, не в «Гранд Бич»?

– Да, там, – кивнул он. – А как догадались?

– Так это ближайший... Позвольте ещё поинтересоваться: номер ваш на каком этаже?

– На пятом, – пожал он плечами. – А какая разница?

Я внутренне подобрался: второе совпадение подряд, уже можно говорить об удаче. Значит – и дальше повезёт. Если, конечно, не теряться, а резко брать эту капризную дамочку – удачу – за задницу.

– Да! – спохватился я. – Под стифадо водочки, замечу, неплохо. Или тоже не употребляете?

– Отчего же, употребляю.

– Тогда я закажу бутылочку зивании.

– А зиванию эту не из винограда ли гонят?

– Из винограда... А, понимаю! Вы про слова Пророка о том, что-де первая капля вина губит человека?

– Вообще нет, – успокоил меня Тимур Айдарович. – Просто любопытно. А про первую каплю это, знаете ли, пустяки. Тут я полностью полагаюсь на поучительный пример древних арабов.

– Это как это? – заинтересовался я.

– Ну... если верить некоторым историкам, прежние последователи Магомета опускали в кувшин с вином палец и просто стряхивали эту пресловутую первую каплю.

После третьей рюмки, когда разговор неизбежно приобрёл более доверительный характер, я рискнул продолжить свои расспросы.

– А что, наших в отеле много?

– Думаю, наберётся десяток-другой.

– А контингент какой? Не безобразничают?

– Нет, всё культурно. Хотя... Порой, встречаются колоритные типы. Даже чересчур.

– О, даже так? Может, поделитесь какой-нибудь историей?

– Гм... однако странно, что вы интересуетесь.

– Мой интерес объясняется просто. Дело в том, что я журналист. Корреспондент... корреспондент этой... «Душеполезной беседы». Да, да! И вот не далее как сегодня со мной связался главный редактор и попросил срочно выслать очерк из жизни, так сказать, отдыхающих. Причём, желательно что-нибудь «жареное». Зачем такая спешка и почему именно эта тематика – Бог ведает. Редакционная политика, понимаете ли... – я неопределённо покрутил вилкой.

– Как это, должно быть, интересно! Значит, вы здесь в творческой командировке? То-то я смотрю, у вас эдакая особенная... острота, что ли, присутствует во взгляде. Не спорьте – я ведь вас ещё днём приметил. Когда вы с обслугой в нашем отеле беседовали... А знаете, у меня есть для вас нечто.

– Так, так! – подбодрил я собеседника. – Я само внимание.

– И даже более чем нечто. Потрясающая история. Только я не знаю... то есть немного опасаясь... не выйдет ли мне предание гласности, а тем более опубликование... как-нибудь того... боком. Случай, повторяю, дичайший.

– Давайте договоримся: вы сейчас поделитесь, а если у меня возникнут хоть малейшие сомнения в этом плане – всё останется между нами. Я порядочный человек, уверяю вас. Не папарацци какой-нибудь. В конце концов – отель, имена, время действия – всё это можно изменить.

– Что же... на таких условиях... по рукам! Тем более, меня самого буквально распирает.

Тимур Айдарович выпил еще рюмочку зивании и начал так:

– Я с моей Геляночкой отдыхаю здесь уже две недели, так что завтра – назад в Элисту. Ну да я это говорил, кажется. Когда мы только въехали, в

соседнем с нами номере жил один русский парень. Знаете, с такой характерной внешностью: крепыш, загривок вот эдакий... голова бритая и вся в шрамах. Короче, чистый зверопотам. Да! Ещё на левом плече наколка – «СЛОН». Что с вами? Поперхнулись? Постучать по спине?

– Кх! ничего, ничего... кхе! кхо! Просто не в то горло попало. Продолжайте!

– Ага. Я и говорю... общения, понятно, между нами никакого не происходило. Только на второй день нашего приезда – мы как раз из Пафоса вернулись, с экскурсии... Кстати, вы сами бывали в Пафосе? По-моему, очень миленький городок, не правда ли. Там ещё колонна есть, к которой святого Павла – ну, апостола – привязывали, знаете об этом? А? Видели её?

– Далась вам эта колонна! Вы рассказывайте, рассказывайте...

– М-да... ага, вернулись из Пафоса, устали и поэтому сразу после ужина легли спать. Только часов около двенадцати по местному времени – стук в дверь. И настойчивый такой. Пришлось вставать; открываю – стоит этот наш сосед, ну, зверопотам который, с ноги на ногу переминается. Я ему: «Чем обязан?» А он: «Извиняюсь, – говорит, – вы, ведь, русский?» Ну, отвечаю, не грек точно. Он крикнул и опять мнётся. Вижу, смущён человек. Чем могу помочь, спрашиваю снова. Ну, он вздохнул и заявляет, не хочу ли я, дескать, выпить с ним, причём у него в номере. Я прямо опешил. Извините, говорю, не хочу. Только он уходит и не думает, напротив даже, ломится через порог, берёт меня вот эдак за плечо и доверительно гундит в самое ухо: «Да ладно, братан, посидим часок, пузырьрёк раздавим...». Тут уж я немного занервничал. «Какой же я вам, – говорю, – братан, когда в папы гожусь? И потом, вы знаете который теперь час?». Думаете, срезал? Как бы не так! Брателло этот только тоном выше взял: «Ну чё те, запахло с соотечественником чуток потрендеть? Раз прошу, значит, дело у меня до тебя!» Чувствую – не отвяжется, да тут ещё супруга проснулась: «Тима! Кто там пришёл?». Ладно, говорю, пойдёмте в ваш номер, там объясните, что за дело, только пить с вами я всё одно не стану. Он обрадовался как ребёнок, я же успокоил жену, сказал, что скоро вернусь, ну и пошёл к этому питекантропу. К тому же, если честно, он меня слегка заинтриговал, а я от природы чрезвычайно любопытен... Жена говорит – любопытный, как крыса, хе-хе-хе! Она всегда, знаете ли, эдакое ласковое прозвище найдёт...

Так вот, заходим в соседний номер, присели. Осматриваюсь – батюшки! – в номере икон – точно в церкви! И на двери, и над кроватью, и на тумбочке. В сувенирных лавках здесь много этого добра. Только, думаю, зачем ему столько? Понятно, если человек ценитель, но эти-то доски с наклейками – барахло, новодел. Да и какой из него, микроцефала, ценитель? С одной стороны, это подогрело мой интерес. А с другой, заронило зерно сомнения в его... психической адекватности. Я, знаете, полагаю, что чрезмерная религиозность свидетельствует либо об известной умственной ограниченности, либо о болезненной экзальтированности натуры. Но это так – реплика в сторону, не для печати, упаси Боже! А ещё, смотрю, на столике рядом с полной уже одна пустая бутылка водки стоит. Тьфу ты, думаю, как я сразу не разглядел, что он датый? Хотя, конечно, у таких хряков алкоголь пока по всей комплектации разойдётся... Присмотрелся я тогда к нему повнимательней и вижу – явно не в себе человек: бледный, потный (а кондиционер-то – на полную мощность!), губы трясутся. Но только всё это не с перепоя, нет – от страха! Да, да, сосед мой очевидно пребывал в состоянии, что называется, панического ужаса. Тут уж я окончательно заинтриговался. «Ну, что за вопрос ко мне?» – спрашиваю.

А он, знай, заладил своё: «давай хлопнем», «давай вмажем». Тогда я поднимаюсь и – к выходу; он меня за рукав цап, и чуть не со слезами: «Пить не хочешь, хоть так посиди». «Чего сидеть-то, – спрашиваю, – когда ночь на дворе? Я спать хочу». Ну, он повздыхал, покрякал ещё и говорит, что её-то, дескать, и боится. Кого её, удивляюсь? А, вот, ночи этой самой, отвечает. Я – как так? Он – да, уж вот так... и поэтому ему беспрерывно нужна компания. До самого утра. Посиди, говорит, со мной; не хочешь пить – не пей, просто сиди, телевизор смотри. Только не спи. Каково?

Задав сей риторический вопрос, Тимур Айдарович промочил горло глотком зивании, с удовлетворением крикнул, подождал, покуда я вновь наполню поместительные рюмки, кивнул с благодарностью и принялся рассказывать дальше:

– Тут я подымаюсь и решительно заявляю: ну вот что, говорю, любезный соотечественник, либо ты сейчас же мне всё начистоту рассказываешь – что у тебя за проблема и чем я тебе могу помочь – или я немедленно, сию секунду, ухожу! А что до боязни темноты, так с этим лучше к доктору. Не темноты, говорит он мне, я боюсь, а того что в ней. Здравьете, отвечаю, приехали! Ни в каких стрелках-разборках я тем более участвовать не желаю. И что он себе думает – я ему телохранитель? Нет, просто я проживаю в соседнем номере и сюда, кстати, приехал отдохнуть, а не приключений искать на свою... Ну, и далее в таком духе.

Он набычился было, потом накатил себе полный стакан водки, выпил единым духом, махнул рукой: а ладно, говорит, всё расскажу, слушай... только сам после не пожалей.

И действительно, любой разумный человек на моём месте после первых же слов последовавшего рассказа заткнул бы уши и убежал без оглядки. Но я, честно признаюсь, поначалу решил, что мой случайный знакомец колокол льёт. А после поздно было... м-да. Ну, так вот что мне поведал сей колоритный персонаж:

– Влип я, папаша, в историю... Вообще говоря, мне не впервой: три ходки за плечами, это тебе не козявку стрескать. Так что, по жизни, чтоб ты знал, я блатной. Не из козырных правда, а так... боец. Атлет, по-нашему. Да ты не мандражируй! Говорю же, всё – в прошлом, завязал я. Слава Богу, мир не без добрых людей. Нашёлся такой, наставил на путь истинный. Большой человек, авторитетный... Что ж ты, говорит, братушка, без пользы мочиловом пробавляешься? Не надо – без пользы, надо, чтоб – с пользой. Когда бы не он, так бы и топал сейчас по дурной стёжке-дорожке... Короче, он-то меня сюда, к папандопулам кучерявым, и заслал. Что? Кто такой, спрашиваешь? Про то тебе знать не обязательно. Скажу только, что должен был я завалить – догоняешь? – вражину одну нехорошую. За что – не моего ума дело. А вот дело своё я как раз понимаю чётко и трудностей не боюсь. Я по жизни вообще ни хрена не боюсь. Вернее – не боялся. Случалось, с одной заточкой на самых что ни на есть матёрых вертухаев хаживал. Наколочку-то мою видал? Сечёшь, как читается? «Смерть легавым от ножа». То-то! Так вот, я и говорю – не впервой. Только в этот раз масть дурная легла, полный душняк...

Нет, так не годится! И я толком объяснить не смогу, и ты не вьедешь. Придётся в подробностях... Оно, конечно, стрёмно выходит, не по понятиям... да и я привык за метлой следовать... только ты мне сразу глянул: больно у тебя лицо того... шибко ты на батюшку похож, которому я исповедуюсь, ну прямо тютя в тютю! Располагаешь к себе... Ну, а если чё... кто тебе поверит? Да и мне, кажись, по барабасу уже...

Короче, на дело я всегда хожу с напарником. Нас с ним на самый крайняк задействуют, только если у других – у фраеров-одиночек, значит – не выгорело. Бригада «скорой помощи», как Шутник, мой кореш-напарник, шутил, бывало. Вот и в этот раз поручили нам приморить сложного клиента. Конкретно – бабу, которая сюда недавно метнулась. С Москвы. Купила дом в Лефкаре (деревня здесь такая, а по мне так город городом, дома-то все сплошь каменные) и зажила. Знала, видно, что заказ на неё, вот и решила за бугром отсидеться. Видать, бабки водились. Она у нас-то ведь на хлеб с икрой колдовством зарабатывала. Кого не бывает? Колдуний? Ну это ты не ври. К нам в Москву приезжай, сам увидишь – что ни баба, то ведьма. А у этой и вовсе ксива имелась, патент, типа, какой-то. «Пелагия Рублевская, потомственная ведьма-некромантка в седьмом поколении, служительница Гекаты», как-то так. Ладно, не про то базар.

Приехали мы сюда с Шутником как отдыхающие, по путёвке от турфирмы на неделю. А ты как думал? Здесь же не Москва, где сделал дело, стволы скинул, прыг в тачку – и ищи ветра в поле! Тут, вон – остров, все на виду. Поэтому, план был такой: после всего мы ещё пару-тройку дней, пока срок не выйдет, в отеле кантуемся, а потом, как все, charterным рейсом – домой. Понтово? Зачем сразу когти рвать, если основной шмон пойдёт как раз в аэропортах, когда местные мусора трупак обнаружат. Жмурик откуда? Из Раши. Значит первые подозреваемые кто? Наши. А тут, смотрят, приехали двое, а как шухер поднялся – вдруг назад, типа, заторопились. Подозрительно? Тот. А мы – нет, мы как отдыхали, так и продолжаем. Попробуй вычисли нас! Если не наследить, так нипочём. Это Шутник придумал, он у нас вообще головастый. А юморной какой был... эх! Совместим, говорит, приятное с полезным.

Поначалу так всё и выходило. А чё? Море, тёлки; в номере, вон, бар – бухалово всегда холодненькое. Чем не условия? Два раза скатались на экскурсию в эту Лефкару – первый раз вдвоём, а во второй Шутник ездил один, меня с собой не брал – всё путём обсмотрели. Выяснили, что ведьма наша не одна в доме живёт, а с двумя мужиками, типа как телохранителями, – сторожится значит, ага. Впрочем, это мы и так знали, кое-какой информацией о клиенте нас, понятно, снабдили. Ну, о том, что кроме как во двор никуда не выходит, всё необходимое – жарчку там и прочее – ей шестёрки приносят; что сама живёт на втором этаже, а те двое – на первом; все дела, короче.

Шутник ещё на досуге как следует, в деталях, обмозговал всё, спланировал; тачку на прокат мы в первый день взяли – чтобы успеть приноровиться, движение-то здесь левостороннее. Накануне вечером ушли на пляж, а в номер обратно не вернулись. Как совсем стемнело, мы – в тачку и в путь. Дороги тут гладкие, так что домчались в миг. В самую деревню въезжать не стали, тачку на обочине, за стожком каким-то, парканули и – пешкодралом. Подваливаем к дому, смотрим: из-за ставен на первом этаже – свет, а в окнах второго темно. Привернули глушилы, я собрался было дверь высадить, только Шутник меня тормознул: толк её пальчиком – а она не заперта! Влетаем, а те двое, прикинь, сидят за столом, в нарды играют. Лохи убогие! Короче, они и охнуть не успели: мы – пук-пук! – лежат. Лады. Прислушались – тихо. Значит, хозяйка кемарит, не разбудили мы её. Обсмотрели на всякий пожарный весь первый этаж.

Да! Перед тем как наверх подыматься, меня вдруг такой мандраж пробил, аж в пот кинуло. Веришь, никогда такого со мной не бывало, а тут – всё как по маслу и – на тебе! Я Шутнику шепчу: а что если некромантиха эта нас

как-нибудь того... зачушканит. Ведьма всё же. Он меня на смех: не ссы, типа, никакого колдовства нет, а одно шарлатанство и фуффло.

Дальше так: поднялись по лесенке, там – дверь – уже на запоре. Мы – тук-тук! Оттуда женский голос: «Русланчик, ты?». Шутник покашлял для невнятности и отвечает: да, мол, я. Как только ведьма замочком щёлкнула, я дверь ногой настезь и две маслины ей – одну в пузо, вторую – меж титек. Ту аж через всю комнату обратно на шконку отбросило. Хотя весу в ней было кило под полтора, мощная тётка. Заходим не спеша, я примеряюсь жакнуть ей в башку; понятно, с дырой в брюхе да в груди она и без того труп, однако порядок есть порядок. Шутник «контролем качества» это называл. Я ж говорю, приколист ещё тот был... ага. Навел это я, значит, пушку... Вот с этого момента всё у нас наискось пошло. Гляжу – а баба-то ещё живая! Да не просто дышит – это бы куда ни шло, – а на кровати приподнялась и булькает, сказать, типа, что-то хочет. Мне занятно стало – надо какая двужилная! А Шутник тот возьми и брякни: «Привет тебе, профура, от деда Аслана!»

И тут началось! Ведьма глаза выкатила да как заревёт: «А-а-а! так я за вашим Асланом сраным с того свету приду! А вас, блатата позорная... вас... за то, что посягнули... Обрекаю вас КАЛЛИКАНЦАРАМ!!!». А кровь-то из дырок, что я в ней наvertsел – из груди особенно – так и хлещет, так и свищет! Да что хлещет! – фонтаном бьёт, ровно из пробитого огнетушителя! Прикинь: стены, потолок, мы сами – в секунду всё в кровище было! Как на бойне. И откуда в ней её, крови то есть, столько? Дальше – больше: вскочила она с койки и давай руками махать, бельма пучить и верещать. Притом пузо у неё с натуги лопнуло (калибр-то у моей волины недетский), и все кишки, словно клубок серых змей, наружу высклизнули! А она знай бесогонит что-то, типа: «Агарат-Махалат-Наама! Тебя призываю, Куцодаймон, пожри их плоть! Агарат-Махалат-Наама! Вырви им кишки, о Куцодаймон!». Да таким заунывным, протяжным голосом – ровно собака воет. Ну, полная баланда, короче! Только тут напарник мой наконец очухался и шамльнул некромантихе этой прямо в лобешник – у той мозги по стенке... да. Но – веришь ли? – она и тогда не враз откинулась: считай, полбашки ей снесло, а она секунд с пять ещё глазищами ворочала. И даже – мамой клянусь, сам видал! – руку левую приподняла и пальцем, мелко-мелко так, погрозила, точно участковый бакланам...

Когда она затихла, я к Шутнику поворачиваюсь, чтобы вместе приколоться – типа, вот это кипеж так кипеж! – гляжу, а он сам на измене: белый стоит, ровно жмур, едва зубами не клацает. Я ему: ты чё, мол, шарлатанство, ведь? А он пригоршню марафета в ноздрю вдул и говорит: «Хиляем!». Ага, ладно...

Вернулись мы к отелю, тачку на стоянку, а сами, понятно, не в номер пошли – на пляж; там искупались прямо в одежде, заодно и кровь смыли. Только Шутник боец основательный: всё равно, говорит, шмотки оставлять нельзя. Какие никакие следы крови остаться могут, поэтому сейчас пойдём вон на тот пустырь и там их прикопаем. А сами в отель вернёмся в плавках – типа, мы до завтрака искупнуться ходили. Я ему: чем прикопаем, когда там одна глина (здесь кругом глина, где красная, где жёлтая, хорошей земли нет) – без лопаты никак; может, лучше спалить? А он: ну ты, бажбан! Костёр, если не из отеля, так с дороги могут просечь. А ведь по ней и легаша местные иной раз проезжают. Не получится зарыть, бросим так – хрен кто найдёт.

Короче, отправились мы, пока затемно, на тот пустырь – знаешь, что за ограждением отеля начинается. Там дикий пляж с километр до соседнего отеля тянется, а от пляжа и до самой дороги – заросли сухого бурьяна, не густые,

но довольно высокие. Идём, значит, идём... А меня жуть такая проняла: прикинь, темень кругом, хоть глаз выколи (ночи-то здесь, сам знаешь), луны не видно, только звёзды с неба мерцают; под ногами похрустывает чего-то, словно косточки какие мелкие – в общем, мандраж. Да некромантиха эта никак из головы нейдёт. Я Шутнику говорю: хватит уже, давай прямо здесь. А он – нет, подальше, чтоб надёжней, значит...

Забрались в самую середину пустыря, решили – здесь. Остановились. Только хотели одежду скинуть, вдруг слышу: шр-шр-шр... шр-шр-шр... – шуршание какое-то понизу. Шутник тоже просёк – слышь, шепчет, Гоблин, шебуршит будто что-то? Может, бродячие собаки, говорю. Сам думаю, откуда им взяться? За трое суток ни одной не видал. А тут со всех сторон уже: шр-шр-шр... клик-кляк! Шр-шр-шр... клик-кляк! И темень вокруг загустела – чисто гудрон, а не темень. А! Ещё ни с того ни с сего холодно сделалось, как в ШИЗО... Шутник ко мне оборачивается: ну их в пень, говорит, не будем закапывать; кидаем прямо здесь и уходим. А у самого изо рта – пар, ей-богу!

Только сказал – из-за кустов появляются они... Чего – «кто»? Калликанцары, понятно, про которых нам ведьма втирала. Как догнал? А ты зацени, какие они из себя: ростом с локоть, сами голые, тощие, а головы такие... бледные, раздутые ровно тыквы; рты – от уха до уха – и зубки в них маленькие, но острые-острые! типа акульих. Ну, чего? Не похожи на греков? На турок тоже... Они вовсе на людей не походили. Да! И все – верхом на крысах с хор-рошую кошару величиной; а глаза у крыс красные, как у альбиносов – и светятся!

Шутник едва рыпнулся, как один из этих уродцев прыг ему на грудь и – зубами в горло! Он было в крик да – какое там! – когда дымоход перекушен, одно «ххр-хрр» вышло. Я повернулся бежать, а погань эта на крысах уж и сзади, и с боков... в кольцо взяли, короче. Что делать? Вилы! Стволы-то мы, как положено, ещё там, в доме скинули. Шутник тем временем ту тварь, что в него впивилась, от горла отодрал, швырнул обратно в бурьян, сам на колени осел, шею порватую зажал рукам и хрипит мне: «Гоблин! Пособи...». А чего я могу? У самого ноги ватные, только что не обделался; стою, крещусь да молитву вспоминаю.

Тут кольцо калликанцаров раздалось и в круг вступил... о-ох! вспоминать даже тошно! Эдаких отморозков я и в кино не видал: мне по пояс, одна нога короче другой, на груди горбыль, а уж голова! – во-от такущая голова! И язык красный на горбину свисает. Я сразу расчихал, что он самый Куцодаймон и есть. Походняк и все движения у него шустрые, до неуловимости, но вместе с тем какие-то... дёрганые. Как если бы заржавело у него что внутри. И при каждом шаге это самое «клик-кляк» раздавалось... Чего? Чего ты лыбу давишь?! Думаешь, типа, порожняк толкает Гоблин, да? Я тебе не Гоголь Лев Николаевич – языком мести не мастак. Но и не фуфлыжник! Это, может, на словах по косячному выходит, а когда бы ты своими глазами... Такой душняк! Глянул он на меня – и задубел я чисто чурка, не шелохнуться. Ты когда-нибудь в канализационный колодец заглядывал? Тьма без дна, и дохлятиной тянет. А ещё – типа, есть там чего-то, которое давне-енько тебя поджидает. Вот такой у него взгляд!

Доковылял он, значит, до Шутника, ткнул в него пальцем (а на пальце-то коготь дли-и-инный!) и сипит: «каа-лиссс...пэ-э...ра-а!». Все прочие тварюги в момент на Шутника сиганули, облепили по самую макушку, и давай его натурально жрать! Хрустят, чавкают да попискивают. До сих пор тот хруст в ушах стоит. А Шутник – ни звука. Наверное, неживой уже был. Я ойкнуть не

успел, как они его до костей объели... Вдруг главный их отморозок, Куцодаймон, опять что-то вякнул по-своему, и остальные нехотя отлезли от Шутника. А горбун поднял палец, замер и башку эдак наклонил, типа прислушивается к чему; потом ощерился и ну на них шипеть – те так и прыснули в разные стороны, как тараканы. Секунда – и нет никого...

Оклемался я маленько, огляделся, смотрю – небо раскумарилось, ночь, значит, кончается, вот-вот рассветёт... А что дальше? Вырыл кое-как руками ямку, спихнул в неё Шутника – ну, то что от него осталось, – шмотьё наше, и пошкандыбал на пляж. И всё это – ровно в полусне каком, то есть как пришибленный. Чувство такое было, точно не со мной это происходит... Выкупался. Тут и солнце взошло.

Воротился в отель, вернее сказать – в бар; весь день до вечера квасил. Поэтому, как отрубился, не помню... Только очнулся среди ночи от холода, поднялся, чтобы кондиционер убавить, гляжу – а с балкона на меня мурло Куцодаймона пялится! Ага, прям, привиделось! Луна светила ярко, так что разглядел в деталях: морда морщинистая, синюшная, глаза с вертикальными зрачками как два жёлтых фонаря горят, а на багровом языке слюна кипит... Ух, я и подскочил! В коридор выбежал и уж больше не спал – ходил взад вперёд; если чего, думаю, в другие номера стучаться стану... Во-от. Это вчерашняя ночь была, а сегодняшняя – последняя. Завтра утром улетаю отсель к ядреней фене. Так ты мне, папаша, пособи последнюю-то ночь перекапываться... лады? Такая история...

– «Такая история», с трудом пробормотал он, тут же уронил голову на грудь и захрапел. Видимо, прошлую ночь действительно не спал, и за рассказом целую бутылку водки один уговорил – вот его и сморило. Я тихонько, чтобы не разбудить, поднялся, открыл балкон – накурено было страшно – и на цыпочках – к себе в номер. – Закончив повествование, Тимур Айдарович умолк, испытующе глядя мне в глаза.

– И это всё? – спросил я. – Всё? Тогда, мой вам совет: выкиньте эту байку из головы. Совершенно очевидно, что ваш сосед тяжело больной человек. Вы ещё легко отделались, ведь он мог вас запросто и вилкой ткнуть! Кстати, куда он делся потом? Уехал?

– А знаете, я тоже так решил. Ну, что он не в себе, под кайфом или вообще шизоид. Только...

– Что только?

– Дальнейшие события поколебали мою уверенность.

– Вот как? И что же случилось потом?

– А вот слушайте: где-то во второй половине ночи, на самом её излете, меня разбудил приглушённый шум, доносящийся из соседнего номера. Мычание какое-то и возня; потом раздался звук падения, хрипы... и глухие такие удары, скорее даже шлепки... хотя нет – всё-таки удары; знаете, как если бы мясо отбивали деревянным молотком... В общем, очень похоже на шум борьбы. Минут десять продолжалась эта возня, потом стихло всё... и лишь время от времени тишину нарушали какие-то... то ли всхлипы, то ли подвывания.

– И что же вы предприняли?

– Да ничего не предпринял! Может, думаю, у человека белая горячка? А что тут удивительного? Вы вон из одного рассказа сделали такой вывод, а я-то с ним полночи провёл и видел – очевидно неадекватная личность. То есть или допился до чёртиков, или на солнце перегрелся, или же от рождения такой... ушибленный; а скорее всего, и то, и другое, и третье одновременно.

Поэтому перевернулся я на другой бок и постарался уснуть. Но как тут уснёшь, когда из-за стенки всё: «И-и-и-и...» да «и-и-и-и...»!

Еле-еле дождался утра, встал, выхожу в коридор – решил, дай проведаю соседа, может, ему требуется медицинская помощь? Только собрался в дверь постучать, как он сам её передо мною распахивает, едва по физиономии не заехал. Смотрю: ну и видок у него! Одежда – футболка, шорты – порвана, ключьями висит, а шея вся синяя, точно его душил кто. Глаза стеклянные, совершенно бессмысленные, выкатил на меня; вижу – не узнаёт. Я – задком, задком – в свой номер. Ну его, думаю! Но тут он взгляд на мне сфокусировал: «А-а! – говорит, – папаша, на кого ж ты меня оставил?» И голос хриплый такой, будто сейчас только из петли. Я ему: «Вам доктор нужен. Обождите, я попробую вызвать...», – а сам продолжаю отступление. Он на мои слова ноль внимания и всё сипит по-своему: дескать, чего-то он там «форшманулся» и ведьма его всё ж таки «зашкварила». Ну и прочее в таком роде – я в этой «блатной музыке» не шибок силён. А потом вдруг схватил мою руку и прижал к своему животу: «Оно там... во мне! – говорит. – Чуешь, шевелится? Чуешь?!» Я глянул – мать честная! – брюхо у него, как у роженицы на девятом месяце и – так и ходит волнами, так и ходит! Словно садок с живой рыбой. Я говорю: «У вас, наверное, газы. Вам непременно надо к врачу...» А он только головой трясёт; потом вдруг взвизгнул, обхватил живот обеими руками и – бежать. Я глазом не успел моргнуть, слышу, он уже вниз по лестнице – топ-топ-топ!

Хотел было я за ним, а потом думаю – и чего? М-да... честно говоря, в тот момент как-то не по себе мне стало, жутковато. В общем, вернулся я в свой номер, смотрю, жена, слава Богу, спит; вышел на балкон – и наблюдаю следующую картину: мой сосед галопирует по пляжу, а живот всё так же руками придерживает, точно расплескать боится. Добежал до моря и, не останавливаясь – в воду; сначала так шлёпал, а как глубина позволила – вплавь. Прямоком к буйкам. Тут Геляна моя проснулась: «Тима! Ну как сосед? Познакомились? Он приличный человек?» Я отвлёкся, чтобы соврать ей чего-нибудь (ну, не пересказывать же ей в самом деле всю эту кошмарную жуть), а когда снова на море посмотрел, Гоблина уже не было видно.

Во-от... Однако, это не конец истории. Ещё нет. Слушайте, что произошло дальше: соседа в этот день я больше не видел, хотя, правду сказать, специально его и не разыскивал. Решил – не моё дело. Вот так. Я на отдыхе, в конце концов! И ответственность несущу, прежде всего, за свою супругу... Вечером на ужин не пошёл, решил прогуляться по пляжу – он в это время пустынный – потому как аппетита не было да и обдумать всё хотелось. Хожу, брожу, дышу морским воздухом. Вдруг, наблюдаю, как в районе дикого пляжа, за территорией отеля у самой кромки воды народ кучкуется, фонариками светит, то есть суэта какая-то. Я – туда. Подхожу ближе, а там служащие из администрации отеля и люди в форме местной полиции столпились вокруг некоего продолговатого предмета; руками машут, тараторят между собой по-гречески. Поскольку уже порядком темно было, они не сразу меня заметили. А когда наконец заметили, я уже успел разглядеть, чего они на берегу рассматривали... На мокрой от прибоя гальке лицом вверх лежал мой сосед – Гоблин. Мёртвый, разумеется. Почему разумеется? А потому что живот у него от грудины до паха разорван был... Тут они увидели меня, руками замахали: «сигноми!» да «паракало!» – уходите, мол, уходите! Я и ушёл...

– Постойте, Тимур Айдарович! – перебил я своего собеседника. – Как же так? Ведь я только сегодня разговаривал со служащими вашего отеля, и они мне

не рассказывали ни о чём подобном. Хотя я спрашивал достаточно конкретно...

– Нужна им такая слава! Ко мне, вон, на следующее утро заявила целая делегация. С сувенирами разными, презентами. И с единственной просьбой: чтобы об увиденном на пляже не распространялся. Это, говорят, трагическая случайность – турист был сильно нетрезв, заплыл далеко за буйки, попал на сильную волну, и она швырнула его об острые камни. Несчастный случай, представляете! Но я-то видел...

– Может, так и было?

– Ну да, конечно! А как вы объясните, что Гоблин лежал не просто с распоротым животом – он был выпотрошен! Да-да! Так хорошая хозяйка треску потрошит – брюшная полость вся пустая и чистенькая, ни одного внутреннего органа! Будто их ему кто выел. Это вам как?!

– Да-а уж...

– Вот именно, что – да уж! – согласился Тимур Айдарович, довольный произведённым эффектом. – Ну и как вы находите мою историю?

– Прямо мистический триллер. Жаль, я не работаю в этом жанре. Но, всё равно – спасибо за незабываемый вечер.

– Это как же? Надо понимать, для вашего журнала она не годится?

– Гм... не знаю, что и сказать.

– Может, вы полагаете, я всё это придумал, а?

– Ну что вы, Тимур Айдарович! Такое выдумать невозможно...

– Вот именно! ...А впрочем, оно и к лучшему. Как говорится, всё к лучшему в этом лучшем из миров... Ого! смотрите-ка, за разговором бутылочку-то мы с вами уговорили! Что же? Пора прощаться, так?

– Как можно? – почти искренне возмутился я. – А на посошок!

– Но бутылка пуста. И хозяин куда-то запропастился...

– Нет-нет! Давайте перед расставанием выпьем по бокалу пива – и всё!

– Почему бы нет? – раззадорился Тимур Айдарович. – Давайте. Хозяин! Хо-озяин!!!

– Не трудитесь, – остановил его я, – он, наверное, на кухне – не слышит. Сейчас я к нему сам схожу. Заодно выберу самое лучшее, из местных сортов.

Я отправился в подсобную часть ресторана, отыскал там хозяина – он порывался обслужить нас сам, но я убедил его не беспокоиться – и быстро (слегка только замешкавшись у барной стойки) вернулся назад, неся в каждой руке по бокалу. Поставил пиво на столик и рядом с каждым бокалом положил по десертной ложечке, какие обычно используют для мороженого – их я тоже прихватил на кухне.

– М-м-м! – обрадовался Тимур Айдарович моему возвращению. Он порядком уже осоловел от выпитого. Пожалуй, завтра с трудом вспомнит о нашем разговоре. – Как называется сей пенный напиток?

– Он называется «Кео». Замечу, что перед употреблением его принято размешивать. Вот так, – я взял одну из принесённых ложечек и быстро помешал в своём бокале.

– Забавно! Никогда о таком не слышал... А! Это, вероятно, чтобы убрать пену, да? Так я её сейчас просто сниму...

– А вот этого делать не стоит! – заволновался я. – Эдак вы самый смак снимите. Нет, следует именно перемешать, вместе с пеной. Давайте, покажу. – Я перегнулся через стол. – Вот так, вот так!

– Спасибо, я понял, понял! Действительно, так вкуснее... И всё же, есть, по-вашему, в истории Гоблина правда?

С минуту я помолчал, обдумывая свой ответ, вернее определяясь, до какой степени могу быть откровенен со своим собеседником. А потом решил: какого чёрта?

– Если желаете, я готов изложить вам свою версию случившегося.

– Любопытно послушать!

– Извольте. Полагаю, что рассказ Гоблина вполне правдив в части совершённого им с подельником заказного преступления. Тем более, про это убийство я уже слышал, причём из других источников. Относительно же мистической составляющей его истории скажу следующее: волей случая мне кое-что известно о жертве – о злополучной Пелагии Рублевской. В частности, я достоверно, практически на личном опыте, знаю о её недюжинных гипнотических способностях. Кстати, до своей карьеры колдуньи, она была психиатром и работала в институте имени Сербского, лечила гипнозом пограничные психические расстройства – тяжёлые психозы, фобии и прочее; по отзывам коллег, весьма успешно. Поэтому думаю, дело было так: перед смертью Пелагия успела каким-то образом загипнотизировать Гоблина и дала ему жёсткую установку на устранение подельника (как его – Шутник, да?). Гоблин установку исполнил, но сразу после, осознав, как выражаются юристы, всю тяжесть содеянного и наступивших последствий, ужаснулся, психика его не выдержала, и он, что называется, подвинулся рассудком, впав в эдакий болезненный фантазм. Иначе говоря, Гоблин не в состоянии был даже самому себе признаться, что смерть напарника на его совести. А потому стал искать для себя оправдания и нашёл его в замене субъекта преступления – дескать, во всём виноваты некие уж-ж-жасные «калликанцары», а никак не он.

– Невероятно!

– Но всё же менее невероятно, чем банда калликанцаров верхом на крысах.

– Гм... но тут вот ещё что. Нечто похожее и мне приходило в голову. Однако, думал я, странно, что Гоблин с его, как вы заметили неразвитым умишком, а, соответственно, и воображением, измыслил совершенно фантазмагоричных существ – калликанцаров – а не каких-нибудь банальных зеленых чертей. Вот я и позвонил своей дочке – она у меня студентка филфака МГУ – и попросил её поискать в соответствующих словарях-энциклопедиях значение этого слова. И существует ли вообще подобное понятие.

– И что же?

– А вот слушайте: оказывается, в греческом фольклоре такие существа присутствуют! Это демоны, и они действительно ростом с ребёнка, а начальником у них Куцодаймон. Любопытно, что обличье у них примерно такое, как описал Гоблин. Правда, по местным поверьям, ездят они не на крысах, а на хромых курицах, да и появляться в мире людей должны под Рождество. Демоны эти вредоносны: любят мочиться в еду или в очаг, до прочих пакостей тоже охочи. А самый главный и самый опасный из них – Куцодаймон. Он насилует девиц и протыкает животы беременным.

– Удивительное дело! ...Но это никак не подрывает моей версии.

– Разве?

– Значит, наша «некромантка» внушила киллеру не только необходимость убийства напарника, но и этих калликанцаров с их Куцодаймоном.

– Позвольте! Да когда бы она всё это успела за пару мгновений до рокового выстрела в голову?!

– Как-то, вот, успела... Я же говорю – талант, неординарная личность. Потом, Тимур Айдарович, у вас имеется другое объяснение? Уж не верите ли вы, в самом деле...

– О нет! Это, разумеется, совершенно невероятно.

– Про что и речь. Давайте уже отвлекусь от гоблинов с их калликанцарями и займёмся нашим пивом.

– Согласен!

– Перед расставанием, Тимур Айдарович, позвольте один совет.

– Приму с благодарностью.

– Никому больше не рассказывайте эту историю, – для значительности я даже понизил голос. – Во всяком случае, пока не вернётесь в Россию. Зачем вам разбирательства с местными правоохранительными органами? Вы же, считай, свидетель по делу.

– Спасибо, – с чувством произнёс Тимур Айдарович. – Я так и поступлю.

– Ну, тогда, как говорят здесь, на Кипре: «Я мас»! На здоровье!

Распрощавшись со своим собеседником, я решил немного прогуляться, чтобы утрясти съеденную пищу и полученную информацию. Сегодняшним днём я был вполне доволен. Профессионализм плюс удача всегда равняются успеху. Теперь, поскольку на Кипре меня более ничего не задерживало, я решил улететь завтрашним же рейсом. А пока, возвращаясь пешком в свой отель, вкушал на десерт томную прелесть южной ночи.

Свернув с дороги, я вышел к пляжу; присел на камень у самой кромки прилива и закурил; ленивая волна, сморщив широкую лунную дорожку, добежала до моих ног и схлынула. Раскинувшееся в истоме Средиземное море, словно женщина после бурной ночи любовных утех; безлюдный, пустынный пляж – всё располагало к неспешному размышлению и вдумчивому анализу.

Итак, я выяснил всё, что хотел: Пелагия Рублевская мертва (это, впрочем, мне было известно), Шутник с Гоблином тоже... Конечно, обстоятельства их гибели несколько загадочны, но... главное, что они не попали в руки полиции. Шутника жаль: славный паренёк был; безбашенный чуток, но этим и брал... А вот кого совсем не жалко, так это Гоблина. Животное, оно и есть животное! Правильное Шутник погнало ему придумал. Это ж надо – первому встречному всех сдал, даже заказчика! Из-за него пришлось ликвидировать хорошего человека. А он мне даже успел понравиться. И рассказчик исключительный.

А вы как думали?! Естественно, Тимура Айдаровича нельзя было оставлять в живых – слишком о многом ему стало известно. И всё из-за болтливости и суеверной трусости Гоблина.

Интересно, наверное, как и когда я это сделал? Ну, правильно, там, в ресторане «То Dovkato». Я ему в пиво порошок фаллоидина подсыпал. О-о! Это отравка замечательная, просто исключительная по своим свойствам. Если называть вещи своими именами, так фаллоидин не что иное, как истолчённая Amanita phalloides – бледная поганка, в переводе с латыни. Исключительность же её состоит в том, что попав в организм, токсины этого грибочка в течение длительного времени не вызывают никаких симптомов; и лишь через сутки, а то и двое появляются первые признаки отравления: головокружение, тошнота, нарушение зрения. Потом наступает временное облегчение – часа эдак на два. А затем – по новой: желчная рвота, понос, судороги, жгучая боль в желудке; конечности холодеют, пульс падает... Это ж как удобно! Мало ли где и что в течение латентного периода – до появления первых симптомов – человек кушал? Вот взять моего Тимура Айдаровича: в отеле утром

покушает? – покушает; в самолёте тоже, да и дома перехватит наверняка. Ну и как определить, где он наглотался этой гадости? Немыслимо! Да её немного и надо – тридцать миллиграммов всего. Этакая капелюшечка в любое блюдо может попасть. Но прелести фаллоидина этим не исчерпываются! Самое главное, что ко времени появления первых симптомов он успевает вызвать необратимые изменения внутренних органов: некроз печени, почек, полное перерождение тканей селезёнки и сердечной мышцы. То есть спасти человека уже невозможно – смертельный исход неминуем! А? Каково?! Да-а... сколько живу, а всё не перестаю удивляться чудесам природы.

Хочу, кстати, похвастать – порошок этот я приготовил своими руками. Такое тонкое, ответственное дело лучше никому не доверять... Когда ж это было? Ну, точно! Года два назад в подмосковном, помнится, истринском, лесу собирал грибы (люблю это дело!), вдруг, вижу: на поросшем вороньим глазом и земляничкой холмике стоит она, Amanita phalloides, собственной персоной. И ничего в ней на вид особенного, обычный, заурядный гриб: ножка белая, шляпка внизу пластинчатая, а поверху шелковистая, зелёно-оливковая... А вот, поди ж ты, сразу её опознал. Аура у неё какая-то... злокозненная... и будто некие вредоносные флюиды источаются. Что говорить? Родство душ, полагаю. Взаимопроникновение чувств...

Однако я отвлёкся. Воспоминания такая штука: цепляются друг за дружку точно канцелярские скрепки... Не запутал я вас? Ну ничего, дабы окончательно прояснить ситуацию, скажу, что, излагая Тимуру Айдаровичу свои соображения о произошедшем на острове Афродиты, я нисколько не кривил душой и ничего не утаил. За исключением одной малости... Хотя вы, наверное, сами догадались, что никакой я не журналист. Разумеется, догадались. На самом деле я советник Асланбека Гиреева, того самого деда Аслана, о котором Гоблин проболтался, помните? Вообще, по профессии я адвокат, а согласно штатному расписанию – юридический советник. Где-нибудь на солнечной Сицилии меня, пожалуй, именовали бы «консильери».

Ну, а кто такой дед Аслан, пояснять, полагаю, не нужно? Фигура хотя и не публичная, но весьма узнаваемая. Вам ещё наверняка интересно, зачем деду Аслану было заказывать какую-то ворожею. С этим всё просто до банальности. Один из коллег-конкурентов Аслана нанял упомянутую «служительницу Гекаты», чтобы та сорвала моему шефу некую крупную сделку. И Пелагия вроде бы в сем деле преуспела. Вообще, люди нашего круга, стоит только зайти речи о магии-религии и прочем шаманизме, становятся такими суеверными, что хоть святых выноси! Справедливости ради отмечу, что Пелагия Рублевская, известная также как «Рублевская гадалка», не была рядовой шарлатанкой. Многим внушала доверие и даже внешностью обладала подходящей: здоровенная такая бабища, с комплекцией продавщицы мясного отдела и с пронзительным, прямо-таки магнетическим взглядом! По паспорту никакая она, разумеется, не Пелагия и уж тем паче не Рублевская, а Антонина Петровна Чуйская. Однако ж она в самом деле имела учёное звание доцента и одно время трудилась в институте имени Сербского. Специализировалась на гипнотерапии. Правда, как я выяснил, ушла отсюда не своей волей, почти со скандалом. Психопатов да эпилептиков гипнозом излечивать ей показалось скучно. Увлёкшись разными эзотерическими практиками, она возомнила себя этакой новой Марией Дэви Христос и организовала в институте нечто вроде секты. Благо, имеющийся человеческий материал тому благоприятствовал. Когда всё открылось, Чуйской пришлось покинуть институт, и она, уже под именем

Пелагии Рублевской, пополнила собой когорту ворожей, экстрасенсов и прочих народных целителей – тех, что сулят доверчивым потребителям снять венец безбрачия, навести порчу, вернуть жену-мужа, сглазить разлучницу, а деловым людям – обеспечить верный успех коммерческого предприятия.

Всю эту информацию о Пелагии я разузнал заблаговременно, однако, честно говоря, не очень поверил в её гипнотические способности. Выходит – зря.

Как бы то ни было, вызывает меня однажды Аслан и говорит: так и так, мол, кончать надо с этой Рублевской ведьмой. Надо так надо. Направил я к ней человека – опытного бойца, чтобы он под видом клиента к ней подобрался да и шлёпнул бы по-тихому.

Только, по-тихому не вышло.

В тот же день возвращается мой боец с задания и идёт напрямиком к деду Аслану. Я сразу насторожился, поскольку у нас так не принято – с бойцами Аслан никаких дел не имеет, а только со мною. Этот же ещё ко всему вернулся какой-то тухлый: глаза оловянные, обкуранный, что ли, думаю? Спрашиваю его: всё ли в порядке? А он на меня и не смотрит, к деду обращается. «Тебе, – говорит, – мать Пелагия весточку велела передать». И тянет из-за пазухи рабочий инструмент...

Ну, там кроме меня ещё человека два было – изрешетили, конечно, перевёртыша – он и предохранителем не успел щёлкнуть. Так что, видите, и в части гипнотических талантов Пелагии я тоже не погрешил против истины.

Следует отметить, что мой шеф имел по жизни темперамент гадюки, иначе говоря, весьма холоднокровный. Но уж если кто наступал ему на хвост! А это был как раз такой случай, и потому взъярился он не на шутку: «Из моих ребят зомбей делать?!» Дальнейшее развитие событий очевидно: мне в категоричной форме было велено распылить обнаглевшую ведьму до молекулярного состояния.

Правда, Пелагия после своего неудавшегося «удара возмездия» сразу дёрнула на Кипр. Видно, надеялась, у Аслана руки коротки через Средиземное море до неё дотянуться. Напрасно. Обнаружить её лежбище было делом техники. Оставалось решить, кого заслать к ней с ответной весточкой от деда Аслана.

Мой выбор на Шутника с Гоблином пал, естественно, не случайно. Я как рассуждал? Во-первых, раз они вдвоём, всегда приглядят друг за дружкой; не сможет же в самом деле эта ведьма двоих зараз лишит здравомыслия? Во-вторых, более несходных между собой людей, чем Шутник с Гоблином сыскать было трудно. Гоблин имел ум неразвитый, образованием незатронутый и, по логике вещей, слабо подверженный всяким фантазиям; такого не вдруг заморочишь. Шутник же, тот сам кого хочешь в транс ввести мог, не хуже Кашшировского. Упрямый, злой как конвойная овчарка. Правда, на «коксе» крепко сидел... но характер имел железный.

Так что в Шутнике я был сильно уверен. И сейчас, по здравому размышлению, полагаю – это я с Гоблином дал маху. Потому – неразвитый интеллект сродни детскому. А дети как раз в категорию повышенной внушаемости и входят.

И ведь проинструктировал стервецов: ни в какие разговоры с Пелагией не вступать. Ну да что теперь казнить попусту? И на старуху бывает проруха.

Тут, правда, какой ещё нюанс: по приезде в Москву, поднял я досье Гоблина. Оказалось, он с детства состоял на учете в ПНД. А это уж прямой огрех в моей работе, ничего не попишешь... Но меня сбило с толку, что он был трижды судим. Как же его всякий раз признавали вменяемым? Ума не приложу.

Когда я вернулся в Москву, меня ожидал ещё один сюрприз: через сутки откинулся дед Аслан. Причём при странных, если не сказать загадочных обстоятельствах. Однако чтобы привнести в эти обстоятельства относительную ясность, я вынужден вновь сделать небольшое отступление.

Аслан у себя дома, в центральной гостиной, соорудил нечто вроде зимнего сада: пальмы да юкки в кадках, какаду по веткам порхают, на головы гадят; террариумы с всевозможными гадами источают экзотические миазмы. И среди прочей причудливой фауны имелся у него аквариум. Большой – литров на пятьсот. Только жили у него в этом аквариуме не рыбки, и не рептилии, и даже не лягушки, а – экая мерзость! – жуки-плавунцы. Ну, те что в болотах и прудах обитают. Что характерно, он в этих насекомых прямо души не чаял – очень они его забавляли. Бывало, кинет им горсть головастика, а эти твари торпедами чёрными метнутся – аж вода вскипает! – и своими челюстями их – хрям-хрям – напололам! Однажды, чтобы похвалиться здоровым аппетитом и хорошей спортивной формой своих любимцев, он при мне бросил в аквариум взрослую лягушку. Зрелище, доложу вам, преотвратное, не для слабонервных: они бедной квакше сначала вспороли брюхо, а после в буквальном смысле на куски раздербанили! Меня едва не стошнило. Но Аслану нравилось...

И вот, на следующий день после моего приезда охранники находят деда мёртвым. В собственной ванной. Опочил и опочил, что ж такого, спросите? Действительно, он уже не молод был – седьмой десяток успел разменять; да и образ жизни... В общем, всё естественно и гармонично. Но изюминка, я бы даже сказал, пикантность ситуации, заключается в том, что ванна, в которой его грешное безжизненное тело в гидромассажных струях колыhalось, кишмя кишела этими любезными его сердцу плавунцами!

Помер-то он, понятно, не от их укусов – сердце не выдержало, это и результаты вскрытия подтвердили. Но вот что странно, вот какой вопрос не даёт мне до сих пор покоя: кто мог в денно и нощно охраняемом доме учинить с дедом Асланом такую развесёлую шутку? Не сам же он, в самом деле, решил принять джакузи с жуками?

Однако, как заметил покойный Тимур Айдарович, всё к лучшему в этом лучшем из миров. Благодаря перечисленным событиям, дело Аслана перешло ко мне. Вполне легитимным образом, на безальтернативной основе, поскольку ни семьи, ни детей у Асланбека Гиреева не имелось. Какая семья у вора в законе? Пришлось, конечно, слегка помудрить с документами. Так на то я и юрист. Кстати, строки эти я пишу в бывшем его – а теперь уже моём – доме, в той самой роскошной гостиной. От аквариума с отвратными жуками я, совершенно понятно, избавился...

Ладно, притомился я что-то, хватит, пожалуй, на сегодня заниматься мемуаристикой. Тем паче, эта диктофонная запись предназначается никак не моим современникам, а, скорее, отдалённым потомкам. Для истории, так сказать. Что поделаться? Тщеславие – мой главный грех. Потом и время уже позднее... Ягр, мой годовалый лабрадор, и тот уже выказывает возмущение: вон, забился под стол, хвост поджал и скулит. Ах ты, дурашка эдакая!

И ещё меня окончательно достало непонятное шуршание, уже битых полчаса доносящееся из-за входных дверей. Собака, что ли, какая приبلудилась, в дом просится? А куда глядит охрана? За что я им плачу, за крепкий сон? Эх, грехи мои тяжкие, придётся выбираться из покойного кресла и идти самому проверять, в чём там дело. Иначе никаких нервов не хватит слушать это: шр-шр-шр... клик-кляк! шр-шр-шр... клик-кляк....

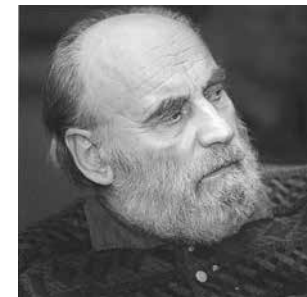

ПРОЗА

Юрий БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклонуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джунглетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурава лаж», «Последний круг» и других. Секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Вечный двигатель

(Из цикла сонетов)

1

Весной встревожит горьковатый дым
И словно солнцем душу оторочит.
Скворец на ветке весело хохочет
Над хитроумным замыслом моим.

Поведай мне, крылатый побратим,
Как рвал завесу бархатную ночи –
Летел сюда: спешил что было мочи
На родину, к скворечникам своим.

Сравнить себя с тобою б я хотел:
Твоя тоска по родине – святая.
Я больше б тосковал, и не скрываю.

Не отходя от повседневных дел,
Ищу любви космический предел
И вечный двигатель изобретаю.

2

Лениво лето топает в пыли.
Жара рыжеет, млея у колодца.
И головы, наполненные солнцем,
Колодезные студят журавли.

Не оторвутся от родной земли, –
 Душа в истоках древних остаётся.
 Пусть птица перелётная смеётся, –
 Но улететь за нею не могли.

Стояли тихо с веком наравне,
 В моём краю преданий и реликвий –
 Ловили в небе солнечные блики,

Им жизни смысл понятен был вполне:
 Хранить бы небо в чистой глубине
 На дне бады, как мудрость древней книги.

3

Дождём леса застираны до дыр,
 Осенним ветром голос мой простужен.
 На тротуарах сморщенные лужи
 Подслеповато щурятся на мир.

Над серым полем дремлющая ширь
 И просеки задумчивые глубже...
 Скворцы решат: теплее – значит, лучше.
 И снимутся с насиженных квартир.

А расставанье – лишь короткий миг:
 Он в сердце птицы не оставит раны.
 Инстинкт могуч – в другие тянет страны.

Я не отвечу на призывный крик:
 К моим полям я больше чем привык –
 И зимовать на родине останусь.

4

Зима, зима... Метелям сны кружить...
 Воспоминанья силятся согреться.
 Я за чертой безоблачного детства
 Звучу тревожно, как стальная нить.

Я перестал бы жизнью дорожить
 В стальном кольце набросившихся бедствий,
 Не будь в груди единственного средства
 Себя на этом свете пережить.

Оно зовётся именем – Любовь...
 Небесным светом освещает Землю,
 Пронзает наши души до основ.

Сама природа дар небес приемлет!
 Любовь Творца – то жизни всей начало –
 И людям вечным двигателем стала.

Сонет 69

О веле великий собор во Смоленске:
 И пенье прозрачное льётся с хоров,
 В кадильном дыму, стеариновом треске
 Молитву читает седой богослов.

Из мрака выходят иконы и фрески –
 Ожившие тени земных праотцов.
 Восходит алтарь золотой в поднебесье –
 Нисходит на грешников мир и любовь.

И словно замедлилось века движенье:
 Как ниточка чувствуешь кровь плащаниц
 И звуком вплетаешься в тихое пенье.

Пред иконостасом я падаю ниц,
 Не видя ни глаз отрешённых, ни лиц,
 Очищенных душ неземное свеченье.

Сонет 80

Мы ложились под смрадные танки,
 На себе поднимая кресты
 До небес... И осколками склянки
 Затмевалось мерцанье звезды.

И пульсировал красно из ранки,
 Заливая траву и кусты,
 То ли свет занебесной вагранки,
 То ли крови родник с высоты.

И пронизана звёздной шрапнелью
 Наша воля – последний редут...
 Пахнет мокрой предсмертной елью

Под набрякшей дырявой шинелью.
 Слышен где-то далёкий салют,
 А враги всё идут... и идут...

Сонет 88

Не сломленный властью, страданиями ум
Упорством накликал судьбину лихую.
От веры в себя отрекись, Аввакум,
И жить будешь мирно с Тишайшим втихую.

Борец, проповедник, поэт, вольнодум
За правду – в сражение напропалую,
Народу – служитель, святошам – не кум,
Гордыню свою не смирил удалую.

Сподвижницей духа шла рядом жена,
Прощала грехи, но умела и верить.
А горя и слёз ей хватило сполна.

Сей подвиг славянки ничем не измерить.
На муки и смерть, чтобы веру проверить,
Пошла, как за Богом, за мужем она.

Сонет 89

Российские опальные звоны
За бунт в Сибирь морозную ссылали,
Им языки да уши отрезали,
Не доказав злодейства и вины.

Набата, как явленья сатаны,
Боялись те, что власть в руках держали.
Звоны над Русью пели и стонали –
Предвестники победы и войны.

Чтоб мой народ всегда был свят и волен,
Снимали в переплавку с колоколен:
Гремела в пушках медь колоколов.

Звоны-малютки – от ворожей силы
Мы на руках, как деток, уносили:
Набатным гулом отзывалась кровь.

Сонет 90

Не поняты «Полтава», «Пугачёв»,
Не принято «Клеветникам России»!
Не черни вероломная любовь –
Друзей измены сердце надсадили.

Текущий век был для него не нов:
Морозной петлей стих передавили.
Не скрыться от фальшивых царских слов –
Враги в свинец смертельный их отлили.

Он мужественно вдаль времён шагнул:
За грань веков и преходящей славы.
Небесный дар признал и Вельзевул.

Ушёл вперёд легко и величаво,
Касаясь звёзд главой своей курчавой...
Звук выстрела Вселенную качнул.

Сонет 95

Земле и небу пел Ростов Великий,
И слово замирало на устах,
И тоньше становились наши лики,
Как у святых на древних образах.

С колоколами – солнечные блики
На золотых звенели куполах...
Мы к восклицаньям тихим не привыкли:
В них затаился безотчётный страх.

Во тьме веков, в лесу противоречий
Услышим истин пламенные речи,
Чтоб ум холодный светом обожгло?

Таинственным делам не даст огласку
И не подарит бабушкину сказку
Увиденное страшным веком зло.

Сонет 100

Любить буду я до скончания дней моих скорых
Славянских пейзажей задумчивость и чистоту.
Излечат они безнадежные вечные хвори
И дух мой поднимут в заоблачную высоту.

Ветрами сорвут повседневности жёсткие шоры,
Вернут бескорыстно начальную ту простоту,
Которая предкам служила надёжной опорой,
И нам не позволит утратить благую черту.

Природа пыталась века опростить человека,
А он покорял её, делал, бездумный, калекой:
Рубил, осушал и спешил всё при жизни успеть.

И не сомневался, что шёл за счастливейшей долей.
Нашёл? Оглянулся? Утратил? И не оттого ли
Не можем сердечно уже сострадать и жалеть?

Сонет 118

Попали в наших дней водоворот
Святые книги, светлые иконы:
Свозили их со всей нечистой зоны,
Где был отравлен и металл, и мёд.

Незримым светом стронций землю жжёт
И ливнем хлещет по весенним кронам...
И снова Богу молится народ,
За истиною тянется к амвонам.

Стоял истлевший на развилке крест,
За ним – в тумане мёртвый рыжий лес,
Кололся воздух радиационный.

Сползал в закат кровавый неба срез,
Пречистый лик светился у Мадонны
Чернобыльским дыханием небес.

Сонет 128

Ты нас, разумных, завсе, Боже, крый
От трисплетённого пороком зла:
Лжи, зависти, гордыни, чтоб разлад
Не подрубил духовных наших крыл.

Когда пленял святую Русь Батый,
Немало русских вражий меч пожрал:
Чабрец от крови праведной пылал,
Но пред свирепым не склоняли вый.

Отдавшие за веру свой живот,
Живут святые Фёдор, Михаил
Черниговские... Вера в Русь живёт!

Страданий чаша! Кто её испил
За всех за нас, тот завсе будет мил
Нам – сохранившим честь свою и род.

Сонет 129

За Игоря гибель отмстить возмыслилася Ольга:
С измученных тяжкой осадой взять ещё дань –
Три голубя, три воробья от подворья... И только...
Искоростень сжечь и пленить непокорных древлян.

Узрела в очах у младенцев, по-взрослому волглых,
Зелёные сполохи мести – готовых на брань.
Но горе и радость сжимали ей сердце... Поскольку
Сбирала народы под цепкую женскую длань.

Моление идолам – стало греховно-запретным:
Желанен Христос непорочным сердцам и уму, –
И стрелы летели упрямо в язычества тьму...

Украшена разумом, верой сильна беззаветной,
Хотела, чтоб Русь не была безответной –
Металась душа и, спасаясь, молилась Ему.

Сонет 130

Внук Ольги и сын Святослава – Владимир
Взял веру у греков... Не страшен Перун:
Гвенясь, тот стрелой расщепляет валун,
Но князево слово колюче, как сивер.

Пока дух былинный в народе не вымер,
Не вытопчет росы ворожий табун,
Дорогу не скривит злодейский кликун...
А коль на защиту не встанем всем миром

Духовность спасём от разора в пух-прах?!
Не с нравоученьем и глупым запретом
К потомкам придём... А под знаком обета –

С добром и любовью в словах и делах...
Но в поисках доли испросят совета
Иль тоже пройдут сквозь язычества крах?

Сонет 131

В сердце взрастил он своё злобные ковы...
И Святополка настигла расплата!
Глеб и Борис, убиенные братом,
Несут благодать и смиренное слово.

О, блаженные страстотерпцы Христовы,
В гибели вашей и мы виноваты:
На протяжении столетий стократно
В душах своих рушили предки основы.

Дух болен – природа сама одичала,
Сегодняшним днём подтвердилось начало –
На красном коне штурмовали мы брод.

И мчал эскадрон залихватски вперёд...
Мы братьев своих положили немало!
Но кто на суд праведный нас призовет?

Сонет 132

Феодосий, Антоний – Печерские иноки
Нарождали единое духом сословье...
Справедливости горькой святые подвижники
Были равными с княжеской волей и голью.

Не иссушат злобу примитивные циники,
И закрепят законом в миру своеволие,
И во Храмах запляшут безумные призраки,
Да иконы стекут, обagrённые кровью.

Возгорятся под Киевом хладные росы,
И прольются на мощи дождём проникающим:
Не живительно-радостным, не воскрешающим.

Гиблым светом пронзят нас днепровские плёсы,
Чтобы вняли гласам заблудших, стенающих...
О, Антоний земной, о земной Феодосий.

Сонет 133

В лесах московских утлая обитель
Была твоим прибежищем простым:
И Бога чтит и соблюдал посты –
Великий делатель и душ людских целитель.

Тебе же свет поганый не постыл,
О, Сергей, духа русского хранитель
И воинов славянских ободритель –
В них веру победителей вселил.

Плелись венки для многих в бранном поле:
Отрагивали каждый свой булат...
С землёй и кровью смешан был закат, –

Повержен хан в сей битве Куликовой!
Прозрел ты в мир, где нам указан путь,
И знаком огненным предназначенья Суть.

Сонет 135

Чудо сотвори, святитель Алексей,
Как твои светильники предтечи...
Ты у гроба, где лежит наш Пётр святой
Затешил молитвой жаркой свечи.

Джанибек-татарин страшен, аки змий –
Слепотой царицы рок отмечен –
Ждал с тобой, как со всевышним, встречи:
Ласкою сразил ты хана: «Не убий...»

Укротил любовным словом ярость
И очам Тайдулы свет вернул зари,
О разлад жестокий меж отцов, умри!

Чтобы чудо в каждого вселялось,
Проявись ко всем народам жалость...
Хан, Святитель, Человек, иди и зри!

Сонет 145

Навалилась лихая родня
И без права о деле судачат:
Очевидное ловко иная,
Справедливое шумно браня.

Он почуял, что фразы – плутня,
Стал безбожник божественно зрячим:
Не захлопнула дверцу удачи
Перед смертью любви западня.

Хлеб солёный судьбы съел до крохи.
Весть несла на хвосте нам сорока:
Отвезли на забытый погост.

Дух уплыл в восходящем потоке,
Пальцы жёг оплывающий воск...
И Отечество вновь без пророка.

Сонет 147

Время духовной, иных революций:
И в атмосфере – магнитный разбой.
Мы разгребаем завалы инструкций,
Лес рубим – щепки и брёвна, долой!

Время газетных статей-экзекуций,
Чтоб ты признался, что тоже изгой,
Хоть не писал никаких резолюций –
Интуитивно поддерживал строй.

Кажется, старые песни отпеты:
В лёгком ходу анекдоты, памфлеты,
Плоские шутки, развратный интим

И наизнанку искусство, секреты...
Только народ мой не станет иным –
Горек и сладок Отечества дым.

Сонет 162

Холмы сиротские Отчизны:
Иссох лесок, исчезла гать,
Форели в речке не блистать.
Дед заразился нигилизмом.

И заколдованная рать
С чернобыльской отправят тризну
Над нашей сумасшедшей жизнью –
И к смерти надо привыкать.

Культура нынче не в чести:
С корнями русское свести,
Славян духовность уничтожить...

Уткнёмся в «ящик» пьяной рожей?
У поля, отчего спроси:
Что будем с внуками итожить?

Сонет 167

Стараюсь вековать неприхотливо:
Не брать чужие речи напрокат,
Не походить на бодренький плакат,
Вскрывать всё то, что мерзостно и лживо.

У совести не клянчил дубликат,
За временем не гнался торопливо,
С народом жил не противоречиво
И не претендовал на всеохват.

Я не чурался массового спорта,
По праздникам вино с друзьями пил,
Не выбивал дешёвенькие льготы,

Не знал, что значит в мирной жизни тыл!
Как можете: живите низко, гордо,
Но не срамите дедовских могил.

Сонет 175

Лучину вековечную не жги:
Не высветит огонь полуулыбки.
В пустынном поле не видать ни зги
И тени обступающие липки.

Не снег цветной, а праздников открытки
Под грязные ложатся сапоги...
От скрипа проржавелого калитки –
По всей округе долгие круги.

И едешь в тьму сквозь тьму между борозд,
В руках потеют старенькие вожжи,
И воют волки... И мороз по коже.

Подталкивает клячу шаткий воз,
А где-то рядом движется откос
И прошлое в телеге под рогожей.

Сонет 179

На разлив синеокой Нерли
Опустилась, как лебедь, с небес
Церковь белая – онемели
И поля, и темнеющий лес,

Отплясали в ночах метели,
Просвистел, словно леший, экспресс...
Чтобы души во мгле уцелели,
Сквозь столетия светит нам крест,

Отражается в небе и водах:
Небосвод безмятежен и ал.
На заборе петух прокричал.

(И воспряла ботва в огородах),
Эхо долго не таяло в сводах:
Купол в утреннем солнце сиял.

Сонет 180

Под владимирским многовековым холмом
Клязьмы синь – васильковой излукою,
Надо всею российской округою –
Купол Храма, как жаркий шелом.

Красоту не сберечь под кольчугою,
Не упрятать за тяжким щитом...
Расплатиться Руси страшной мукою,
Храм отдать супостатам – сором!

Разбивая у врат белокаменных стан,
Одолеть не надеялся гордых славян
Ни огнём, ни стрелою, ни ласкою,

Запечатать ордынскую басмою
Рты и мысли не смог сатанинский каган:
Мой народ окроплён агиасмою.

Сонет 186

Возвышенно-таинственный санскрит –
Славянских слов и мыслей чистых предок –
Народам нёс тысячелетья веды,
А мы забыли древний алфавит.

Его едва ли знает эрудит,
Хотя ведёт «блестящие» беседы:
Присутствуют позиция и кредо,
Но фраз кристальных – острый дефицит.

Нет, фолианты не изгрызли мыши,
И слова смысл высокий не угас,
Слетевший с небеси на Мира Крышу.

Я верю в чудо, что любой из нас
Святым воскреснет, сквозь века услышав
Отечества драгодостойный глас.

Сонет 198

Заалело небо на востоке:
Не крыла раскинула заря –
Как три солнца, шлемы! Руки в боки –
Выехали три богатыря.

Не в свои загаданные сроки:
В думе о земле, не словопря,
Вброд прошли вселенские моря,
Принесли былинные истоки.

Зашипели змеи по углам:
Вывелось Горынычей с лихвою –
Под завесой дымно-огневою

Развели задуманный бедлам...
На горе сияет белый Храм –
Колокол зовёт к началу боя.

Сонет 207

Глухие споры с каждым днём горчее:
Душа черна, как запустелый скит,
Её дыханьем жарким не согрею,
Её уже ничто не исцелит.

Крошится в пыль исписанный графит –
Ямб охладел и вышел пыл хорея,
А ветер воли скоро захиреет,
Где знамя тени развернул Аид.

И космос, словно чёрная дыра,
Зрачок вонзает в душу без укора,
И над скитом лишь след от метеора,

А впереди алмазная гора,
Как аура воздушная Собора,
Бросает свет на острие пера.

Сонет 220

Вся жизнь – игра. В игре последний кон,
И карта вещая под пальцами в колоде...
И тянешь с дрожью, ощущая, вроде:
Во тьму летит крылатый фазтон.

Кто разумом вселенским одарён,
Тот нами полноправно верховодит
И страсти раскаляет рдяный горн,
И гонит мысль к мерцающей свободе.

Как ночь земная ласково-нежна
И с холодом космическим несхожа:
Два полюса – натянута струна.

И духом ощущаешь, что дороже
Не Зодиаков дальних имена,
А Родина бревенчатая всё же.

ПРОЗА

Светлана КОМРАКОВА

Имя

В детстве я была недовольна своим именем. Света! Совсем не интересно, да ещё дразнились некоторые: Светка-конфетка! Я даже маме своей высказывала своё неудовольствие.

– Неправильно ты меня назвала!

– А как бы ты хотела? – удивлялась мама.

Я отвечала без пауз, так как точно знала, какие имена самые красивые:

– Стелла! Или Цинцинелла!

Имя Стелла, думаю, известно многим, а Цинцинелла – это героиня сказок Корнея Чуковского.

– Ну, а мы с папой называли тебя Светой, – отвечала мама спокойно, – я хотела Ольгой, а папа настоял на этом имени.

И я замолкала: уж Ольга не лучше Светы!

В институте мальчики называли меня Светик, что было вполне приятно и симпатично. Светик, Светуля, Светлана, а вот Ланой меня попытался называть только один однокурсник, но это совсем не прижилось.

Как-то мне попала в руки книга Флоренско-го «Имена». Имена там были классические – Ольга, Игорь, Александр, Мария. Каждое имя придавало человеку, по мнению автора, определённые черты характера. Так, Ольга – женщина строгая и властная. Прочитав такое, я пересмотрела отношение к своему имени и даже порадовалась, что папа не дал назвать меня Ольгой, а назвал Светой. Лучше Светланой. Иначе тяжело пришлось бы окружающим! У меня и так характер не самый мягкий, я Телец по гороскопу, а уж с именем Ольга...

А вот отчество моё мне нравится безоговорочно – я Семёновна. И получается очень мягко – Светлана Семёновна. Это, наверно, спасает моих студентов от неминуемой кары на экзаменах, когда их знания предмета стремятся к нулю.

К чему я всё это?

В Доме Учёных, членом которого я являюсь уже более 10 лет, секретарём директора работала милая женщина. Тихая, скромная, неярко одетая,

Светлана Комракова – родилась в Ленинграде, выпускница МВТУ имени Баумана, преподаватель одного из московских вузов. Автор пяти стихотворных сборников: «Стихотворения», «Какая радость – солнце в ноябре!», «Я никуда не тороплюсь», «Удивительный цветок – белая ромашка», «Осень – пора для поэтов», член Союза писателей России. Является автором книги рассказов и новелл «Отражаясь в зеркалах», книг для детей «Приглашаем в сказку», «Про кошку Лесю». Руководит литературным объединением «Чонгарский бульвар» при московской библиотеке имени Ф.И. Тютчева.

Живёт в Москве.

про таких говорят «серая мышка». Но приветливая, интеллигентная, заботливая! Думаю, она была старательным и исполнительным работником. Звали её Нелли Ивановна.

Нелли Ивановна с большой любовью относилась к моим стихам, и всегда радовалась выходу моих новых книжечек. На мой вопрос, как лучше подписать, отвечала:

– Дому Учёных.

А однажды, когда я принесла новую книжку «Удивительный цветок – белая ромашка», Нелли Ивановна воскликнула:

– Какая прелесть! Какое нежное оформление!

И на мой вопрос, как подписать, ответила:

– Подпишите мне!

Я взяла ручку, и тут же уточнила:

– А как пишется ваше имя? Через Е или через Э?

– Через Е, и две буквы Л. Нелли Ивановна. – Помолчала и добавила, взяв в руки подписанную книжку – а вообще-то я Нионелла Яновна.

– Да что вы? – изумилась я, – с таким именем у вас могла бы быть совсем другая жизнь!

– Да, – просто согласилась Нелли Ивановна, – но только в какую сторону она бы изменилась? В лучшую? В худшую? Кто знает!

Нелли Ивановна грустно улыбнулась. Да, – подумала я, – может быть, это красивое и сложное имя усложнило бы ей жизнь?

А возвращаясь к своему имени, хочу добавить.

Как-то я разговаривала по телефону с одной своей знакомой, которая наполовину грузинка, и она вдруг говорит:

– Светочка, а вы знаете, как звучит ваше имя по-грузински?

– Кажется, знаю, – но не успеваю произнести «Нателла», как слышу:

– Цицинателла.

– Что? Вы смеётесь?

– Нет, почему вы так думаете?

– А я вам не рассказывала о своих детских мечтах по поводу имени?

– Нет!

И я рассказала, мы посмеялись, а приятельница подвела итог:

– Так вас называли абсолютно правильно! Почти тем именем, которое так вам нравилось!

ПОЭЗИЯ

Евгений КАРУНИН

Евгений Александрович Карунин – родился в 1972 г. в Москве. Окончил филологический факультет МГОПУ имени М.А. Шолохова; кандидат педагогических наук, доцент. Член МГО Союза писателей России, автор поэтических сборников «Российские перезвоны» (1998 г.) и «Царство вечных небес» (2004 г.), а также историко-патриотических поэм «Сказание о Невской битве» (2008 г.) и «Куликово поле» (2011 г.). Поэма «Куликово поле» была отмечена дипломом «Лучшая книга 2008–2011».

Живёт в Москве.

«Небесный ангел с раненым крылом...»

Я верю, что вернуться журавли
Из дальних стран на русские просторы,
Я верю в воцарение Любви,
Я верю в прекращение раздоров.

Я верю, что есть вечная весна –
Она звучит как гимн в сердцах влюблённых!
Я верю в пробуждение ото сна
Властителей, богатством упоённых...

Я верю, что окончатся дожди,
Что есть лекарство от хандры и стресса.
Я верю, что правители-вожди
Ведут наш мир к заветному прогрессу!

Я верю в неземную красоту –
Она таится где-то во Вселенной...
И лишь не верю в смерть и пустоту,
Не верю в мир бесплодный и бесследный!

Я верю, что наступит светлый миг,
И трудная окончится дорога –
Из сердца навсегда уйдёт тревога
И я увижу в небе Божий Лик!..

Звёзды

В вечерний час на звёзды я смотрю:
Они, подобно людям, дети Божьи.
Средь них я души близких узнаю,
Когда бреду во тьме по бездорожью.

Известно, что дорога нелегка,
Когда царит повсюду мрак тревожный,
Но светят звёзды мне издалека,
И трудное становится возможным.

Я жив. Я счастлив. Я иду вперёд.
И пусть мне сумрак беды предвещает –
С надеждою смотрю на небосвод,
И души близких путь мой освещают...

Когда-нибудь пройду я путь земной
И упаду с молитвою пред Богом:
«О, помоги, Господь, мне стать звездой,
Чтоб освещать кому-нибудь дорогу!..»

Ангел-хранитель

Где ж ты, мой ангел-хранитель?..
Вновь над моей головой
Кружится бес-искуситель,
Манит, зовёт за собой.

К свету мне путь преграждает,
Сеет сомненья кругом
И без конца побуждает
Думать о грешном, плохом.

Чтобы я жил, не страдая,
Чтобы себя лишь любил,
Чтобы, добро презирая,
Совесть в себе я сгубил!

Царство богатства и славы
Он мне за это сулит –
Золота бурную лаву,
Замков заманчивый вид...

Как от добра отступиться?
Как мне про совесть забыть?
Как мне на это решиться?
Кто мне подскажет, как быть?!

Ангел мой, друг мой надёжный,
Силы мне дай обрести
И посреди бездорожья
К свету дорогу найти!

Полночь. Как душно! Не спится...
Снова стою пред окном –
В сумерках будто бы птица
Машет мне белым крылом...

Старый дуб

Столетний дуб, как богатырь,
Вознёсся к небу мощной кроной –
Свой дом нашли здесь нетопырь
И две крикливые вороны.

Чуть ниже – беличье дупло –
Амбар и тёплая квартира,
Ветрам и молниям назло
Уютно здесь. Здесь пахнет миром.

А у раскидистых корней,
Под кровом мягкой, мшистой сени,
Семейство из пяти ежей
Живёт без тягот и лишений.

Вознёсся к небу великан.
Всех обогрел он, всех приветил.
И я спросил: «Ты счастлив сам?» –
Но старый дуб мне не ответил...

Необычное увлечение

Люблю чинить я старые игрушки,
Вдыхать в них прежний смысл бытия.
Матросы, корабли, солдаты, пушки –
Без вас бы потускнела жизнь моя!
Хочу я серый быт разнообразить,
Добавить алой краски к февралю!
И вот сажусь я мастерить и красить:
Приклеиваю мачту к кораблю,
Копаясь в старой гоночной машине,
Чтоб не стонал, не ныл её мотор,
Чтоб к новым достижениям, вершинам
Она летела, словно метеор!

Залечиваю раны астронавтам,
 Столкнувшись со змеем неземным.
 Оружье чищу воинам-гигантам,
 Ведущим битву с демоном войны.
 Расписываю золотом карету,
 Чтоб Золушка поехала на бал,
 Настраиваю лиру для поэта
 И оттираю грязный самосвал!
 Люблю чинить я старые игрушки,
 Дарить их детям, радость не тая!
 Дворцы, машины, куклы, погремушки –
 Без вас бы не сложилась жизнь моя!

Не проходите мимо инвалида,
 Упавшего на скользкий тротуар!
 В его груди – безмолвная обида.
 В его глазах – угаснувший пожар...

Себя он не щадил, когда работал,
 Стремясь быть нужным Родине своей,
 Не зная, что судьбы водовороты
 Столкнут его с бездушием людей.

Ему б на руку чью-то опереться,
 Ему б поддержку рядом ощутить!
 В толпе один он... Грустно бьётся сердце,
 И всё трудней с душевной раной жить...

Так протяните ж руку инвалиду,
 Чтоб он, помолодев, с улыбкой встал,
 Чтоб он забыл про горькую обиду,
 Чтоб милосердней мир наш грешный стал!

Внимательней в глаза его взгляните,
 И взор его расскажет вам о том,
 Что не старик он – наших душ спаситель,
 Небесный ангел с раненым крылом...

По заснеженной ложбине
 Бродит девушка-весна –
 Вся в печали, вся в кручине:
 Заблудилась, зная, она...

Может быть, зима-колдунья
 Не даёт ей к нам прийти –
 В час лихого полнолуния
 Сбила бедную с пути?!

Кто дорогу ей укажет,
 Нежно за руку возьмёт,
 Слово ласковое скажет,
 К людям добрым приведёт?..

В тщетном поиске ответа
 В окна нечего глядеть!
 Если ждёшь тепла и света,
 Разве ж дома усидеть?!

Пусть мне дует ветер в спину,
 Снег с дождём идёт опять –
 По ухабам, по ложбинам
 Я бегу весну встречать!

Когда угаснет день мятежный,
 И стихнут птичьи голоса,
 Когда, устав от жизни грешной,
 Увидит сердце небеса,
 И месяц, странник остророгий,
 Взойдёт над сонною рекой,
 Пойму я: вот конец дороги!
 Пойму я, что пришёл домой...

ПОЭЗИЯ

Инеcса Ильина-Фёдорова – поэтесса, прозаик, актриса. Член Московской городской организации Союза писателей России и Академии Российской литературы. Окончила ГИТИС им. Луначарского. Автор книг поэзии и прозы: «И оживёт мой сон», «Маски», «Сны о Лемурии», «Сказки из бабушкиного сундука». Публикуется в газете «Московский литератор» МГО СП России; в журналах: «Великороссь», «Новые витражи», «Московский Парнас» и в других периодических изданиях. Лауреат и дипломант литературных конкурсов и премий. Награждена медалями: А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, И.А. Бунина, А.А. Ахматовой, А.А. Блока, «Родина мать зовёт». Кавалер ордена «Трудовая доблесть России».

Живёт в Москве.

Инеcса ИЛЬИНА-ФЕДОРОВА

«Ах, где тот сказочный край...»

Если ты...

Если ты себе не нужен,
То не нужен никому.
Если голос твой простужен,
Пой душой в своём доме.

Если ты один в темнице,
То зависит от тебя:
Можно сердцем веселиться,
Всю Вселенную любя.

Пусть ты в башне под замками
Замурован, хоть реви,
Серебром и жемчугами
Плен заполни изнутри,

И тогда твоя темница,
В светлой ауре души,
Станет маяком светиться
Для заблудших душ в глуши!

Omnia potest qui disere potest

(Всё могут, кто может учиться)

Я книгу Времени читаю
Под крики перелётных птиц.
И строки, листьями по краю,
Слетают с каменных страниц.

Недавно в парке пело лето:
Привольно лилии росли,
Алели ветки бересклета,
Фиалки весело цвели.

Но незаметно, небо в просинь,
С глазами цвета янтаря,
Явилась миру фея-Осень,
Кленовым пламенем горя.

Бросая золото на книгу,
Клён тихо Время растопил,
А листья танцевали жигу,
Взлетая из последних сил.

Тоска по Венеции

Прощай, Венеция-рай!
Я не забуду никогда,
Прощайте, гондолы, где
Звучат итальянские страсти.

Ах, где тот сказочный край,
Где сонно плещется вода,
Причал-вапоретто гостей
Встречает разной масти.

Мне никогда не забыть
Белых чаек Сан Марко,
В серой дымке рассветной
Санта Марии купола.

Я не смогу разлюбить
Мостов старинные арки,
И мой призыв безответный
Подхватят ввысь колокола.

Восхождение Луны

Иссиня-чёрный лес готовился ко сну.
Светлело небо, ожидая полночную Луну.
Желтела точка малая, и вдруг
Преобразилась в лунный полукруг.

Чтоб красотой небо не смущать,
Кисейный ореол пришлось ей взять.
Застыла плавно над вершиной ели,
Задумалась: «взойти, иль не взойти?»

Зажечься звёзды в небесах успели,
Пролился свет от Млечного Пути.
Луна, купаясь в дымке золотой,
Вопрос решала давний и простой.

Ей мало просто так по небу плыть,
Важней, не плыть, а «быть, или не быть».

ПРОЗА

Марат ВАЛЕЕВ

Рассказы

Классный роман

«Ваш сын шалит на уроках. Прошу повлиять на него! Классный руководитель (неразборчиво)».

«Ещё раз самым убедительным образом прошу: поговорите с Павлом! Ему грозит неудовлетворительная оценка по поведению за четверть. Классный руководитель (неразборчиво)».

«Нет, ну сколько я могу взывать к вашей совести, родители Павла Самохина? А ещё деловые люди! Жду кого-нибудь из вас завтра в школе к 18.00. Классный руководитель Е.М. Петровская, если забыли».

«Уважаемая Е.М. Петровская! Извините, что сразу не ответил вам – Павел прятал дневник. Сегодня совершенно случайно нашёл его (дневник) в стиральной машине. Беседу провёл, когда нашёл его (Павла) у соседей. Прийти в школу пока не могу, дела. Отец Павла (неразборчиво)».

«Уважаемый отец Павла! Благодарю вас за воспитательные меры, принятые к Павлу. Он больше не шалит на уроках, а только на переменах. Извините, а почему вы искали дневник Павла в стиральной машине? Классный руководитель Елена Марковна».

«Уважаемая Елена Марковна, я рад за Павла. Что касается стиральной машины, то я её использую по назначению. Отец Павла (Игорь Николаевич меня зовут, между прочим)».

«Уважаемый отец Павла Игорь! Насколько я поняла, вы сами занимаетесь стиркой. Но, по нашим данным, у Павла есть мама. Она-то чем у вас занята? Елена Марковна».

«Лена (можно, я пока буду вас так называть?), у вас устарелые данные. Мы с женой полгода уже как расстались. Как вам Павел?»

Марат Хасанович Валеев – родился в 1951 г. Рос и учился в целинном Казахстане. Окончил факультет журналистики КазГУ им. Аль-Фараби (г. Алма-Ата). Написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор свыше десятка сборников юмористических рассказов и фельетонов, прозы и публицистики. Автор публикаций во многих российских журналах и газетах. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси»-2008 (номинация юмор), Общества любителей русского слова (номинация проза, 2011), «Рождественская звезда-2011» (номинация проза), имени Виталия Бианки (2017). Член Союза российских писателей. Живёт в Красноярске.

«Игорёк, я рада за вас! Что вы делаете в это воскресенье? Может быть, встретимся, побеседуем об успехах Павла? Ленусик».

«Леночка, у нас с Павлом в это воскресенье генеральная уборка. Но если вы присоединитесь к нам, то мы возражать не будем. Игорёк».

«А почему бы и нет? Ленусик».

«Игорёк, Ленусик! Вы уж, пожалуйста, проводите эту вашу генеральную уборку сами! Я буду у бабушки. Да, и попрошу больше не грузить мой дневник своей перепиской, мало, что ли, других способов для общения? Ваш Павел Игоревич».

Суп, супчик, супец!..

С недавних пор я начал есть супы-пюре. Причём вынужденно. Это когда мы с женой бываем где-то на зарубежных курортах, и там в меню эти супы присутствуют. А других там просто нет. И вот стоит перед тобой тарелка жидкой однородной кашицы – сегодня она может быть оранжевого цвета, завтра зелёного, другой раз вообще не пойми какого, – и смеет называть себя супом!

Нет, на вкус вроде ничего, но – каша кашей, только жидкая. И вот хлебаешь этот кулинарный изыск, так как привык в обед есть горячий суп, хлебаешь и вспоминаешь «нашенские» замечательные первые блюда, к которым приучен с детства. И в которых, кстати, ты видишь всё, что ешь. И настоящие супы эти, исходящие парком и ароматом, согреют твою душу и тело в любую погоду. Особенно, конечно, промозглой холодной осенью и морозной зимой. Да и в прочие времена года от супа вряд ли кто откажется.

В русской кухне и в меню питания других российских народов большое разнообразие излюбленных супов, рецепты которых передаются из поколения в поколение, и кажется, что они были всегда. Да так оно и есть. Первые мясные бульоны появились ещё в древности, когда люди научились разводить огонь и варить на нём в выделанных шкурах, наполненных водой, мясо добытых зверей. Но это были ещё не супы.

Первые настоящие супы начали варить в древней Греции, преимущественно из фасоли, бобов, гороха. Потом к ним стали добавлять ингредиенты, пришедшие из Аравии и Азии.

Но самым серьёзным образом культивировать супы начали во Франции, и даже само слово «суп» имеет французское происхождение и в переводе означает «жидкое блюдо». К концу XV века в этой стране было придумано или разработано свыше 70 видов «жидких блюд», и они начали своё победное шествие по Европе. А уж оттуда рецептуру некоторых супов в Россию завёз Пётр Первый, как и само название этого блюда.

Конечно, и до Петра Первого на Руси были горячие жидкие блюда, назывались они похлёбкой, варевом, баландой, юшкой и т.д. и готовились преимущественно из различных круп. Но не будем забывать, что державный реформатор завёз в Россию и картофель (встреченный крестьянами вначале в штыхки, но, раскусив, что это такое, они же по праву стали называть эту культуру вторым хлебом), который очень разнообразил русскую кухню и стал основой практически всех супов.

Но хватит истории, давайте вернёмся в наши дни. Я люблю очень многие супы, но в память мне запали те, что готовила моя мама. Она умела классно готовить супы с лапшой (основа татарских горячих жидких блюд), причём самодельной, которую она виртуозно нарезала из слегка подсушенных, тонко раскатанных лепёшек из теста. Для бульона тут лучше всего подходила домашняя курица, и аромат от этого супа со сваренной в нём луковицей исходил такой, что, если ты был голоден, то у тебя начинала кружиться голова и непроизвольно текли слюнки.

Не хуже был мамин постный супчик и на основе затирухи – в кипящую воду, со сваренным мелко порезанным картофелем, она постепенно запускала скатанные между ладошек брусочки теста (клёчки). Затем в этот же бульон вбивала несколько сырых яиц, делала золотистую поджарку из лука и морковки и сдабривала ею свой суп, обильно посыпала его зеленью, и это ароматное и необычайно вкусное первое блюдо (на второе – сама отварная курица) поедался домочадцами с большим аппетитом.

Конечно же, я очень люблю и борщ, щи, рассольник, гороховый суп, уху. Причём, они обязательно должны быть горячими – не тёплыми, а ГОРЯЧИМИ, ну вот так приучен с детства. Но обожаю также и холодную окрошку – до такой степени, что мы можем приготовить её не обязательно только в летнюю жару, но даже и зимой. Ну вот захотелось, и всё тут! Не так давно освоил рецепт приготовления сырных супов с копчёностями, весьма кстати, вкусных.

Но больше всего, признаюсь, я люблю суп по-казахски. Приучил к нему и свою жену-славянку, и она время от времени просит его приготовить. Он необычайно вкусен и очень прост в приготовлении. Делюсь несложным рецептом.

Варите на медленном огне большой кусок говядины или баранины (обязательно с мозговой косточкой), ну так на килограмм.

Когда мясо начнёт сваливаться с кости, его можно вынуть шумовкой и оставить на блюде остывать. И в то же время кидаем в кипящий бульон бесбармачную лапшу (она сейчас продаётся свободно во многих супермаркетах и именно так и называется) – квадратиками примерно 5х7см.

Много её класть не надо, иначе, когда разварится, заполнит собой всю кастрюлю, но и мало тоже не дело, суп может оказаться жидковатым, ведь в нём, кроме лапши и мяса, ничего не будет. Не забудьте время от времени помешивать лапшу, иначе она может слипнуться.

А мясо-то, кстати, уже остыло, теперь его надо нарезать некрупными кусками и отправить в бульон, дать буквально с минутку провариться. В это же время суп можно посолить и поперчить. При подаче посыпать зеленью.

Уверяю вас, вы съедите эту тарелку супа, забыв правила этикета и с шумом прихлёбывая, а потом ещё попросите добавки.

Да, так что я хотел сказать всем этим? А, вот: суп – величайшее кулинарное изобретение человека, и каждый из них хорош по-своему: будь это непритязательная пшённая похлёбка, изысканный (на взгляд европейцев) суп-пюре или демократичный гороховый суп. Главное, чтобы его всегда было кому и из чего приготовить! Мир вашему дому, друзья, и приятного аппетита во время обеда с обязательным горячим первым.

Доктор по железу

Из армии на гражданку все возвращаются с какими-то специальностями. Меня в нижнетагильской стройбатовской учебке за полгода выучили на электросварщика, и оставшиеся до дембеля полтора года я варил всякую фигню на сугубо, и не очень, секретных военных объектах, и домой вернулся с корочкой сварного четвёртого разряда.

Такому спецу в родной деревне обрадовались. Нет, сварщик до меня здесь имелся, но самоучка, и всё, что он ни приваривал, через какое-то время отваливалось. Причём порой в самые неподходящие моменты: то на пахоте, то на сенокосе или там уборке зерновых.

Так что мне не дали отгулять даже мой положенный дембельский месяц, а потащили на работу ровно через пару недель после того, как я повесил свою шинель с чёрными погонами в сенях (потом у меня её выпросил завклубом – для художественной самодеятельности).

Я бы, может, с удовольствием погулял и подольше, но как назло, бригадир тракторной бригады жил с нами по соседству, у нас даже забор был общим. И Палычу ничего не стоило заглядывать к нам на дню по два-три раза, чтобы справиться о моём самочувствии. Захаживал и управляющий, всё по тому же вопросу.

И вот когда они убедились, что всего через неделю я бросил квасить, а уже вовсю вкальваю дома по хозяйству (дрова там пилю, в сарае убираюсь), а вечерами трезвый прихожу в клуб, снова надавили на мать с отцом, и те сказали мне:

– Всё, сынок, иди завтра в контору, а то Палыч у нас уже в печёнках сидит.

Ладно, пошёл. Управляющий заставил меня написать заявление о приёме на работу, в тот же день меня свозили на центральную усадьбу на инструктаж по технике безопасности, где я и ещё трое или четверо сварных подремали на нудной часовой лекции инженера по ТБ, расписались в подsunутом журнале и разъехались по домам.

А на следующий день приунывший местный сварной (он же киномеханик по основной работе) сдал мне свои дела. Так на руках у меня оказались: сварочный цех в ремонтной мастерской со стационарным, выдавшим виды трансформатором, маска с треснувшим защитным стеклом, заляпанным брызгами расплавленного металла, килограммов десять разнокалиберных электродов, развешанные на стене низковольтные кабеля с «держакон» и крюком заземления. А ещё и передвижной сварочный аппарат (САК) в агрегате с колёсным трактором «Беларусь». И самое для меня неожиданное – газосварочный аппарат, работающий на ацетилене (карбиде) и кислороде. Газосварке я обучен не был, но из рассказов бывалых сварных знал, что и ацетиленовые, и кислородные баллоны порой взрываются. Почему я и посмотрел на прислонённые к стене парочку синих таких баллонов с опаской.

– Фигня, научись! – злорадно сказал киномеханик, пиная сапогом пустой, с засохшими белыми потёками карбида, ацетиленовый аппарат. – Я же научился.

И, фальшиво что-то насвистывая, ушёл из мастерской. Навсегда. В свою киномеханскую будку. С тех пор Гриша (фамилию его не называю, мужик ещё живее все живых и сегодня) невзлюбил меня. Потому как получалось, что я, хоть и не специально, оторвал от его семейного бюджета дополнительные

90-120 рублей – больше сварному в тракторной бригаде тогда не платили, хотя на нём и висело целых три аппарата.

Забегая наперёд, скажу, что я, как и мой предшественник Гриша, ежемесячно сам закрывал себе наряды. Вооружался справочником ЕНИР (единые нормы и расценки) и, сопя и пыхтя, азартно выколупывал оттуда подходящие или похожие на то, что я сделал за минувший месяц, работы, и «рисовал» себе зарплату. Но расценки были такие дешёвые, что количество сделанных стыков и швов приходилось завьшшать вдвое-втрое. Однако нормировщики на центральной усадьбе прекрасно знали средние объёмы по всем тракторным бригадам и нещадно резали эти фуфловые наряды. До сих пор не понимаю, зачем меня надо было держать на сдельщине, когда куда проще было и для меня, и для бухгалтерских мудрил вести расчёты по часовой оплате. Но нет – каждый месяц с меня требовали наряды, и я уже по какому разу «переваривал» на бумаге различные конструкции. И если бы они однажды вдруг материализовались, деревенька моя вся оказалась бы под гигантским куполом, сооружённым мной из арматуры, уголков, тавровых и двутавровых балок.

На самом деле работы у меня было не так чтобы уж много, но и без дела я сидел редко. То меня везли с моим САКом в бычарню, и я торчал там целую неделю, сваривая с помогающим мне в роли слесаря дядей Лёней Тарелко индивидуальные металлические клетки для большущих и страховидных племенных быков. Те загородки, что были до меня, бычары эти своими огромными мускулистыми задами и крутыми рогами разнесли в пух и прах. Мы же с дядей Лёней (он вымерял и рубил в кузнице заготовки для клеток) смастерили такие прочные загоны для почти тонных быков, что они под напором огромной силы лишь кое-где выгибались.

Закончив работу здесь, я перебирался в мастерскую – там начинался ремонт сельхозтехники к предстоящим весенним полевым работам. И трактористы тащили мне всякие лопнувшие и треснувшие детали, и я добросовестно заливал эти трещины аккуратными двух-трёхслойными швами – чтобы было с запасом прочности. Однажды даже заварил трещину в чугунной головке блока двигателя МТЗ. Специальных электродов у меня не было, но я плотно наматывал на обычные МР-3 медную проволоку, она вместе с железным сердечником и плавящимся чугуном образовывала пластичный шов, который при остывании не лопался, и заваренное таким образом проблемное место в чугунном корпусе могло ещё неплохо послужить.

Когда основной работы не было, брался за ожидающиеся своей очереди заказы односельчан. Чего они только не несли мне! И лопнувшие топоры, и сломанные тяпки, и развалившиеся детские санки, треснувшие рамы велосипедов и мотоциклов, прохудившиеся железные бочки... Когда возвращал отремонтированную вещь, в благодарность совали мятые рубли, трёшки. Смущался и не брал. Тогда волокли «пузырь». А вот это совсем другое дело – выпить с благодарным заказчиком было никак не зазорно! Хотя и вредно – пьяным я уже варить так чётко, как обычно, не мог, рука не слушалась.

Фу ты, что-то я заболтался! А всё потому, что любил сварное дело. Очень мне нравилось выделывать с железом всё, что хочу. Нет красивее зрелища, чем видеть через тёмный светофильтр фибровой маски, как под шипящей дугой электрода сталь плавится и формируется сначала в белый, почти прозрачный, затем на глазах желтеющий и покрывающийся тёмной

окалиной валик остывающего стального шва. Я настолько проникся своей профессией (ещё с армии), что при виде любых, тесно стоящих или лежащих металлических уголков, балок, прутьев прикидывал, как лучше заварить тот или этот стык. А в деревне меня стали называть не иначе как «доктор по железу».

Но это я с электросваркой был на «ты». А был у меня на вооружении ещё, как вы помните, и газосварочный аппарат, в котором я был поначалу ни бельмеса. Да у меня, собственно, и разрешения (допуска) к работе на нём не было. Просто вот так вот отдали и сказали: вари, раз ты сварщик. И мало кого волновало, что электросварщик и газосварщик – это не одно и то же. А на газосварщика вообще надо учиться как в техникуме – целых три, а то и четыре года (это тогда, в 70-е, сейчас сколько – не знаю).

Впрочем, я и не стал брыкаться. Подумал: а, ладно, освою! Я раздобыл специальное пособие и по нему изучил принцип работы с газом и кислородом. Опасная, доложу я вам, это штука. Кислородный баллон лучше не трогать замасленной рукавицей – если вентиль неплотно завёрнут, может рвануть. Грохнуть неслабо может и ацетиленовый аппарат, если в специальный предохранитель не залить водички. И ещё куча всяких других предостережений.

Короче, я старался по возможности обходить стороной этот чёртов агрегат, и даже почти жестяной листовой материал приспособился варить электросваркой тоненькими электродиками – двойкой. Но когда приходилось много резать, использовать электроды для этой цели было крайне расточительно. И тогда я, что называется, помолясь, брался за резак.

Ну, не нравилась мне газосварка, хоть ты лопни. И вонь карбида терпеть не мог, и вздрагивал каждый раз при обратном «хлопке» (это когда искра из горелки вдруг стремительно улетала по шлангу обратно, к аппарату, и гасла лишь в предохранителе). Тем не менее, пересиливая себя, я отважно резал и сваривал металл ацетиленом, если это было крайне необходимо.

И вот что случилось буквально на второй или третий день после того, как я, с грехом пополам освоив теорию газосварки (признаюсь: ненавижу любую техническую литературу. Меня сразу клонит в сон, когда я начинаю читать любую инструкцию), взялся закреплять её на практике. Надо было разрезать большой пук толстенных арматурин на равные куски.

Ацетиленовый аппарат стоял у меня в помещении сварочного поста, а кислородный баллон лежал снаружи под стеной, шланг от него был протянут через окно. Я заправил аппарат дозой карбида, завинтил герметичную крышку, стрелка датчика давления дрогнула и поползла кверху. Газ (ацетилен) появился! Теперь дело за кислородом.

Сбежал на улицу, открыл вентиль кислородного баллона. Чёрный резиновый шланг, уползающий в окно мастерской, дрогнул и даже немного натужился. Так, и тут порядок! Эге, да я ещё тот мастер! Всё у меня получается как надо! И я, насвистывая, независимой рабочей походкой вернулся в мастерскую.

Здесь, в основном зале, стояли на ремонте пара полураскиданных гусеничных дэтешек (мотор одного из них висел на цепях тали) и один скособоившийся из-за снятого заднего колеса МТЗ-50. Мужики колдовали у техники, позвякивая гаечными ключами и негромко переговариваясь.

Я прошёл в свой сварочный цех, мелом разметил места разрезов на арматуре, от спички зажёл небольшую струйку газа, выбивающуюся из резака,

потом добавил кислорода, снова повернул газа, опять – кислорода. И когда из сопла резака стала с громким шипением выбиваться длинная и почти белая от накала кинжальная струя огня, направил её острый конец на край намеченного разреза. Несколько секунд – и арматурина нагрелась и «заплакала» расплавленным металлом.

Я ещё добавил кислорода, он со свистом стал выдувать этот жидкий металл, ударяющийся о закопчённую стену цеха и жёлтыми звездами рассыпавшийся по земляному полу. Искры летели мне и за неплотно расстёгнутый ворот робы, залетали и за голенища сапог, прилипали к стёклам очков, но я, весь охваченный восторгом своего успешного единоборства с металлом, ничего вокруг не замечал. А отрезал очередной прут и двигался дальше, подтягивая за собой шланги, отрезал и двигался. Эх, да мне бы сейчас и сам Гефест позавидовал, увидь он, как ловко я управляюсь с огнём и металлом!

Но длился этот трудовой экстаз недолго. Внезапно я услышал за спиной сильный хлопок и последовавшее за ним яростное шипенье и глухие удары и шлепки. Я оглянулся, ничего не понимая, и остолбенел. Примерно в паре метров от резака кислородный шланг перервало пополам! И тот конец шланга, который тянулся из окна от баллона, с разбойничьим свистом и шипением, как живой, мотался под давлением кислорода по мастерской, испуская снопы пламени и искр и хлеща направо и налево, что попадалось ему на пути: по стенам, потолку, разлетающимся в стороны кускам арматуры на земляном полу.

Я сразу же понял, что произошло. Разрезав арматуру, я шагнул дальше и тащил за собой шланги. И не обратил внимания, что однажды он улёгся точнёхонько на ещё красное, неостывшее место разреза, и перегорел. А вырвавшийся наружу через дыру кислород раздул этот огонь и довершил дело до конца, окончательно разорвав шланг. И он стал вертеться по цеху под давлением, разгораясь всё больше.

Вот этот чёрный огнедышащий змей уже летит и в мою сторону. Я резко нагнулся, накрыв голову руками, и кинулся к выходу. Но конец шланга всё же настиг меня в дверях и наотмашь хлестнул по горбу.

Я выскочил в ремонтный зал мастерской в снопе искр и в облаке дыма, как чудом вырвавшийся из преисподней грешник, а в дверном проёме за моей спиной с шипеньем мотался злобный, плюющийся огнём шланг, пытаюсь ещё раз достать меня.

Все, кто был в мастерской (а было там человек шесть, не считая тех, кто торчал в это время в курилке и резался в домино), бросили свои дела и с испугом уставились на меня.

У меня же в голове в это время была одна доминанта: надо всех спасти! Я же бросил работающий резак, а его, может, уже прибило к ацетиленовому аппарату. Кроме того, может рвануть и кислородный баллон. Короче, караул!

– Мужики-и! – заорал я. – Все на улицу! Щас рванёт, на фиг!

Мужиков долго уговаривать не пришлось. Лучшим подтверждением моей угрозы был видшевшийся через открытую дверь сварочного цеха беспорядочно мечущийся там шланг, из горящего конца которого, как из сопла, с шипением вырывались струи пламени.

Ближе всех к небольшой двери, вделанной в глухие ворота для заезда техники, оказались грузный тракторист дядя Паша Горн и худенький мастер-наладчик дядя Витя Бондаренко. Они-то и ринулись первыми спасать свои жизни. Но, вбив свои тела в узкий дверной проём одновременно, наглухо

застряли в нём и отрезали путь к отступлению остальным, в том числе и мне. А жить, братцы, очень хотелось! И я кинулся отдирать засовы, чтобы распахнуть сами ворота. Мне помогал, судорожно пыхтя, мой сосед Вася Чобану. Но засовы, непонятно, каким образом, заело, и ворота не хотели распахиваться. И тогда Вася, имевший крепкую комплекцию, отбежал назад и, выставив вперёд плечо, бросился на закупоривших дверь и жутко матерящихся от страха Горна и Бондаренко. Он вышиб их с одного удара, как лихой гуляка пробку из бутылки, и путь к спасению был открыт.

Все мужики высыпали из мастерской наружу и, отбежав от неё на всякий случай ещё метров с десятков, стали ждать, когда же, наконец, рванёт.

– Ну ты, блин, учудил! – гудел мне в ухо Вася Чобану. – А если мастерская развалится, где мы будем тракторы чинить?

– А пусть развалится, – сипел мне в другое ухо дядя Витя Бондаренко. – Можя, тогда совхоз новую построит. А это же сарай, а не мастерская...

Я уныло кивал им обоим, проворачивая в уме последствия надвигающейся катастрофы. Ландо, если просто уволят. А если заставят выплачивать ущерб? Это ж какие деньжищи?

– Ну, и чего вы тут столпились?

Это нас всех вместе спросил только что подъехавший на бортовом ГАЗ-51 вернувшийся с центральной усадьбы с запчастями наш механик Пётр Тимофеевич Маскаев. Он был старше меня всего лет на десять, но выглядел и вёл себя так, будто ему все пятьдесят. И ещё этот человек всё умел и знал. Ко мне Пётр Тимофеевич сначала относился настороженно. Особенно после того, как я, осваивая езду на тракторе МТЗ с САКом в прицепе, перепутал педаль тормоза с газом и наехал во дворе ремонтной мастерской на только что отремонтированную сеялку, погнув её во всевозможных местах. Но когда со временем увидел, какой я такой весь из себя старательный как сварщик, почти зауважал.

– Вон у своего сварного спроси, – тут же мстительно съябедничал дядя Паша Горн, потирая ушибленный Васей Чобану бок.

– Ну? – уставился на меня своими серыми холодными глазами механик.

Спотыкаясь, я как можно короче изложил суть проблемы. Механик хмыкнул и, мотнув головой (дескать, дуй за мной), быстро пошёл туда, где под стеной мастерской лежал кислородный баллон. В моём цеху было два застеклённых окна. Теперь стёкол не осталось ни в одном – все были выбиты разбушевавшимся концом оборванного шланга. Он и сейчас продолжал хлестать по стенам помещения, разбрызгивая огненные искры. Само помещение цеха не загорелось только потому, что было выложено из саманных кирпичей.

Пётр Тимофеевич подбежал к кислородному баллону и... завинтил вентиль подачи кислорода. Шланг там, за стеной, что-то ещё прошипел недовольно и безвольно опал, выдыхая из своего опалённого обрубка остатки искр и дыма.

– Сам-то чё, не догадался? – буркнул мне механик. – Такой переполох устроил, понимаешь ли. Иди давай, устраняй последствия.

Сказать, что я был сконфужен, значит, ничего не сказать. Я был раздавлен. И, пряча глаза от механизаторов, натягивающих на свои, только что бывшими испуганными и растерянными рожки ехидные и насмешливые маски, рванул в цех.

Там жутко воняло горелой резиной и карбидом. Но как раз наступило время обеденного перерыва, все мужики ушли по домам подкрепиться, щедро

насовав мне по пути всяческих приятных пожеланий. А я остался на работе и устроил в мастерской грандиозный сквозняк, распахнув настежь все ворота и двери, какие только были. Этот мартовский весенний день как по заказу выдался очень ветреным, и уже через полчаса вонь выветрилась.

Разбитые стёкла в окнах мне заменил наш плотник Яков Панкратыч, которому я недавно сварил металлические ворота для его двора за символическую плату – литр водки. Ну а с порванным кислородным шлангом разобрался сам – выкинул тот кусок, который оставался на резаке, заново насадив на него шестиметровый остаток. Правда, для симметрии пришлось укорачивать и шланг от ацетиленового баллона, но на такую мелочь можно было и не обращать внимания. Главное, что никто не взорвался, ничто не рухнуло и никого не угробило. И с работы меня не турнули.

Правда, вскоре я сам с неё ушёл. Меня взяли в штат нашей районной газеты, куда я после армии начал пописывать заметки и рассказы. Но перед этим...

На полевом стане (была уборка) ко мне подъехал мой одноклассник Коляка Кубышев, тоже недавно вернувшийся из армии и работавший шофёром. Он попросил нагреть некоторые гайки крепления на паре колёс его грузовика. Коляну дали новую резину на замену уже практически лысой, но он никак не мог снять колёса для разбортирования, потому что гайки на них намертво приржавели к болтам. А вот эта хитрость – нагревание проблемных мест газовой горелкой, – очень хорошо помогала в таких ситуациях. Гайки расширялись и легко потом отвинчивались.

– Ну, пошли, – сказал я Коляну, и направился к стоящему под навесом уже несколько дней без дела газосварочному аппарату. Туда же Колян подогнал и свой «газик». Я сыпнул в аппарат карбид, налил воды. Пока менял резак на горелку, аппарат уже выдал ацетилен. И процесс пошёл.

Я прогрел две неподдающиеся гайки с одной стороны грузовика, Колян их тут же сноровисто отвинтил накидным ключом. Подтащив шланги на другую сторону машины, я стал спичками «прикуривать» потухшую горелку. И вдруг услышал знакомый негромкий хлопок – это сработала обратная искра. Я ещё не успел вспомнить, залил ли воду в предохранитель, как с той стороны грузовика, где остался аппарат, раздался оглушительный взрыв.

«Ага! – подумал я. – Забыл-таки...»

Одновременно с этим снизошедшим на меня озарением кто-то со страшной силой вырвал у меня из руки латунную горелку, и она, сверкая на солнце, унеслась вверх вслед за шлангами. А те, в свою очередь, потянулись за взмывшим в синюю небесную высь цилиндром ацетиленового аппарата, из дна которого валил чёрный густой дым.

Он взлетел, в общем-то, невысоко – метров, может быть, на двадцать-двадцать пять. И, лениво кувыркнувшись там пару раз и обмотав себя чёрными шлангами, полетел обратно вниз. Прямо на нас с Коляном. Мы с ним стояли в это время у машины, задрав головы и разинув рты. И едва успели отскочить в разные стороны, как аппарат с грохотом свалился прямо в кузов. Послышался треск досок.

– Ууууу! – проныл Колян. – Он мне кузов проломил!

Да ну, кузов. Всего-то пару досок, которые Колян потом заменил за каких-нибудь полчаса. А вот у аппарата оказалось напрочь вырванным днище, так что пришлось его выкидывать.

И опять я отделался лёгким испугом. Наверное, всё по тому же объективному случаю – в штате тракторной бригады я продолжал числиться как

электросварщик, а никак не газосварщик. Так что официально мне претензий предъявить было нельзя. А кроме того, в резерве у бригады был ещё один газосварочный аппарат, правда, более громоздкий и устаревшей конструкции.

Но возрождал его к жизни уже не я, так как буквально той же осенью променял электрододержатель на авторучку корреспондента районной газеты. Но это уже, как говорится, совсем другая история...

Чуть не убили

Наверное, каждый из нас хоть раз в своей жизни да произнёс эти слова, чудом выскочив из ситуации, угрожавшей жизни. Сам я недавно отметил круглый юбилей, оглянулся на прожитое, вспомнил кое-что и с запоздалым ужасом подумал: а ведь я запросто мог не дожить до этого своего юбилея. Как, кстати, уже половина моих одноклассников, рано ушедших из жизни большей частью не по своей воле.

Сейчас я понимаю, что за прошедшие годы смертушка не раз и не два обдала меня своим ледяным дыханием, но в последний момент нашлось, видимо, кому заступиться, почему я и могу сегодня писать эти строки.

Самый первый такой случай настиг меня в таком возрасте, что сам-то я об этом решительно ничего не помню. Но о том происшествии частенько вспоминала моя мама и каждый раз костерила отца и благодарила Бога, что оставил меня, её первенца, в живых. А произошло вот что. Мне было всего три или четыре месяца, я ещё даже и не сидел (ну, ну – как вам не стыдно, друзья: на пятой точке!). Отец очень любил меня тетешкать – то есть как бы подбрасывать на руках. И вот в один из таких приступов отцовской нежности ему пришло в голову поднести меня к натянутой через всю кухню бельевой верёвке, а я как будто только ждал этого и уцепился за неё обеими руками.

Отец потянул меня от неё – я не выпускал верёвки. Тогда батя приспустил руки, на которых я у него сидел, вниз – я не отцеплялся.

– Вот зараза, какой цепкий! – пробормотал мой папашка. – А так?

И на мгновение убрал от меня руки. Я висел!

– Мать, смотри: висит! – восхищённо заорал отец, повернув голову к накрывающей стол матери. На это у него ушла секунда. Может, две. Но их хватило, чтобы я почувствовал себя уставшим («что я вам, акробат, что ли?»), и разжал пальцы. Батя обернулся на глухой стук. И нашу хату огласил тройной рёв: мой, отца и матери.

Потом я затих и посинел. Ещё бы: практически грудной младенец грохнулся на пол почти с двухметровой высоты. Меня, видимо, спас половичок. Он был хоть и не толстый, но не дал расколоться моей черепушке. И удивительно – я оклемался!

Потом жизнь моя протекала вроде бы без особых происшествий. Но затем два раза подряд я вновь оказывался на грани жизни и смерти. Первый раз – это когда тринадцатилетним пацаном решил переплыть Иртыш.

Он у моей деревни не особенно широкий, может быть, метров триста-четырёхста. Но течение у Иртыша достаточно сильное, и с учётом того, что тебя во время заплыва сносит далеко, приходится в общей сложности преодолевать не меньше километра. Для взрослого это, может быть, и пустяк (хотя не для каждого – нужно всё-таки иметь хорошие навыки в плавании, чтобы преодолеть столь серьёзную реку), а для пацана такой заплыв – большое

испытание.

Я сначала долго тренировался на другом водоёме – нешироком пойменном озере Долгое, переплыв его несколько раз подряд без роздыху. И потому в один прекрасный июльский день на ту сторону, уже Иртыша, я переплыл без особых проблем, «на махах». Когда уставал, плыл боком, на спине, «солдатиком». Но долго отдыхать было нельзя – течение могло снести меня чёрт знает куда. Я и так уже не видел пацанов, с кем пришёл на рыбалку в тот день и кто стал свидетелем моего героического заплыва – меня снесло за поворот.

Спустя минут сорок я всё же нащупал ногами илистое дно и на цыпочках, пока ещё по горло в воде, пошёл к пустынному берегу, заросшему в десятке метров от песчаной полосы тальником и шиповником.

Когда выбрался на сушу, у меня от слабости дрожали ноги, от холода прыгали губы, хотя день был жарким. Я упал на горячий песок и неподвижно лежал минут двадцать, отогреваясь и набираясь новых сил для возвращения назад. Меня кусали комары, жалили оводы, но сил отбиваться от них почти не было. И я с отчаянием и страхом думал: а как же я вернусь обратно, если не могу пошевелить ни рукой, ни ногой? Они у меня стали как ватные.

Переплыть с кем-нибудь реку обратно на попутной лодке и думать было нечего – на этой стороне Иртыша поселений поблизости не было. Во-вторых, это бы означало, что я таки сдрейфил и не одолел Иртыша, который к названному мной возрасту считал своим долгом переплыть всякий уважающий себя «чебак» – так называли коренных обитателей моей деревни, потомственных прииртышских казаков. Я не был потомственным казаком, но и меня «до кучи называли» чебаком. А что за чебак, боящийся реки?

И я лежал и лежал под тихий шелест лениво набегающих на берег волн, под негромкий шорох шевелящихся на ветерке тальниковых зарослей, щебетанье скачущих по их ветвям каких-то пичужек. И набирался новых сил.

В конце концов я почувствовал себя вполне сносно, помню ещё, что жутко захотел при этом есть, вскочил на ноги и сначала пошёл, а потом и побежал по берегу вверх по реке, шлёпая босыми подошвами по влажному песку.

Обогнув поворот реки и завидев на той стороне, под высоким крутояром, одинокие фигурки пацанов, замахавших мне кто руками, кто удилицем, я глухо вдохнул и пошёл в жёлто-зелёную и тёплую у берега иртышскую воду.

Когда воды стало по грудь, я поплыл. Течение снова стало сносить за поворот. Я был уже на середине реки, когда силы стали покидать меня. И я лёг на спину и стал отдыхать, отрешённо уставившись в знойное бледно-голубое небо с редкими облачками на нём. Болели обожжённые на солнце плечи, яркое солнце слепило глаза. Хотелось спать.

И тут в погруженных в воду ушах послышался какой-то негромкий зудящий звук. Он быстро приближался и превращался в знакомый гул. «Ракета»! Как же я позабыл про неё. Как раз в это обеденное время, в два пополудни – часы можно было сверять, – этот скоростной пассажирский теплоход на подводных крыльях шёл мимо нас из Омска на Павлодар. Скорость у «Ракеты» – дай боже, спокойно выжимает 60. Не успеешь оглянуться, а она с рёвом пролетает мимо, и если не успел убрать удочки, червей и улов, то огромными волнами всё смывает в реку. Лови их там потом!

А ещё мы любили, заслышав гул «Ракеты», заранее заплывь подальше от берега, чтобы покачаться на оставляемых ею высоких волнах. Но сейчас был не тот случай, чтобы радоваться появлению «Ракеты»: она неслась прямо на меня. Солнце светило капитану в глаза, и он вряд ли видел мою дурную

башку, одиноко пляшущую среди мелких барашков бликующих волн.

Я бестолково заметался на воде, стал махать руками и, захлёбываясь, что-то орать изо всех сил. Бесплезно! Белоснежная «Ракета», горделиво задрал острый нос и опираясь на широко расставленные стойки подводных крыльев, по-прежнему летела на меня, угрожающе увеличиваясь в размерах. Я изо всех сил стал грести к своему берегу. Но чёртова «Ракета» тоже заворачивала туда же. Я, задыхаясь, развернулся и поплыл в обратную сторону. А «Ракета» – вот она, рукой подать. Сейчас наскочит на меня, всего изломает, перемолотит...

Мне оставалось только одно. Я глубоко вдохнул, перевернулся головой вниз и, ударив ногами по воде, нырнул с ускорением. Под водой в то время я мог продержаться полторы минуты – засекал. В речной толще стоял такой страшный грохот от проносящегося надо мной судна, что я испугался за барабанные перепонки – думал, они лопнут.

Вынырнул, практически теряя сознание. И увидел корму «Ракеты» метрах в пяти-семи от себя, оставляющую в воде глубокую продавленную траншею, увидел и несколько сидящих на корме стремительно удаляющегося теплохода пассажиров, и открытый рот какой-то девчонки с развевающимися на ветру волосами, с изумлением смотрящую на меня и теребящую за руку мужчину – видимо, отца.

А главное – я вновь увидел и почувствовал нещадно наяривающее июльское солнце и противоположный родной высокий, издырявленный норками стрижей берег, то открывающийся, то вновь скрывающийся за высокими волнами, вызванными «Ракетой». Я жив! Я перехитрил эту стальную махину, чуть было не раздавившую меня. А ведь вот что могло случиться: буквально в метре от меня вдруг всплыл отчаянно загребаящий грудными плавниками разрубленный пополам винтом «Ракеты» огромный, килограмма на три, язь с опущенной вниз головой и обнажённым, кровоточащим местом переруба с торчащей из него белой тряпочкой спущенного пузыря. От язя осталась половина, и он, не понимая, что же с ним такое, отчаянно пытался уйти вглубь, но у него ничего не получалось.

И уже не получится: сейчас, как только я отплыву подальше, его с воды подберут или патрулирующий водную гладь Иртыша мартын, или плавающий высоко в небе зоркий коршун. Прощай, язь! Очень жаль, что тебе не повезло. А я поплыл домой! И минут через двадцать я был уже на берегу и рассказывал недоверчиво тарачившимся на меня пацанам, как только что чуть не сшиб «Ракету»...

Или вот тоже занятный случай. Нас, нескольких подростков, достигших четырнадцатилетия, возили в райцентр принимать в комсомол. Кто вступал, тот знает: в своё время это был знаковый момент в жизни каждого советского гражданина. Ну как же – тебя принимают в резерв партии! Там, глядишь, и в самую КПСС со временем вступишь, и перед тобой откроются все дороги в светлое будущее!

В райкоме всё прошло нормально, хотя и тряслись под дверью, ожидая вызова на собеседование: а вдруг что-нибудь спросят не то, что ты заучил, и всё, прощай, комсомол!..

Но нет, спросили какую-то фигню из устава, и я эту фигню, хоть и с запинками, но рассказал. Рассказали и остальные вступающие, и затем мы, радостно гомоня, погрузились в дожидаящуюся нас машину. А ехать надо было 25 километров в открытом кузове грузового ГАЗ-51, правда, оборудованном

деревянными лавками.

Но лавок на всех комсомольцев не хватило: пока мы канителились в райкоме, все козырные места позанимали возвращающиеся домой из разных присутственных мест наши взрослые односельчане. Так что я и ещё пара пацанов ехали, сидя в конце кузова на запасном колесе.

Проехать по шоссе с ветерком 25 километров майским тёплым днём – сущий пустяк. Но наш совхозный водила Колька Т. почему-то поехал не по шоссе, а глубоко в объезд, по ухабистой грунтовке. А летел с такой же скоростью, как по шоссе, под женский визг и гогот мужиков. Меня поначалу тоже забавляли эти скачки на упругом колесе. Но когда я пару раз чуть не вылетел за борт, я озабочился тем, как бы перебраться поближе к кабине, где трясёт все же поменьше.

Но не успел. На каком-то очередном ухабе машину так подбросило, что запаска взлетела высоко вверх вместе со своими седоками. Я увидел вдалеке берёзовый колок, прячущийся за ним казахский аул Енбекжол и выпученные глаза грузного тракториста дяди Саша Горна, уцепившегося за борт машины побелевшими пальцами с той стороны – вылетел из кузова, чудом успел ухватиться за борт и сейчас пытался вскарабкаться обратно или хотя бы удержаться до остановки машины. А потом я упал на дно кузова и следом на меня обрушился страшный удар, от которого я провалился куда-то в темноту.

Очнулся я уже дома, на кровати. Около меня хлопотала наша участковая фельдшерница и плакала рядом мама. Оказывается, меня в чувство в кузове привести не удалось, возвращаться в райцентр было уже далеко, и меня вот так, в бессознательном состоянии, привезли домой и срочно вызвали фельдшерницу.

У меня страшно болела голова и горело лицо. Тем не менее, мне жутко повезло: подлетевшее сверху запасное колесо обрушилось мне не прямоком на голову, а ударило вскользь, по скуле. Сантиметров пять левее – и меня бы точно убило. А так – одним комсомольцем всё же стало больше. Но и одним водителем меньше. У Кольки Т. навсегда отняли права. Выяснилось, что он в тот день крепко употребил в райцентре, и потому повёз нас обратно просёлочной дорогой, а не по шоссе. Это был не первый его прокол, почему он и лишился профессии. И вот что странно: он потом ещё долго дулся на меня, будто я нарочно лёг под брошенную им в кузов машины запаску.

Ну и напоследок ещё одна история, в которой чуть не загнулись сразу два человека: я и шофёр редакционной машины. Причём самым страшным образом. Я в то время уже работал в нашей районной газете, куда был принят после возвращения из армии (писал туда кое-что, им понравилось, вот и пригласили). Как-то на редакционном «Москвиче» отправился по заданию редактора за материалом в ближайший совхоз. В машине нас было двое – я и водитель Ермек.

И вот на выезде из райцентра нам наперерез, под прямым углом, по грунтовке устремляется трактор «Беларусь» с навешенным стогометателем. Мы едем по главной, ежу ясно, что этот механизатор с огромными блестящими «вилами» стогометателя должен нас пропустить. И Ермек едет себе, что-то мне рассказывая и не обращая внимания на трактор. А тот, то ли пьяный, то ли рассчитывая, что успеет нас пропустить, не спеша съезжает вначале в кювет, потом поднимается на насыпь шоссе, чтобы пересечь его. И в это же время на его пути оказывается наш «Москвич».

Я курил в открытое окно, и смотрел перед собой, рассеянно слушая трёп Ермека. И вдруг что-то сверкнуло у меня перед глазами, и в салон машины

влетел крайний зубец стогометателя. Он скользнул по моей груди, прошёл под подбородком Ермека и воткнулся в верхний угол кабины над дверью, с треском порвав жель.

По тормозам одновременно ударили и Ермек, и тракторист. Вот так мы и замерли на месте: трактор и практически повисший на зубце его мирного вроде, но в некоторых ситуациях очень страшного агрегата, наш бедный «Москвичок». И мы в нём, не скажу в каких штанах.

Потом тракторист, кстати, тоже, как и Ермек, казах, бывший смуглым, а ставший пепельно серым, вылез из кабины МТЗ и стал орать: «Куда вы прётё?». Мы тоже хотели вылезти и надавать по соплям этому наглецу, но нам мешал зубец стогометателя, проткнувшего нашу машину и самым чудесным образом пощадившего нас. И мы, в свою очередь, орал из машины на тракториста: «Сдай назад, козёл!». И ещё не осознавали, что только что были на волосок от гибели.

Что было дальше, спросите вы? Оказалось, что Ермек и этот чудик с вилами – дальние родственники. В общем, потом разошлись краями. Машину починили в два дня в «Казсельхозтехнике», где у этого лихого тракториста были родственники, и она стала даже лучше прежней. И эти два дня мы бешбармачили у родича Ермека, чуть не убившего нас. Так нам был возмещён и материальный, и моральный ущерб...

Так что жизнь человеческая – она всегда висит на волоске. Одному Богу, наверное, известно, когда и как она оборвётся. И лучше жить, не думая об этом. Хотя при этом не мешает всё же самому не лезть на рожон. Или я не прав?

Самое ОНО

В пятницу Валентина позвонила Пятайкину на работу и попросила по пути домой зайти в аптеку и купить какой-то чепухи – то ли от кашля, то ли от головной боли. Григорий прикинул: если взять на вечер не шесть, а три банки любимой «Балтики», денег на эту чепуху должно хватить.

В аптеке Пятайкин долго ходил от витрины к витрине, разглядывая разноцветные и разномастные коробки и упаковки, пузырьки. И тут Григорий увидел неприметную коробочку с крупной надписью «Самое ОНО», и ниже помельче: «Мужчина становится неотразим! Все женщины в восторге! Эффект – 24 часа».

«Интересно», – подумал Григорий. Он уже принимал и виагру, и вуку-вуку, но всё это было не то. То есть ему-то нравилось, а вот Валентине – нет. Попробовать, что ли, это самое «Самое ОНО»? И Григорий купил две упаковки многообещающего средства.

Дома он отдал жене её лекарства, а своё оставил в кармане куртки. И забыл про него – по ящику допоздна шёл хоккей, а что может быть лучше хоккея с пивом? Валентина уже посапывала в их супружеской постели, когда Пятайкин наконец утомился. Забравшись под одеяло, он потянулся было к спящей жене, но вспомнил, что забыл принять «Самое ОНО». Впереди же были выходные, и Пятайкин решил перенести своё законное домогательство к жене на субботу.

Утром он проснулся первым («Балтика» своё дело знала!) и пошлёпал в туалет. Уже когда умылся, вспомнил про «Самое ОНО». «А приму-ка я его с утра!» – озорно подумал Григорий.

Он распаковал коробку, там оказалась всего одна таблетка. Григорий подумал и распечатал вторую упаковку – чтобы уж наверняка! Запил обе таблетки водой из-под крана. И тут же почувствовал, что на него накатила волна необыкновенной нежности и желания позаботиться о жене, он даже весь содрогнулся от охватившего его чувства.

Григорий хотел было тут же пойти в спальню. Но ноги его понесли почему-то на кухню. А там Пятайкин неумело, но споро пожарил яичницу с колбасой, заварил свежего чая с лимоном, поставил всё это на поднос. И понёс в спальню!

– Вставай, милая! – хрипло, но нежно сказал Григорий, сам не понимая, что говорит. – Я тебе завтрак принёс. В постель. Вот!

Валентину как будто кто подбросил.

– Пятайкин, – сказала она тонким голосом. – Это ты? – Да, милая, это я, – подтвердил Григорий, целуя Валентину в тёплую и розовую со сна щёку. – Завтракай, дорогая. А я пока пойду, помою посуду.

Чашка с чаем выпала из рук Валентины на простыню.

– И простынку постираю, ты не беспокойся, – поспешно сказал Пятайкин и, оставив жену сидеть с открытым ртом, пошёл мыть посуду.

А ещё он в тот день пропылесосил квартиру, развесил на балконе бельё на просушку (стирку Валентина всё же отбила для себя) и сварил обед, правда, пересолив его. При этом каждый раз, когда их пути в квартире пересекались, Григорий без конца обнимал и тискал свою жену и говорил ей такие комплименты, что Валентина просто вся светилась от удовольствия. Надо ли говорить, что вечером телевизор в доме Пятайкиных остался не включённым, и супруги до самого утра в постели выделявали такое, что никакой камасутре и не снилось...

Выходные пролетели как сон. Впереди были однообразные будни. А Пятайкину хотелось продолжения праздника. После работы он вновь заехал в аптеку, подарившую ему два незабываемых счастливых дня.

– Мне «Самое ОНО», на все, – сказал Григорий, протягивая сидящей на кассе матроне в белом халате всю свою заначку – пятьсот рублей.

– Нету, молодой человек, кончились.

– А как же теперь... – растерянно пробормотал Пятайкин. – А когда мне зайти?

– Не знаю, – пожалала плечами матрона. – Насколько мне известно, остановили производство этого лекарственного средства. Лицензии у них не было. Да вы лучше «виагру» купите...

– Нет, это совсем не то, – грустно сказал Пятайкин. – Валентине моей не это нужно. Вернее, не совсем это...

– Здравсьте-пожалуйста! – насмешливо хмыкнула матрона. – Можно подумать, что вы, мужики, всегда знаете, что женщине нужно.

– Я, пожалуй, знаю, – убеждённо заявил Григорий.

По пути домой он завернул не за пивом, как обычно, а зашёл в гастроном и купил готового фарша и макарон. Уже совсем перед домом заглянул и в цветочный павильон.

Открыв дверь, Валентина ахнула: Пятайкин протягивал ей цветы и невыразимо нежно улыбался. И привлекательнее, сексуальнее мужчины для неё

в этот момент просто не существовало. А когда Григорий ещё и заявил, что на ужин сегодня будут макароны по-флотски, Валентина расплакалась прямо у него на груди.

– Милый, что с тобой? – всхлипывая, спросила она. – Ты не заболел?

– Да, милая моя, я вновь заболел. Тобой! – ласково сказал Григорий, целуя жену в завиток на виске.

– Тогда не выздоравливай. Никогда! Хорошо?

– Я постараюсь...

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – родилась в Иркутской области, член Союза писателей России, член Клуба писателей Центрального дома литераторов, кандидат исторических наук, доцент. Автор шести сборников стихов, двух книг прозы и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель литературных конкурсов МГО СПР (2014-2020), Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь» (2017), лауреат Всероссийских конкурсов «Герои Великой Победы» (2016) и «Парад литератур» (2018 и 2019), Международной Бунинской премии (2017). Обладатель литературных наград.

Живёт в Москве.

«Ах, как кружилась голова ...»

Встреча

Долгожданная встреча случилась –
Мы с тобой повидались во сне.
Не людьми, а белыми птицами
Всё кружились в ночной тишине.

Чуть крылами случайно коснулись,
Ты взглянул, как тогда, в первый раз,
И забытые чувства проснулись,
Сумасшедшими вновь сделав нас...

Ночь прошла, наши души расстались
И парят порознь, в разных мирах.
Вновь одна на Земле я осталась,
Ты – за гранью её, в небесах.

Ах, как кружилась голова,
И из-под ног земля плыла!

И так захватывало дух
От поцелуя пряных губ!

Я таяла в объятьях рук,
И исчезал весь мир вокруг,

Лишь только мы глаза в глаза
Летели, как к звезде звезда,

Не ведая, что чувств порыв
Нас раскидает, врозь, как взрыв,

Ведь мы с тобой из разных мест:
Земная я, а ты – с небес.

Как жаль

Как жаль, что всё давно прошло,
Весенним ливнем унесло,
Сгорело знойным летом,
Осенним сдуло ветром,
Метелью белой замело.

Уже не встретимся с тобой,
Не стану я твоей судьбой.
Закрылась в счастье дверца,
Лишь боль осталась в сердце,
Но в снах по-прежнему ты мой.

Там страстью всё накалено,
И лунный свет, как серебро,
Не спится до рассвета,
Любовью ночь согрета...
Как жаль, что всё давно прошло!

Бессмертие

Вот и кончается срок
Радости, счастья, любви.
Словно сквозь пальцы песок
Дни утекают мои.

Мне уже не повторить
Детство, и юность, и взлёт.
Жизни тончайшая нить
Скоро отпустит в полёт.

Станет далёкой Земля,
Где-то за гранью небес
Давние встретят друзья
В мире любви и чудес.

Только вот вечный покой
Сможет ли нас удержать?
Верю, вернёмся домой
Грешную Землю спасать.

Валерий Бокарёв (Бокарев Валерий Павлович) – член Московской городской организации Союза писателей России, поэт, Лауреат конкурса имени Анны Ахматовой 2014 г.; победитель Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси – 2021» с присвоением звания «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ». Автор сборников стихотворений и прозы «Времена года», «Моя малая Родина», «Стихи, поэмы, сказки», «Избушка на болоте», «Тмутаракань», «О Родине красивыми словами», «Я к вам иду. Серия: 101 поэт XXI века» и многочисленных публикаций стихов и прозы в газетах, журналах и ежегодных конкурсных альманахах и сборниках МГО СПР. Выпускник химического факультета МГУ, доктор технических наук, учёный физико-химик, автор более 200 научных статей и патентов на изобретение, двух учебных пособий и монографии «Поверхность и физико-химические свойства кристаллов».

Живёт в Москве.

«Россию победить нельзя!..»

Русь

Перед разливами времени ходим мы.
Сеть бы закинуть и выловить суть.
Сны мои милые, сны моей Родины,
Дайте хоть краешком в вечность взглянуть.

Ложится вечер на берег синий.
В туман уткнувшись, стога застыли.
Покой... Он вечен в моей России –
Мечты и сны Её мир вместили.

И снятся старые Ей дубравы,
Народ могучий и глухомань;
Монголов орды, варягов кары;
Походы, смуты, опять расправы
И с кровью собранная дань.

По берегам в степи курганов череда.
Они опять ведут меня туда,
Где эллинам закрыт был дальний путь,
Где стук копыт мешал передохнуть.

Но время оставляет только мифы,
И мифы говорят – здесь жили скифы.

По Греции ползёт упорный слух,
 Что где-то за далёкими морями,
 За ковкою железа свой досуг
 Справляют хмурые и сильные селяне.

Их земли велики, их силы велики.
 И хорошо, что очень далеки
 Их рубежи –
 Пред ними всё бежит.
 У них всё есть,
 А золота – не счесть.

Но тропы все туда забыты.
 Захватчики – давно убиты.
 Зимой там холод дик, и не велик уют.
 Но всё же там живут, и белый, чистый лик,
 И синие глаза туда ведут –
 Ты не опомнишься, закружат, увлекут.

Тебя люблю, Тебя я обожаю,
 Моя Земля, воистину моя!
 Мне кажется, что я цветы сажаю,
 Моя любовь, Тебя я украшаю,
 Тобою поглощён, творя!

Я знаю, что воспеть мне не удастся
 Всё то, что я увидел – не хватает слов.
 Как будто бы читаю Часослов –
 Я это всё предвидел:
 И колокол, который вновь раздастся.

Однажды я услышал его зов.
 Как жаль, что вскоре он унялся,
 Затих. Ликует тёплый кров,
 Что над людьми горой поднялся.

Надолго ли? Пожалуй, нет.
 И пусть горит пока макет,
 Но вскоре вспыхнет мир мещан,
 Которых сон давно объял,

И многие из них сгорят.
 Так иногда рванёт снаряд
 Упругой, рушащей волной...
 И мир наполнится войной.

Тысячелетия дремали,
 Но даже сном своим нагнали

Соседям страх
 И те дрожали!
 Как будто мы их всех держали
 В своих руках!

В Европе знали – мы проснёмся
 И по Европе пронесёмся
 Как ураган.
 В Европе верили – уймёмся,
 Наступит смута, разберёмся.
 Иль снегом занесёт в буран.

Но звон мечей и их мерцанье
 Не раз тревожили сознание
 Твоих сынов, будя их пыл.
 Тогда под грозностью их взора,
 Дороги пятились к просторам
 И Альпы уходили в тыл.

Темно на поле Куликовом.
 Застыла на холмах Орда.
 Россия вновь в обличье новом
 Встаёт – одна и не одна.

Её полки – леса в тумане,
 Её бойцы – с полей земля.
 Орда бежит, Орда в аркане –
 Россию покорить нельзя!

Когда Европа в первый раз коснулась
 Нас остриём надменного штыка,
 Как от огня обратно отшатнулась,
 Хоть нам была победа нелегка.

Быть может, гений Наполеона
 Полмира б смог завоевать,
 Когда б ему те легионы
 Не на Россию направлять.

Она войска мела снегами,
 Дороги путала, казня.
 И он увидел – не солгали,
 Когда душе его сказали,
 Россию победить нельзя!

Не раз Ты поднималась смутой,
 Отмщением за жизнь горя.
 Но для чего в тот холод лютый,

Когда решали жизнь минуты,
Ты отказалась от царя!?

Ты думала, что много краше,
Свободней стала?
Но снова потянулись смуты
И снова Ты одела путы –
Устала.

Колчак и немцы – всё смешалось,
Исчезли человечность, жалость.
Ночь. Человек у стены, словно вор.
Красный террор и белый террор.

Кровью залита часть мостовой,
Много убитых, ужас, не бой.
Сын на отца, на товарища – друг.
Голод, болезни накинута вдруг...
Смута иссякла, убрана муть.
Думала, верный Ты выбрала путь.

Тысячелетия лепили те устои,
А ныне – всё прошедшее – пустое.
Стал человек душепродавцем, вором.
В церквях закрытых – ограблений след.
И прошлое ответило с укором, –
Всеобщим мором будет мой ответ.

Воздвигнут был в Москве героям храм,
Но атеистам очень он мешал.
Полвека простоял, прошла ещё минута,
И динамита облачная смута
Его накрыла. Кирпичей обвал,
На месте храма – хлам.

На нас вина с начала века,
С тех лет, что вспоминают вновь,
Когда губили человека
За правду, совесть и любовь.

Русский витязь

На священной Козельской земле,
Буроватой от пролитой крови,
Оловянный солдатик блеснул
Оказавшись случайно на воле.

Я поднял его. Меч перебит
И по бёдра отрублены ноги.
Но по-прежнему грозно глядит.
Он по-прежнему гордый и строгий!

Русский витязь! Я слышу войну,
Звон мечей, лошадиное ржанье.
И к тебе я на помощь иду
Сквозь баллады, кресты и преданья.

Нет, таких россиян покорить
Невозможно! И хан это знает.
Потому-то решил их убить,
Потому-то детей убивает!

Русский витязь, я вместе с тобой!..
Тихо ветер меня овевает.
Там, под кручей, сады и покой.
И у речки мальчишки играют.

Русский витязь, нас мало опять!
Тот спился, тот погиб, тот уехал.
Кто же будет страну защищать?
А в ответ только долгое эхо.

Но я знаю, в дремучих лесах,
До поры спит могучая сила.
Напади только кто-то на нас,
Разнесёт эта сила полмира.

Встреча-сувенир

В то утро всё раздражало Наталью: и серое небо вместо ожидаемого солнца, и дождь, монотонно стучавший по крыше. Она ждала другого – привычной солнечной Мальты, ласкового бриза с моря, уносящего вдаль её печали и нерешённые проблемы. Словно ящерка, она бы грелась под солнцем, лёжа на плоском жёлтом камне, и слушала нескончаемый шум волн.

К автобусной остановке Наталья спускается по узкой улочке, по обе стороны которой плечом к плечу выстроились в ряд невысокие дома, построенные из песчаника ещё в позапрошлом веке, а может быть, и раньше. Удивительно то, что сделав несколько шагов, ты уже оказываешься у другого дома – с красивой дверью и замысловатым литым кольцом или рыбой, которыми раньше стучали в дверь. Каждый дом кроме номера имеет своё имя: «Лилия», «Кармелита», «Сен-Джуд», как в Англии.

По пути молодая женщина зашла в один из бутиков и купила себе красный зонт на длинной ручке, вспомнив при выборе, что красный – это цвет радости. «Буду радоваться, несмотря ни на что! – подумала она. – Если нет солнца, то нужно идти к источникам духовного света – в собор, музей, театр. Поеду в Валлетту, столицу-крепость непостижимого островного государства в его славном историческом прошлом».

В октябре на Мальте всё ещё сезон. Пройдя по запруженной туристами Republicstreet до знакомого переуллка, ведущего к театру Манойля, Наталья прочла объявление, что он закрыт на реставрацию. Повернувшись, увидела – переулок был перегорожен металлическими стойками, где собралась небольшая толпа людей и стояли полицейские. Любопытство взяло верх, и она поинтересовалась у молодой мальтийки:

– Вы ждёте репетиции Notte Bianca? Сейчас пройдёт оркестр?

– Нет-нет, – отвечала та, её черные глаза сияли, – принц Чарльз приехал помолиться в

Анна Дмитриевна Маякова – родилась в Донбассе. Окончила МГИМО. Владеет несколькими иностранными языками. Член Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков. Автор книги воспоминаний «Мозаика моей жизни», четырёх сборников хайку и поэтических миниатюр, книги рассказов и эссе «Истории о мужчинах и любящем сердце». Финалистка Международной ассамблеи писателей в Варне. Награждена Серебряным Крестом и медалью И.А. Бунина «За верность отечественной литературе», медалью «За мастерство и подвижничество на благо русской литературы». Печатается в различных литературных альманахах. Страница в Интернете – Проза.ру Анна Маякова.

Живёт в Москве.

англиканскую церковь, вон там справа. Проходя мимо, он пожал всем руки и мне тоже! Я счастлива! – Девушка буквально захлёбывалась от восторга, она то сжимала руки, то запускала их в свою короткую шевелюру. – Становитесь рядом, мадам. Принц помолится и выйдет, – любезно предложила она.

Наталья встала, слегка озадаченная. Какие страсти бушевали в душе молодой женщины, и почему для неё так важно, что принц пожал ей руку? Что это – магия имени, магия власти? Она бы предпочла увидеть вблизи своего президента, обладающего не меньшей харизмой, чем принц Чарльз. С другой стороны, увидеть принца английской короны, супругой которого была погибшая принцесса Диана, тоже интересно.

Ожидая, они с Джудит разговорились. Мальтийка оказалась венгеркой из Будапешта, влюбившейся в мальтийца и перебравшейся к морю лет пять назад. Девушка здесь прекрасно устроена – работает в министерстве здравоохранения, инспектирует аптеки.

Узнав, что Наталья из России, Джудит стала вспоминать, что её прабабка, жившая на Украине недалеко от венгерской границы, однажды привезла родственникам в подарок блестящий самовар, никогда ими ранее не виденный, и большую матрёшку, внутри которой находилось девять других. Она прекрасно помнит, как увлечённо играла с матрёшками, вставляя их друг в друга, и даже приглашала соседскую девочку поиграть с ней.

– Выходит, выходит! – пронеслось в толпе.

– Наталья, смотрите, какой он необыкновенный! Он любит людей и совершенно не сноб, – тут же перестроилась Джудит, не отрывая глаз от входа.

Из церкви в сопровождении двух секьюрити атлетического вида вышел высокий человек в сером элегантном костюме при галстукке с платочком в нагрудном кармане, держащийся просто, но с достоинством королевской персоны. Его загорелое лицо яхтсмена светилось улыбкой. Кто-то в толпе крикнул «Vivat the Great Britain! Vivat the Prince!». Услышав это, принц стал пожимать тянущиеся к нему руки стоящих за ограждением людей. Пожал руку Джудит, потом Натальи, которая стояла последней. Их глаза на минуту встретились – Натальины вопрошающие: «Вы добрый? Недобрый?», его улыбающиеся: «Добрый, добрый». Принц слегка кивнул и стал удаляться по направлению к чёрному лимузину, ожидавшему его в стороне. А люди смотрели ему вслед и улыбались, словно солнце осветило их...

ПОЭЗИЯ

Анатолий Иванович Пятов – поэт, родился в 1953 г. член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Кавалер ордена «В.В. Маяковский» и литературно-общественной премии «Светить всегда», Золотой Есенинской медали. Лауреат премии «Золотое перо Московии», премии имени А.П. Чехова, ордена «М.Ю. Лермонтов» и литературно-общественной премии «Герой нашего времени». Автор семи сборников стихотворений.

Живёт в Москве.

Анатолий ПЯТОВ

Завещание ветерана

Сыплет снег на голову седую,
Да куда же мне ещё сесть?
Испытал и радость, и беду я,
Не пришлось лишь с Богом посидеть.
Тучи заволакивали небо.
Сутками лилась с небес вода.
Где я в этой жизни только не был,
Лишь у Бога не был никогда.
Я к нему стремлюсь на эту встречу,
Зная, что назад дороги нет,
Только Он, обняв меня за плечи,
Не пускает в ангельский рассвет.

Зацветает осень. Травы росные
В гости ждут опавшую листву.
Разрыдалось лето сенокосное,
Облаком усевшись на Москву.
Дождик моет старенькие улочки,
Как хрусталь – молоденький бармен.
Запах кофе и московской булочки
Разбавляет музыкой джазмен.
Полотно из зонтиков колышется,
Что цветы, намокшие в лугах.
Песня грусти еле-еле слышится,
Но уже крепчает на губах.

У всех и всяк свои уроки,
Свои святые имена.
За что давали раньше сроки,
Теперь даруют ордена.
И нет на «тех», увы, управы,
Да и на «этих» тоже нет,
А мы у той же переправы,
Где кроме мира брода нет.
Но мир на атомной иголке
Не вечен, вот ведь в чём беда.
Уже ли правнук на двуколке
Вернётся всё ж «в мои года»,
И под святыми небесами
Споёт всем: «Господи! Прости!»?
Найти бы нам того, с усами,
Чтоб мир зажавшийся спасти!

Завещание ветерана

«Никогда никому не желайте войны,
И война в отчий дом никогда не ворвётся.
Позабудьте слова – виноват без вины,
И от злобы войной этот мир не взорвётся.
Я уже умирал, дорогой человек,
На пороге зимы и увидел впервые,
Как сквозь розовый свет падал розовый снег,
Падал розовый снег, что цветы полевые.
А вокруг тишина, и могильным холмом
Становилось моё коченевшее тело.
Не желайте войны, даже “задним умом”,
Как бы этого смерть в суете ни хотела.
Я остался живой! Бог меня сохранил,
Обозначив судьбу – ветеран, победитель!»
Он замолк, а потом со слезой обронил:
«Не желайте войны, если мира хотите!»

Домик садовника в Кузьминках

Мягкий белый снег на крыше.
Свет в окошке. Чья-то тень.
Кроткий голос еле слышен –
Кто-то славит зимний день.
Кошка жмётся у порога.
Ждёт, когда пропустят в дом.
На душе моей тревога,
От волненья в горле ком.

Вот оно – блаженство рая,
 Чувство Родины до слёз,
 Тишина зимы без края
 И священный шум берёз.
 Белогривая Россия,
 Златоглавая Москва!
 Как же ты зимой красива
 Накануне Рождества!

Снова песни спрятались в тумане
 И затихли к ночи на гумне.
 Я сегодня буду самым пьяным
 От любви, что ты подаришь мне.
 А потом от радости заплачу,
 Что любовь свою не упустил.
 Значит, мне не надо жить иначе.
 Бог меня за праведность простил.
 Радуюсь я первым поцелуям.
 Радуюсь я, что любимым стал.
 Радуюсь я, что судьбу балуя,
 Радоваться жизни не устал.
 Вот и ожидаю, что в тумане
 Снова стихнут песни на гумне,
 Чтобы стать обратно самым пьяным
 От любви, что ты подаришь мне.

Неизбежность

Уже ничего и не надо.
 Зачем мне с судьбою шутить?
 Сумел я разжечь листопады,
 А ты их смогла потушить.
 Горели они в «три заката»
 И грели мне душу мою.
 Ты смотришь теперь виновато,
 Как я на коленях стою...

Сергей Юрьевич Газин – член МГО СП России. Полковник. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Автор более 10 книг стихотворений. Лауреат московских областных литературных премий им. Ярослава Смелякова и Евгения Зубова, премии МОО СП России «Золотое перо Московии» и др. Кавалер Золотой Есенинской медали. Член-корреспондент Академии Российской словесности.

Живёт в Москве.

Вдохновение поэта

Принцесса

В старых сказках есть принцессы,
 Что капризны – просто страсть,
 Но с принцессой-поэтессой
 Я общаюсь в первый раз.

Что была принцессой с детства,
 Я узнал не так давно,
 А с какого королевства,
 Мне, признаться, всё равно.

В школе так её прозвали,
 Ведь была нарядней всех!..
 Но не знали с ней печали,
 Оценив весёлый смех.

Как назло, она со мною
 Лишь серьёзно говорит,
 Что ни ляпну я порою,
 Тут же вносит в кондуит.

Научил её стихами
 Разговаривать со мной,
 Так она теперь часами
 Отнимает мой покой.

Вот беда не понарошку,
 Не принцесса, а напасть...
 С ней пуд соли понемножку,
 Словно паж, я съест горазд!

О любви к тебе

В жизни нет иной любви
Кроме настоящей...
Все стихи к тебе мои –
Это гимн летящий!

Воспеваю лишь тебя,
Вознося к созвездьям!..
О любви к тебе трубя
С искренним усердьем.

Жаль, не слышишь ты порой
Эти откровенья,
Сердце прячешь за горой,
А в душе сомненья...

Ты послушай, дай себе
Счастья, ради Бога,
И любви в твоей судьбе
Будет много-много!

Живой калейдоскоп

Смотрю в живой калейдоскоп,
Где нет ни разу повторенья...
И не могу сказать я «Стоп!» –
Так безгранично удивленья.

Души узорные миры
Чудесно вытканы из света...
Как мне глаза твои милы!.. –
В них вдохновение поэта.

Летят стихи из витражей,
Из перезвонов звёзд высоких...
Люблю тебя без ворожей –
Дороже нет мне глаз глубоких!

Элеонора Валентиновна Кузнецова – член Союза писателей России. Автор книги стихотворений «Солнечный дождь», соавтор детских книжек «Сказка о вислоухом кролике» и «Невероятные приключения попугая». Лауреат литературной премии МОО СП России «Золотое перо Московии». Союзом писателей России и Благотворительным фондом «Возрождение культурного наследия» награждена медалью «Великий Князь Сергей Александрович». Решением МГО СП России награждена орденом «За вклад в литературу России XXI века», а также Наградной грамотой с вручением медали «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы».

Живёт в Москве.

«Любовь бывает даже поздней...»

Лебединое сердце

Бьётся сердце нежное,
Морем чувств
 безбрежное –
Самое бездонное,
Для любви просторное.

Рвётся белой птицею
В небо лебедицею,
Выручать любимого –
Из беды родимого.

Злой орлан на лебедя
Сзади, но не спереди,
Налетел безжалостно,
Атакуя яростно.

Чернокрылой бестией
Прямо с поднебесия
Он схватил несчастного
Трубача прекрасного.

Поднялась лебёдушка
Ввысь, да в ту
 сторонку,
Где крыло орлиное
Скрыло солнце дивное.

Подлетела спереди,
Прикрывая лебедя,
И крылами жёсткими
Била чернохвостого.

Отогнала хищника,
Грозного обидчика,
Заклевала злобного
Негодяя чёрного.

Выручила милого
Из когтей противного –
Лебедица белая,
Любящая, смелая!

Поздняя любовь

Любовь бывает даже поздней,
С годами всё уже всерьёз.
Она сильнее разлук и козней,
Коль чувства глубоки до слёз...

Закружит в вихре листопада
И унесёт пушинкой ввысь –
Она от Высших сил награда
За честно прожитую жизнь.

Там в небесах высоких где-то
Все души видимы насквозь...
И для любви сердца раздеты,
Чтоб счастье с вечностью срослось.

Танец любви

Жизнь во взаимной любви – это сказка!..
Лунные песни в волшебной ночи,
В нежных, извечно волнующих ласках
В трепетном свете горящей свечи.

Танец любви – это страсть с продолженьем,
Там, где стремительный лёгкий фокстрот
Может стать долгим счастливым круженьем,
Томным и плавным, как птицы полёт...

Вальсом порой унесёт танец к звёздам,
И круг за кругом приблизится высь!..
В чувствах взаимных сплетаются грёзы,
С просьбой с небес повторить всё на бис.

Утром засветится солнышко в лужах,
Глянцем блистая в родных небесах –
Если в сердцах танец счастья разбужен,
Будет взаимность искриться в глазах.

Михаил СМИРНОВ

Рассказы

Старик и облака

Заскрипели половицы, и донеслось покашливание. Сергей Иванович заложил руки за голову, заскрипел продавленной кроватью и покосился на хозяина дома, который промелькнул в проёме двери и загремел ведром, что стояло на широкой лавке возле входа, забубнил под нос, а потом принялся что-то искать на широкой полке, прибитой к стене. Он покосился на старика и снова нахмурился, поглядывая сквозь щели на блёклое небо, подёрнутое серой пеленой. Вздохнул. Он снял большую веранду на лето, где можно было бы переночевать, а остальное время хотел побродить по окрестностям да заняться пейзажами, благо, здешняя природа манила, чтобы её перенесли на холст. Горы и всхолмья, перелески и берёзовые колки, извилистые речушки и ручейки, а цветущие луга и поля с пшеницей такие необъятные, аж дух захватывало...

Он случайно наткнулся на эту забытую богом деревушку, когда сбился с дороги и долго колесил по грунтовкам, которые как раки расплзались в разные стороны, пока наконец-то не наткнулся на небольшую деревню, затерянную среди лесов, полей и лугов. Он полдня просидел на пригорке. Дома там и сям разбросаны по пологим холмам. Огороды упираются в речку, что протекала позади деревни. Сонные улицы. Замерла деревня, но в то же время жизнь в ней теплилась. Вон неторопливо потрусил собака по своим собачьим делам. Остановилась возле какого-то двора, лениво гавкнула, может, здоровалась, а может, соседскую собаку пригласила на прогулку, а потом снова уткнула нос в тропку и дальше пустилась. Загремело ведро. На улицу вышла старуха. Приложила ладошку к глазам, долго всматривалась вдаль, видеть, кого-то ждала, но не дождалась, заглянула через забор в соседний двор, кого-то окликнула, но там была тишина, и она снова вернулась в дом. Гоготнул гусь, но тут же смолк, когда неожиданно

Михаил Иванович Смирнов – родился в городе Салавате 27 сентября 1958 г. Печатался: «Литературная газета», «Литературная Россия», «Молодая гвардия», «Работница», «Сибирские огни», «Литературный Крым», «Север», «Бельские просторы», «Литературный Азербайджан», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Луч», «ЛиФФт», «Кольцо А», «Приокские зори», «Нёман», «Слово-Word», «Зарубежные задворки» и др. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Лауреат Международной премии «Филантроп»; лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого; лауреат Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и мн. др.

Живёт в Салавате.

заорал петух, взлетел на забор и захлопал крыльями, а вслед за ним ещё несколько отозвались. Живёт деревня – это хорошо.

Сергей Иванович долго наблюдал за сонной деревней, за маревом, что нависло над горизонтом, за стайками берёз, что взбегали по горе, и за яркими всполохами рябин. К вечеру, не выдержав, спустился к крайней избе и долго разговаривал с неуступчивым ворчливым старичком, одетым в засаленные пузырястые штаны, в выцветшую рубаху навывпуск, в ворота которой виднелась толстая чёрная нить с простеньким крестиком, а на клювастом носу едва держались очки с толстыми стёклами и дужкой, замотанной синей изолентой. Наконец сошлись в цене. Сергей Иванович уплатил аванс. Старик сразу же запрятал деньги в необъятный карман, а потом повёл его на веранду, где в дальнем полутёмном углу стояла кровать с большими тяжеленными подушками и цветастым ватным одеялом, из которого торчала клочкастая вата. Рядом раскорячился сундучище, в таких раньше приданое держали да прятали под амбарный замок одежду, накопленную за долгие годы. К нему притулились два-три мешка с прогрызенными дырками и рассыпавшейся пшеницей. На стене, на вбитых толстых гвоздях висели старые фуфайки, облезлый тулуп, тут же громыхнул жестью брезентовый плащ – обычно такие пастухи носят – от жары спасаются да от дождя можно укрыться. А чуть наискосок было широченное запылённое окно. Свисали клочья старой паутины. Сквозь дырявую крышу пробивались тонкие лучики света, в которых кружилась пыль, поднятая стариком, когда он стал наводить порядок на веранде, сметая сор да пшеницу потёртым чилиговым венником в щелястый пол, из-под которого радостно загорланил петух, созывая несусек к обеденному столу...

– Что валяешься, мил-человек? – дед Гриша поправил очки, прошёлся по веранде, присел на край кровати, достал самосад, сделал самокрутку и закурил, выпустив ядовитое зеленоватое облако дыма. – Вторые сутки бока отлёживаешь да на облака поглядываешь. Глянь, какие погоды стоят. И облака подросли. Повзрослели, можно сказать, силушкой налились.

И ткнул скрюченным пальцем в окно.

Приподнявшись, Сергей Иванович прислонился к спинке кровати.

– Я уж второй день смотрю, как облака растут, – недовольно буркнул он. – Мне ветер нужен, ветер, чтобы немного отогнал облака от деревни, и тогда утренние лучи солнца другими будут, а не такими, как сейчас – блёклыми и безжизненными. Едва солнце начинает всходить, едва мелькнут первые лучи и тут же скрываются за облаками, которые нависли над деревней и словно приросли к горам – ничем не сдвинешь. Может, тяжёлые, а может, ветер нужен, чтобы их чуточку отогнал, и тогда утреннее небо станет ярким и глубоким, словно умоется, а лучи будут его подсвечивать, вот тогда-то облака заиграют. Мне нужны эти лучи, чтобы наружу вытянуть свет, а сейчас...

Не договорил, удручённо махнул рукой.

– Вот те на, я думал, он облакам обрадуется. Не каждый день над нашей деревней такие собираются. Наверное, смотрят, как люди живут, как я ворчу, как ты на кровати валяешься. Смотрят и удивляются, что люди – это лодыри. Ты, мил-человек, облакам радуйся, потому что они живые, – взглянув поверх очков, сказал старик, – а ему лучи подавай. Хе-х, насмешил! Где же взять эти лучи, мил-человек, если облака не по дням, а по часам растут? Время для них настало, силушку набирают...

– Меня зову... – раздражённо заворчал художник.

– Да знаю, мил-человек, знаю, как тебя зовут, – отмахнулся дед Гриша и, затянувшись, опять скрылся в облаке едучего дыма. – Привычка такая у меня – мил-человек. Даже выговор получил за это, когда самого секретаря райкома на собрании назвал мил-человеком и носом при всём народе ткнул в его ошибки. Обиделся! Он молодой был, с гонором. Расфырчался, что я ничего не понимаю в его работе и вместо того, чтобы слушать и помогать, я палки в колёса вставляю. Так и сказал. Да! Ну, меня наказали, а толку-то? Выговор влепили, а с работы-то не сняли. Секретарь укатил, а я остался, и мне его выговор, как мёртвому припарки. Он душу успокоил, а я даже не расстроился. Хе-х! – он встрепенулся и привычно ткнул в очки, поправляя. – Что хотел узнать-то... Вот ты, Серёжка, малюешь картинки, а я наблюдаю за тобой и удивляюсь, неужто эту мазню покупают, а? – и, поднявшись, он подошёл к мольберту, картинно отставил ногу в рваном носке, почёсывая реденькую седую поросль на груди, склонился и прищурился, стараясь понять, что на холсте, сделал несколько шагов назад, опять взглянул и небрежно махнул рукой. – Мазня-мазнёй! Помнится, я в детстве так малевал, а потом батя хворостиной задницу расписывал. Хе-х! – и, поглаживая венчик седых волос, хрипловато хохотнул и снова спросил. – И покупают?

Он взглянул на постояльца.

– Покупают, дед Гриша, покупают, – усмехнувшись, сказал Сергей Иванович. – На хлеб с маслом хватает. Бывает, икоркой балуюсь.

– Неужели? – удивился старик и опять подошёл к мольберту, словно хотел понять, за что платят такие деньжищи, долго стоял, качал головой и снова пожал плечами. – Вот убей – не пойму! Натыкал кисточкой, размазал по всей картине и считаешь, мил-человек, что красиво. Хе-х! – склонившись, взглянул в окно, зыркнул глазами туда-сюда, приложил руку лодочкой, прищурился, долго смотрел на берёзы, что стояли за речкой, взглянул на тяжёлые, этажные облака, которые, казалось бы, зацепились за верхушки деревьев и никак не хотели уползть за горизонт, потом ткнул скрюченным пальцем, показывая. – Вот ты говоришь, что облака не нравятся, что лучи тебе подавай... А что ты знаешь про облака, мил-человек? – и, хитро сощурившись, взглянул поверх очков на постояльца.

Прислонившись к высокой спинке, художник усмехнулся, поглядывая на ершистого старика, с которым чуть ли не каждый день приходилось спорить о чём-либо, потому что у старика был свой взгляд на жизнь и всё, что его окружало.

– Что могу сказать, – Сергей Иваныч запнулся, думая, как бы вспомнить и более доступно объяснить, а потом просто сказал. – Ты, дед Гриша, говоришь, будто облака живые, а я скажу – это вода превращается в облака – это мы ещё в школе проходили. Вода испаряется из морей и океанов, да отовсюду, где она есть и поднимается вверх, а там свои законы, по которым в облака превращается.

Дёрнув за венчик волос, дед Гриша тоненько засмеялся.

– Я в школах не учился, как ты, к примеру, – он погрозил пальцем и снова ткнул в окно. – Сызмальства пришлось работать. Закорючку ставлю за место росписи, но меня не проведёшь. Моя бабка Агрипина, царствие ей небесное, – он крутанул рукой перед собой, словно перекрестился и посмотрел на икону, что висела в углу. – Она могла на любой вопрос ответить. Всё знала! И ведь тоже не училась. Да и какая учёба в деревне, если семеро по лавкам?! То люльку качают, то за малышней присматривают, потом с батей

в поле уходишь или в леса, а то на реку. Оглянуться не успеешь, самого оженили, и тоже семеро по лавкам сидят и все кушать просят. А ты пластаешься день и ночь, чтобы семью содержать. Так всегда было, мил-человек. А сейчас... Эх... – старик сокрушённо покачал головой. – Одного еле-еле народили и плачутся, слезами заливаются, что жизнь тяжёлая, а сами-то и не видели ещё – эту жизнь, зато научились жаловаться. Измельчал народ. Не люди, а так, людишки пошли...

И старик махнул рукой, а потом полез в карман, доставая свой любимый самосад.

– О, как! – рассмеялся Сергей Иванович. – Начал за здравие, а закончил за упокой. Обещал про живые облака рассказать, а сам...

И, продолжая смеяться, он замолчал.

Старик ткнул пальцем в переносицу, поправляя съехавшие очки. Покрутил головой и, заметив запыхлённую пустую банку, поплевал в неё и ткнул туда окурочку.

– Вот, ты, умный человек, – подняв палец вверх, сказал старик, – а говоришь, что облака – это вода из морей-океанов. Там вода горькая, как слышал, а дождевая вода – сладкая. Почему так? Ты же должен всё подмечать, а тут с облаками опростоволосился. Хе-х! – дед Гриша торжественно посмотрел на постояльца. – Ты подумай своей головой, мил-человек, как должен закипеть океан или море, к примеру, чтобы этот самый пар добрался до небес, а? Вон, кастрюлька стоит на огне, из неё пар вырывается. Чуть повыше подними руку и не почувешь его – этот пар, потому что он исчез, в обычный воздух превратился, а ты говоришь... Хе-х! – и тонко засмеялся, махнув рукой, а потом прищурился, поглядывая на постояльца. – А ты видел, какие облака бывают, к примеру, зимой, а весной или летом и осенью? Что говоришь? Разные... Я без тебя знаю, что они разные, а почему? Ты, хреновый художник, если не можешь объяснить, почему они разные... Ничему тебя жизнь не научила и ваша школа – тоже. Это я, болтун? Да ты... Да ты... – старик возмущённо запыхтел, поддёрнул штаны и ткнул пальцем. – Сам ты, балаболка городская! Тебя учили, учили... Кучу денег потратили, а в твоей голове, как был сквозняк, так и остался. Вот и получается, что пустили деньги на ветер. Ещё неизвестно, кто из нас – болтун. Вот так, мил-человек! – и, махнув рукой, хлопнул дверью. – Ишь, говорит, из горького моря делаются облака, а дождик-то сладкий идёт. А почему – не может сказать. Меня болтуном выставил, а сам-то... Пустомеля!

Старик продолжал ворчать, медленно спускаясь по ступенькам крыльца.

Проводив взглядом старика, художник усмехнулся, заложив руки за голову. Долго лежал, прислушиваясь к разноголосому кудахтанью кур, что возились в пыли, к ворчливому голосу старика, который, скорее всего, сидел на лавочке возле калитки и с кем-нибудь разговаривал, и вспоминал его разговор. Не удержавшись, зная обидчивый характер старика, художник поднялся, потянулся, насколько можно было на невысокой веранде, поддёрнул старенькие штаны, перепачканные краской, и вышел на крыльцо, присев на высокую ступеньку. Взглянул на дальние холмы, на зелёные склоны, длинные тени от берёзок и низкое солнце, которое едва было видно сквозь мутную пелену, нависшую над горизонтом.

– Дед Гриш, – крикнул он, заметив его замызганную фуражку за забором. – Может, поужинаем? Накормишь голодного и хренового художника, а?

И, не удержавшись, опять засмеялся, вспоминая, как старик обозвал его и, запыхтев, ушёл на улицу.

Фуражка зашевелилась и приподнялась. Из-за забора выглянул дед Гриша и, грозно сдвинув густые седоватые брови, взглянул поверх очков и погрозил.

– Я те дам, передразнивать! – сказал он, открыв калитку, и быстро заземенил к дому. – Ишь, пустомеля! Сам в трёх соснах заблудился, а меня выставил болтуном. Эть, ну, дал боженька постояльца! Теперь замучает, пока не умоет в свой город, – и тут же ткнул пальцем. – А я скажу так, мил-человек, что моя бабка Агриппина намного умнее всех вас, нынешних, хоть и была неучем... – он запнулся, постоял, подёргивая бровями, о чём-то думая, и махнул рукой. – Ну ладно, так и быть, заходи. Покормлю тебя, хоть и не заслужил, но если будешь обзывать, голодным оставлю. Понял?

И, прихватив головку чеснока и пучок лука, скрылся в избе. Посмеиваясь, Сергей Иваныч отправился за ним.

Ужинали неторопливо. А куда спешить, если вечер на дворе. На столе несколько варёных картофелин, пара-тройка яиц вкрутую, лук лежит рядом с солонкой, ломти хлеба, мяса нет, но есть немного пожелтевшего сала, но всё равно вкусное, и две щербатые чашки с вермишелевым супом, который дед Гриша сам приготовил. Жена давно померла, а дочка и сын в город перебрались. Его звали, он отмахнулся. Родился в деревне, и пусть здесь же закопают. И место приготовил. Рядышком с женой. Сказал, рядышком уляжется, хоть ей веселее будет. Закатится смешком, а глаза-то грустные. Сколько лет один, но так никого в дом не привёл. Говорит, негоже, чтобы на жинкиной кровати спала другая баба, негоже. Сколько пытались ему невесту найти, он отмахивался. Своей не стало, а другая не нужна. Так и живёт с той поры один, да редкий раз дети навещают, и всё на этом. И Сергей Иваныч, когда поселился у него, заметил, старик ворчит-ворчит, всё не так ему, а глаза радуются. Видать, всё же надоело одному-то в пустой избе. А то, что брюзжит, так возраст такой – ворчливый, можно сказать. Всё истории рассказывает. Заслушаешься. Много знает. Откуда, даже непонятно. И вот сейчас, зацепился за облака. Утверждает, что они живые. Значит, опять начнёт рассказывать историю. Интересно его слушать. Кажется, небылицы плетёт, а в то же время, правдиво. Вот и задумываешься над его словами. А вдруг не обманывает?

После ужина, Сергей Иванович со стариком пили чай с печеньем и простыми карамельками. Долго пили. Старик любил из блюдца чаи гонять. Чутьточку плеснёт. Покатает во рту карамельку, подует на горячий чай и шумно отхлёбывает. Швыркаю, как он говорил. Так и швыркали с ним, пока крупные капли пота не потекли. Наконец дед Гриша поднялся. Серым застиранным полотенчиком вытер вспотевшее лицо и принялся убирать со стола. Сергея отправил во двор, чтобы не путался под ногами.

Сергей Иваныч вышел на улицу и присел на ступеньку, тоже утираясь полотенцем. Так было всегда, когда они пили чай. Словно старались друг друга перегнуть, кто больше выпьет. И всегда старик побеждал. А потом посмеивался над постояльцем, мол, слабый народишко пошёл, даже чай пить не научились. И хекает сидит, а по глазам видно – доволен.

Повесив полотенчик на перила, Сергей Иваныч привычно принялся осматривать окрестности, останавливая взгляд на каких-либо мелочах, и снова смотрел, стараясь всё запомнить.

Заскрипели половицы, раздался кашель, и рядом уселся старик, доставая кисет, и закурил, разгоняя сизый вонючий дым.

– Всё лучи свои ищешь или ворон ловишь? – сказал он, подтолкнул постояльца и не удержался, зашёлся в долгом кашле, потом сплюнул и просипел. – Сидит и башкой вертит во все стороны. Ну, чисто сорока, да и только!

– Привычка смотреть, – пожимая плечами, задумчиво сказал художник. – Что-нибудь заметил, и сразу в памяти откладывается, а то в блокноте или в записной книжке почиркаешь, да на любой бумажке, что под руку попала, лишь бы не забыть. У меня таких почеркушек немеряно собралось! И запоминаешь детальки, всякую мелочёвку, а из этого уже постепенно начинаешь мозаику выкладывать. Потом, когда в голове сложился образ или картину представил, тогда берёшься за работу. И таких задумок в голове – не счесть! И так всегда...

– Твоя правда, мил-человек, – закивал головой дед Гриша и аккуратно стряхнул пепел в заскорузлую ладонь. – Я вот тоже, к примеру, увижу, какую-нить железяку, сразу думаю, что из неё можно соорудить, куда бы приспособить. Всё в хозяйстве согдится. Так и собираю, где и что лежит и тащу домой. Вон уже, сколько добра навалил, – и кивнул на большую кучу возле баньки. – Моя бабка ругалась, что двор захламляю, а потом махнула рукой. А когда мне что-нить нужно, я прямоком туда отправляюсь и начинаю кучу ворошить. И нахожу!

И начинался долгий и неторопливый разговор. Да какой разговор, если больше молчали, чем говорили. Так, изредка перебрасывались словами, да курили, иногда спорили, но тут же умолкали и каждый вспоминал о чём-нибудь своём, а когда молчание затягивалось, снова скажут и сидят, о своём думают. И так каждый день...

– Скажи, мил-человек, вот намалюешь свои картинки, а потом что с ними будешь делать? На рынок понесёшь или как? – попыхивая сигаркой, сказал дед Гриша. – Наверное, уже вся квартира завалена, да?

Сказал и, хитро прищурившись, взглянул поверх очков.

– Почему на рынок? – удивлённо взглянул Сергей Иванович. – Бывают выставки, правда, редко. Иногда заказывают картины, а ещё есть такие любители, кто приезжает, смотрят и забирают, что им понравилось. Пока не жалуюсь, а что дальше будет – время покажет, – он задумался, потом покосился на старика. – Дед Гриша, что ты говорил про живые облака? Вижу, опять какую-нибудь небылицу намереваешься рассказать, да?

И покосился на старика, посмеиваясь.

Старик пошевелил бровями, наморщив и без того морщинистый лоб, снял фуражку, пригладил венчик волос и опять стал скручивать сигарку, отмахнувшись от папирос, какие подсунил художник.

– Что съёшь всякую дрянь? Сколько смолу, но так и не привык к вашим папироскам и сигареткам – одно баловство и только, – поморщившись, он махнул рукой, потом провёл языком по газетке и удовлетворённо осмотрел самокрутку. – Вот это конфетка! И вкусная, и запашистая, и для здоровья полезная, как говорил мой дед. Зимой, бывало, подхватит какую-нибудь лихоманку. Кашлем исходит. Дохает, как собака. Никому покоя не было. Тогда он брал самый крепкий самосад. Был у него такой. Горлодёр называл. На всякий случай выращивал. Я мальцом был, стащил у него и решил посмолить. Так чуть концы не отдал! Ага... О чём я говорил? Ага... – он опять повторил. – Дед возьмёт этот горлодёр, скрутит здоровенную сигарку и на улицу подаётся. А там мороз, аж деревья трещат! Он смолит сигарку и ходит туда-сюда, а сам кашлем исходит. Опять скрутит и снова бродит – морозным воздухом

дышит, а ещё этим самым горлодёром. Вот несколько сигарок изведёт, до самых кишок прокашляется, вернётся и быстрее в баню идёт. Напарится так, едва до избы добирался. Зайдёт, а ему бабка Агриппина стакан самогонки подаёт, а туда ещё медку добавит. Не ради сладости, а для здоровья. Дед опрокинет его и лезет на печку. Укроется одеялом, бабка сверху на него всякое тряпье навалит, и он притихнет. А на ночь бабка возле печи ведро с водой ставила. Дед очнётся, ковшечек опрокинет, мокрые портки поменяет и снова лезет под одеяло. Утром глядишь, а он здоровёхонек бегаёт. Вот и получается, что наш горлодёр лечит, а ваши папироски один вред приносят и больше ничего. Дрянь да и только! Что говоришь? – опять зашевелились широкие кустистые брови. – А, живые облака... Ты, Серёжка, когда картинку малюешь, только летом или постоянно? Ага, понял, как время есть, так и мотаешься за картинками... Мил-человек, можешь сказать, когда облака появляются на свет божий? Ну, рождаются...

Сергей Иванович удивлённо мотнул головой, пожимая плечами, как облака могут рождаться, долго думал, а потом пожал плечами.

– Сразил вопросом, дед Гриша, – развёл руками художник. – Право, не знаю... Не соображу, почему они рождаются. Мне кажется, они всегда были, есть и будут, потому что круговорот воды в природе, как говорится. Одни уходят за горизонт, а другие появляются.

– Это всё брехня – ваш водоворот, – старик поднял палец вверх и поправил очки. – Я был мальцом, когда услышал эту побасенку, а может это и не сказка, но всю жизньюшку поднимаю голову и смотрю на небо и ещё ни разу не видел, чтобы моя бабка обманула. Всё сходится, как она рассказывала. Значит, она правду говорила. Я что говорю, бабка Агриппина неграмотная была, а столько знала, что любого профессора за пояс заткнёт. Правда! К ней многие обращались. Одни за травками приезжали, другие за советом, и она никому не отказывала. Всем помогала. Так вот, как бы тебе попонятливее сказать-то... – он задумался, поглаживая венчик волос, потом продолжил. – Каждый человек это видит, но не всякий замечает. Взгляни на человека и его жизнь со дня рождения и до последнего дня, как из мальчика становится стариком, а потом сравни с облаками. Всю зиму небо белесое от морозов или закрыто тучами. Даже при ясной погоде по небу пелена раскинута. Правильно? Ага, точно... Весна наступает, теплом потянуло, и небо становится чище, и там появляются тоненькие лёгкие пёрышки-облачка – это детишки родились. Что? Наверное, перистые – не знаю... Летом эти облачка-детишки растут не по дням, а по часам, наливаются силой и к концу лета становятся огромными и высокими – это уже взрослые по небу гуляют. Так говорю? Вот, правильно! Наступает осень. Облака начинают темнеть или потихонечку состариваются, ежели по-людски сказать. Расползаются во все стороны, всё чаще заволакивая небо до самого горизонта. А в конце осени они почти сплошь растянулись над головой и стали чёрно-серыми, тяжёлыми и медлительными, будто наверху собрались пожилые облака. А зима наступает, небо закрывается серыми – седыми облаками – это старость пришла к ним и лишь изредка появляется солнце, но это солнце всегда в какой-то пелене. А начинают исчезать седые облака в начале весны, а на их месте снова появляются лёгкие перистые облака, как ты назвал. Человека хоронят в землю, а седые облака уходят в небесную синь, чтобы дать новую жизнь другим облакам. Вот и подумай, мил-человек, откуда берутся облака. Они рождаются! И с весны до весны – это их жизнь. С одной стороны – короткая жизнь, а с другой, если подумать, длинная, потому что они очень много пользы приносят людям. Как,

кто родил? Эта... – старик покрутил головой, ткнул пальцем в очки и подёргал венчик волос. – Как её... А, вспомнил! Природа – это она родила, так моя бабка Агриппина говорила. А не верить ей не могу, она умнее всех была. Убедился! И ты, ежели умом пораскинешь, тоже поверишь. Гляди на небо, мил-человек, жизнь не только на земле, но и на небесах – тоже! – и, поднявшись, он громко зевнул, направился в избу, но приостановился. – Да, вот ещё... А моря и океаны – это слёзы людские. Для кого-то слёзы радости, кому – горести, у каждого человека свои слёзы. Это мне бабка Агриппина говорила. Как-нибудь расскажу тебе, а сейчас что-то меня сморило, – и опять протяжно зевнул. – Пойду, чуток подремлю, – и захлопнул дверь.

И снова дверь заскрипела. Дед Гриша вышел и взглянул на небо.

– Забыл сказать... Слышь, мил-человек, – он ткнул пальцем, показывая на небо. – Можешь готовить свои краски. Завтра будет ветер. Утром лучи по небу пробегут, и оно станет таким, каким ты его видишь. Поторопись...

Сказал и направился к двери.

– Дед Гриша, – Сергей Иваныч посмотрел на небо. Оно было блёклым и безжизненным. – Дед, откуда знаешь, что будет ветер?

– Я знаю гораздо больше, чем ты думаешь, – буркнул старик. – К примеру, после обеда начнётся гроза. Сильная. До нитки вымокнешь, пока до деревни доберёшься, но ты не заболеешь. А я, пока тебя не будет, баньку протоплю. Попаримся, чай пошвыркаем, а потом посидим, за жизнь поговорим...

Сказал и притворил дверь.

Сергей Иваныч опять взглянул на мутное небо. Казалось, облака стали ещё больше, словно подросли за эти дни: тяжёлые, высокие и неповоротливые, они зацепились за вершины гор и ничем не сдвинешь. Редко проглядывало тусклое солнце. Он пожал плечами, задумался, вспоминая рассказ старика, и сравнил человека с жизнью облаков, от первого и до последнего дня, удивлённо хмыкнул, поражаясь сходству. Потом махнул рукой, заторопился на веранду и стал собирать краски с кистями. А вдруг, правда, старик не обманывает, и завтра будет долгожданный ясный день и тогда он снова возьмётся за картину? Всё может быть...

А вечером, как обычно, они будут сидеть на крыльце и вести долгие разговоры. Даже разговорами назвать-то нельзя. Так, изредка перебросятся словами, но в основном будут молчать и курить, иногда спорить, и снова молчать, и каждый будет о чём-то своём вспоминать, а когда молчание затянется, снова перебросятся парой слов, а если настроение будет у старика, он что-нибудь расскажет, к примеру, о море людских слёз или ещё о чём-либо...

Долгая песня курая

Чертыхаясь, когда ветви хлестали по лицу, Александр долго пробирался по густым зарослям за другом, стараясь не отставать от него. В такой гуще легко было заблудиться. Потом обратную дорогу не найдёшь и Миннура не разыщешь – это точно. Миннур легко шёл где-то впереди него, словно не по зарослям продирался, а шагал по накатанной дороге...

– Ну, ничего себе! – воскликнул Александр, неожиданно ткнувшись в спину Миннура, взглянул на него, хотел было обойти, но отшатнулся и с опаской глянул под ноги. – Ты куда меня привёл, Иван Сусанин? Хочешь сказать, что будем в этом месте спускаться со всем снаряжением? С ума сошёл, что ли? Да мы же разобьёмся!

И снова с опаской посмотрел вниз, где шумела река.

– Ай, не волнуйся, Салим, – так, по-башкирски, Миннур назвал друга. – Я много раз спускался в этом месте, и всё было нормально. И с мальчишками прибегали сюда. Не боялись, спускаясь к реке. И сейчас всё будет хорошо. Поверь мне...

Взглянув на друга, он поправил рюкзак за спиной.

– А почему по тропке не пошли? – сказал Александр и ткнул в тропинку, которую заметил среди деревьев. – Мне кажется, там побыстрее бы спустились вниз. Можно за деревья придерживаться, чтобы не упасть, а тут...

Он замолчал и опять глянул вниз.

– Ай, Салим, не бойся! – сказал Миннур, махнул рукой и направился к крутому спуску. – Ничего с тобой не случится. Айда...

Миннур кивнул, опять поправил рюкзак и, придерживаясь за кусты и корни, стал спускаться.

– И зачем я согласился пойти с тобой – не понимаю. Поехал в такую даль, а для чего и сам не знаю, – ворчал Александр, осторожно ступая по осыпающимся камням и придерживаясь за кусты и редкие деревья, растущие на крутом склоне. – Здесь без головы можно остаться, если слетишь вниз.

И ойкнул, когда нога скользнула по склону, и торопливо схватился за корень, стараясь удержаться.

– Правда, Салим, останешься без головы, но только не из-за того, что упадёшь, а красоты, какую увидишь, – не оборачиваясь, сказал Миннур, спускаясь по крутому склону к реке, откуда доносился громкий шум несущейся воды. – Редкое место может сравниться с этим, куда я веду тебя. Сам увидишь...

И замолчал...

Александр, продолжая ворчать, осторожно спускался, посматривая под ноги, и увидел Миннура, который уже стоял на узкой прибрежной полосе, сбросив рюкзак. Александр заторопился к нему. Не заметив корень, споткнулся и, чертыхнувшись, теряя равновесие, выскочил на берег и, пытаясь удержаться, ухватился за друга, но опять споткнулся и повалился, ударившись об острые камни.

– У, завёл, Иван Сусанин! – застонал он, хватаясь за ушибленные места, и стал подниматься. – Здесь быстрее кости переломает, чем увидишь твоё красивое место. Красивое место! Красивое мест...

И Александр замолчал, с удивлением посматривая по сторонам.

Перед ним была стремительная река в белых бурунах, а за ней скалы. Огромные скалы, изрезанные узкими расщелинами, словно старческими морщинами. Эти скалы вертикально уходили в стремительную воду, которая неслась, словно пыталась вырваться из плена каменных исполинов, что нависли над рекой, сжимая её в крепких каменных объёмах, пытаясь преградить путь своенравной реке.

Приподняв голову, Александр присвистнул, удивляясь высоте. Но ещё больше удивился, когда увидел в одной из расщелин невесту откуда взявшуюся берёзу, что выросла там. На тёмном старческом фоне скал, она казалась невестой в белом платье, отсвечивая белизной своего ствола. Зелёная корона шелестела под ветром, который словно играл с ней, сплетая и расплетая длинные косы. И было удивительно, что берёза не только смогла выжить в суровых условиях в этой расщелине, но и превратиться в сказочную красавицу. Ствол её изогнулся, словно стан девичий, и казалось, что она прижимается к камням холодным и безжизненным...

– Миннур, посмотри... Красиво, правда? – громко сказал Александр и показал на берёзу, и эхо завторило вслед, постепенно затихая вдали. – Да... да... да...

Александр оглянулся на друга, снова кивнул, чтобы он посмотрел и опять повернулся к берёзе, что росла в расщелине.

– Не кричи, не нужно, – тихонечко сказал Миннур, доставая палатку. – Насмотришься на неё, а ещё кое-что услышишь, но это будет позже, а пока нам нужно приготовиться к ночёвке.

Он направился поближе к ближайшим кустам, выбрал ровное место и стал возиться с палаткой.

Следом подошёл Александр. Скинув рюкзак, стал помогать другу.

Установив палатку, они натаскали внутрь мягкого лапника, разложили его и укрыли брезентом, поверх бросили спальные мешки, а в изголовье пристроили рюкзаки.

И сразу же отправились за дровами. Ночь долгая. Дров понадобится много. В густых зарослях наткнулись на сухостой. Два небольших деревца повалили и приволокли к палатке. Следом притащили хворост. Развели небольшой костёр. Открыли тушёнку и поставили разогревать с краю костра. А потом уселись на брёвнышко, чтобы немного отдохнуть, пока готовится ужин.

Александр сидел, с интересом посматривая по сторонам. Миннур давно уже звал съездить в эти места, но лишь сейчас он выбрал время, чтобы побывать тут. Почти весь день ушёл на дорогу. И в автобусе Александр больше смотрел в окно, чем разговаривал с другом. Чем дальше забирались, тем выше становились горы, заросшие густым лесом. Мелькали проплешины полян, сверкали речки-быстрицы и снова по обеим сторонам дороги поднимались горы. И так, пока не добрались. А потом ещё долго продирались через густые заросли, чтобы попасть сюда.

– Миннур, мне показалось, там кто-то есть, – тихонечко сказал Александр, и кивнул на дальний конец косы. – Глянул туда, сначала подумал, что почудилось, а потом и, правда, кто-то промелькнул. Я уж решил, что зверь забрёл, а потом показалось, что это человек был.

Сказал и махнул рукой, показывая.

– Да, там человек, – покосившись, сказал Миннур, потом взглянул на небо. – Скоро всё узнаешь, Салим. Не торопись. Потом расскажу, потом. Вечерет. В здешних местах быстро сумерки наступают. Айда, поужинаем, пока не стемнело.

И снова взгляд в сумеречное небо, которое виднелось среди высоких скал.

После ужина они подтащили стволы сухостоя. Комельками сунули в костёр. Теперь костёр долго будет гореть в ночи. Миннур зевнул и полез в палатку, устраиваясь на ночлег. Александр остался возле костра. Присел на бревно и закрутил головой, наблюдая, как быстро наступали вечерние сумерки. И смотрел на высокие скалы, на берёзку, что едва виднелась в сумерках, и глядел на стремительную воду, над которой уже закурился туман, закручиваясь в фантастические фигуры.

– Салим, что не отзываешься? – Александр очнулся от голоса друга. – Зову зову, а ты сидишь и не шевелишься. Айда в палатку. Холодно возле реки сидеть.

Приоткрыв полог, Миннур махнул рукой, подзывая друга, а потом скрылся в палатке.

– Я не слышал, что позвал меня. Сидел. Задумался. По сторонам смотрел, – сказал Александр. – Правду сказал, красиво тут.

И снова окинул взглядом стремительную реку, высокие скалы, которые упирались в тёмное небо, по которому кое-где промелькнули последние лучи солнца, непроизвольно глянул на берёзку, что едва заметна была на тёмном фоне скал. Хотел было откинуть полог, чтобы забраться в палатку, как вдруг заметил старика, одетого в длинную белую косоворотку навывпуск, на плечи наброшен казакин, в отблесках огня сверкнула расшитая тюбетейка, а в руках был какой-то предмет, завернутый в холстину.

– Миннур, слышь, я старика там видел, – зачастил Александр, забравшись в палатку. – Как же он сюда спустился? И для чего пришёл, а? Ночь на дворе, а он...

Александр пожал плечами и стал расспрашивать, влезая в спальный мешок.

– Молчи, Салим, и слушай, – сказал Миннур, не отвечая на многочисленные вопросы, и неожиданно сказал. – А ты любишь музыку?

Он повернулся к другу, который возился в спальном мешке, поудобнее устраиваясь.

– Конечно, люблю! – сказал Александр. – Разную музыку люблю. И классику, и джаз, и народные песни, и...

И Александр принялся перечислять, что ему нравится слушать.

– Ну, тогда лежи и внимательно слушай, – перебивая друга, сказал Миннур. – Честно сказать, Салим, я для этого и позвал тебя. А теперь молчи и слушай...

Миннур замолчал и притих, к чему-то прислушиваясь.

Затаив дыхание, Александр тоже слушал, что делается на речной косе, пытаясь уловить мелодию, но доносилось потрескивание костра, был слышен шум и всплески воды, а вот музыки – этого не было. Он вздохнул и затаил дыхание, когда ему показалось, словно серебристый ковыль под порывами ветра зашелестел в бескрайних степях. И этот звук с каждой секундой становился всё громче. А потом донёсся быстрый топот копыт, окрики табунщиков, которые охраняли непуганых лошадей от волчьих стай, а ещё ему почудился девичий голос, и разнеслась долгая песня над бескрайними степными просторами...

Александр вздрогнул, когда услышал девичий голос. Откуда ему взяться здесь, на этой речной косе, если песня разнеслась над бескрайними степями. Он хотел было повернуться, чтобы спросить у друга, но Миннур придержал его.

– Молчи, Салим, молчи! – едва слышно донёсся голос друга. – Это курай разговаривает. О многом он говорит. Слушай его, слушай...

И снова Миннур придержал друга.

Александр закрутил головой, пытаясь понять, откуда доносятся эти необычные звуки. Казалось, они неслись со всех сторон, наполняя ущелье, проникая в душу, будоража её, заставляя смеяться и плакать от удивительной и чудной мелодии курая, от его волшебного голоса, который никого не оставит равнодушным, уводя за собой в волшебные дали...

Где-то зажурчал ручеёк, и раздались посвистывание перепёлок: «Спать пора, спать пора...». И вдруг послышался ласковый шёпот. Разнёсся звон монист, что были вплетены в девичьи косы. Следом раскатился мелкий весёлый девичий смех, и заворчали птичьи голоса, а с той стороны доносятся степные шорохи, слышно потрескивание костра и тихое сонное ржание огромного табуна, который плотной сплошной стеной окружил двух влюблённых, чтобы никто не посмел потревожить их тёмной ночью...

Но тут в завораживающий голос курая стали вплетаться незримые тревожные нотки, словно беду предвещали. Всё громче и чаще зазвучали они. И вскинулся испуганный табун. Задрожала ковыльная степь под копытами огромного табуна, и понеслись кони в ночной тьме по бескрайней равнине, оставляя влюблённых наедине с неминуемой бедою...

В ночной тиши раздался девичий плач, но прервал его грозный окрик, а следом раздался голос юноши, который встал на защиту любимой, но не стал умолять о пощаде, а начал говорить о своей любви, но было поздно. На полуслове оборвался. И умолк смелый юноша...

И разнёсся девичий крик над ковыльными степями. Полынной горечью охватило округу. Послышался быстрый бег и шорох камней, что осыпались с крутого склона. И опять раздался отчаянный и долгий крик. Заметалось эхо, словно птица между отвесными и безжизненными скалами, ударяясь о них, взлетая к чёрному небу и опускаясь к быстрой воде, и медленно затихло в чёрной непроглядной ночи.

Едва слышно звучал курай на берегу реки, словно вымаливая прощение, но не дождался и умолк печально...

Следом донеслась тяжёлая медленная поступь, зашуршали камни на круче, а потом наступила тишина, прерываемая всплесками ночной реки.

Долго лежал Александр, прислушиваясь к ночным звукам, и пытался заглянуть в свою душу, чтобы понять, что это было – сон или явь, но ответа не находил...

– Миннур, не спишь? – Александр не удержался и повернулся к другу. – Не спишь, говорю?

И протянув руку, дотронулся до друга.

– Не спится, Салим, – задумчиво сказал Миннур. – Лежу, думаю...

Сказал и замолчал.

– Я тоже лежал и думал, – сказал Александр и непроизвольно взглянул в сторону, где разговаривал курай. – Слушал и думал. Не могу объяснить это... – он покрутил в воздухе рукой. – А ты о чём думал?

И, приподнявшись, снова прислушался. Почудилось, что заговорил курай. Александр вздохнул. Показалось...

– Я лежал и думал о судьбах людских, жестокости, которая встречается в нашей жизни, – задумавшись, сказал Миннур. – Да обо всём думал и о жизни – тоже...

Сказал и снова замолчал.

– Я много слушал и слушаю разной музыки, частенько бываю на концертах, – сказал Александр. – Но там исполняют профессиональные музыканты, а здесь... – он помолчал и в темноте пожал плечами. – А здесь пришёл старик на берег реки, достал курай, заиграл, и я словно в другой мир попал. Не поверишь, Миннур, я будто в старые времена попал, увидел людей, которые жили в те времена, узнал обычаи. И табуны видел в степи, которых сейчас не встретишь. Да много всего промелькнуло перед глазами, о чём я никогда не знал и не задумывался. Что-то в душе перевернулось, когда слушал музыку. Странно всё это...

Он пожал плечами, а сам нет-нет, но прислушивался к ночным звукам, а вдруг вернётся курай, и тогда...

– Это была не музыка, – перебивая друга, сказал Миннур. – Это курай о жизни рассказывал. Говорил про те времена, когда этот старик, которого ты видел, был ещё безусым юношей. А ещё курай говорил о трагедии, что произошла в этом краю...

И снова замолчал, задумавшись.

– А что за беда произошла? – не удержался, сказал Александр. – Ты никогда об этом не говорил.

– Я знаю, что ты собираешь легенды и сказания о старине глубокой, о необычных случаях и людских судьбах, – немного помолчав, сказал Миннур. – Если бы я рассказал об этом в городе, ты бы ничего не почувствовал. Тебя нужно было сюда привезти, чтобы ты увидел и услышал то, о чём хочу рассказать. Но главное, твоя душа почувствовала, как говорит курай, о чём он рассказывает. Но мне хотелось бы рассказать ещё о старике, которого ты видел. И о его любви, которую он пронёс через всю свою жизнь. И той боли, что носил в себе долгие годы. Эта боль уйдёт с ним, но останется память о нём, которую будут беречь для потомков и передавать из поколения в поколение.

– Расскажи, Миннур, – чуть помедлив, сказал Александр. – И, правда, я ещё не слышал эту историю.

Он повернулся к другу.

– Ладно, расскажу, – задумавшись, сказал Миннур. – Расскажу, но меня не перебивай.

– Хорошо, не буду... – сказал Александр и опять насторожился, прислушиваясь к ночным звукам. – Почудилось...

Он замолчал.

– Так слушай... – Миннур помолчал, собираясь с мыслями, потом стал рассказывать. – Эта история произошла в далёкие времена. В нашем ауле, откуда я родом, где жили все мои предки, когда-то жил богатый бай Минихан. Деды рассказывали, что были у него несметные табуны, несчитанные стада коров, а отары такие, что никому не удавалось сосчитать поголовье. Наверное, сам бай Минихан не знал, сколько у него домашнего скота в наличии. А характер у бая был крутой и безжалостный. Что хотел, то и делал в округе. И никакой управы на него не было. Хозяином здешних мест считал себя, потому что он владел не только табунами, стадами и отарами, но и степи, леса и горы – всё было его собственностью.

Богатый был. В большом каменном доме жил, а люди ютились в лачугах. И охрану подобрал под стать себе. Как стая волков они рыскали по округе, готовые растерзать любого, кто слово против бая скажет или косо посмотрит на него. Вмиг расправлялись с такими!

Очень жестоким и коварным был Минихан, а вот дочка его, Алмабика, наоборот, выросла ласковой и доброй, а красавица такая, что в округе не сыщешь. Все удивлялись, что у жестокого бая и такая ласковая дочь. Едва отец со своей волчьей охраной за ворота, как Алмабика уже бежит в аул. С одним поговорит, другому улыбнётся, тому исподтишка поможет деньгами, а этому продуктами, или ещё чем-нибудь... Любому помогала, если была нужда. Никому не отказывала. Доходили слухи до бая, ругал непокорную дочь, грозился наказать её, но бесполезно. Рассмеётся в ответ. Зазвенит монисто, словно колокольчики. Хлопнет дверью. И убегает из дома. По тропке взбежит на вершину скалы, что над рекой склонилась, присядет на краю, смотрит на реку, на быструю воду и синее небо, на родной аул и бескрайние степи и начинает петь. Вроде для себя поёт, а голос её звонкий уже над округой разносится. Останавливались люди, поворачивались к скале, на краю которой она сидела, и слушали её удивительное пение, которое никого не могло оставить равнодушным.

И Гильман слушал, байский табунщик, очарованный её голосом и пением. А потом доставал курай, с которым никогда не расставался, и начинал

подыгрывать Алмабике, а ещё рассказывать о том, что полюбил её, но подойти не смеет к ней. И затихала природа в эти мгновения. Табуны стояли, не шелохнувшись, словно прислушивались к печальным рассказам курая о безответной любви.

Но однажды, когда Алмабика спускалась с крутой горы, она услышала волшебный голос курая. Сердцем почувствовала, о чём поёт-рассказывает он. И не удержалась, кинулась на его зов в ковыльные серебристые степи, где и повстречалась с Гильманом – красивым и храбрым юношей. Взглянули они друг на друга, и вспыхнула любовь в молодых сердцах. Жарким огнём опалило души. Но счастье молодых продлилось недолго.

Байская охрана прознала, что единственная дочь Минихана влюбилась в бедняка – табунщика. Выследили молодых, когда они миловались в бескрайней степи. Помчались к Минихану. Всё рассказали ему. Осерчал бай, разгневался. Хотел было с табунщиком расправиться, но другое дело задумал, чтобы сразу двух зайцев убить. А в ту пору сватался к Алмабике старый бай, что по соседству жил. И решил Минихан, что выдаст замуж единственную дочку за старика дряхлого, а потом с Гильманом расправится.

Велел жестокий бай запереть единственную дочь в доме и приказал готовиться к сватанью. Муллу позвали, чтобы никах совершить – брак скрепить молитвой. Старый бай примчался. Радовался, что в жёны отдадут молодую девушку – красавицу, лучше которой в округе не найти. Гости понаехали. Сидят за пологом, расшумелись, распорились, не могли договориться, какой магар – выкуп за невесту платить. И не слышали, как Алмабика выбралась через окно и по тропке помчалась к высоким горам, что вершинами небо задевали, а у подножья находился табун лошадей и её милый, любимый Гильман.

Но заметили в доме, что невеста сбежала. Понял Минихан, где нужно дочку искать. Вскочил на коня, позвал верных слуг, и в погоню пустились, чтобы с Гильманом расправиться за позор, что его семье принёс, ославил на всю округу.

Не успели убежать влюблённые. Услышали за спиной ржание лошадиное и грозные крики. Повернулся Гильман и увидел разгневанного бая, который держал в руках острую саблю. И встал на его пути юноша смелый, чтобы спасти свою любимую.

Заметила Алмабика, как сверкнула острая сабля, и повалился Гильман в серебристый ковыль, окрашивая его кровью. Закричала она, проклиная отца, что убил её любимого. Бросилась бежать от него. Взобралась на вершину скалы. На мгновение остановилась. Сорвала с груди хакал – женское украшение, бросила наземь. Обвела прощальным взглядом бескрайние родные степи, взглянула в синее небо и посмотрела вниз, где лежал окровавленный Гильман, ступила на край скалы и шагнула вниз в быструю реку. И вскрикнула раненой птицей. Заметалось эхо между высоких и безжизненных скал. Исчезла Алмабика в стремительной реке. Унесла её вода в дали дальние...

Бросился Минихан со слугами к реке, чтобы спасти дочку, но опоздали. Лишь заметили над водой белую птицу, доселе невиданную, которая заметалась над рекой, издавая печальные крики, а потом исчезла...

На следующий день опять Минихан вернулся на это место, где Гильмана зарубил, но не нашёл его. Лишь кровавый след тянулся на вершину скалы и там оборвался...

А вскоре заметили жители аула, что из расщелины появился молодой зелёный росток, протягивая к солнцу тонкие ветви. И с каждым годом росло

деревце, крепло и превратилось в берёзу – красавицу, прильнувшую к холодному и безжизненному камню...

Замолчал Миннур, задумался...

И Александр молчал, не нарушая тишины. Он ждал, когда снова Миннур станет рассказывать.

Долго лежал Миннур. О чём-то думал, а потом снова заговорил.

– Годы прошли с той поры. Минихан продал свои несметные табуны и уехал, куда глаза глядят. А куда он делся – никто не знает, но с той поры о нём не слышали. Местные жители понемногу стали привыкать к спокойной жизни. А однажды, в один из осенних ненастных дней увидели, как по разбитой слякотной дороге шагал человек в потрёпанной одежде. Он добрался до полуразвалившейся лачуги Гильмана. Постоял возле неё. Открыл дверь и зашёл.

Сначала жители подумали, что обычный прохожий решил остановиться в лачуге Гильмана, чтобы обогреться и обсушиться, а потом дальше пойти. Но прошёл день, другой и третий, а он не уходил. И тогда жители аула решили взглянуть, что за новый сосед появился у них. Зашли и глазам не поверили. Перед ними стоял Гильман. Седой, большой шрам по всему лицу и потухший взгляд. Он стоял, смотрел на всех, но не разговаривал. Ни на один вопрос не ответил. Лишь смотрел, словно хотел спросить, а где же она – моя Алмабика, почему вы не спасли её, но все отводили взгляд, не зная, что ответить. Ни единого слова не услышали жители от него. Навсегда замолчал Гильман.

Но в тот же вечер жители аула впервые услышали, как на берегу реки печально заговорил курай, рассказывая о той беде, что здесь произошла, и красавице Алмабике, которую Гильман до сих пор так и не смог забыть. И каждый день, в одно и то же время, нарядившись, Гильман уходил к реке. Присаживался возле скалы, что над рекою склонилась. Доставал курай, и тот начинал рассказывать за Гильмана о прошедшей жизни, о красоте родного края, про бескрайние серебристые степи, о скалах отвесных и быстрой реке, а ещё говорил про Алмабику, любовь к которой он пронёс через всю свою долгую жизнь. И каждый день приходит к берёзе, что в расщелине растёт, чтобы вновь встретиться с молодостью своей, давно ушедшей...

Эту историю мне хотелось рассказать, Салим. Историю о любви и курае, который умеет о ней рассказывать печально и горестно.

Сказал Миннур и замолчал.

Долго лежал Александр, думая об услышанной истории, и вспоминал курай, который умел разговаривать. Растеребил, растревожил душу рассказ и курай, какой умеет передавать чувства людские и показывать яркие образы и живые...

Над рекой за клубился густой предутренний туман, закручиваясь в фигуры фантастические. Светало, когда Александр заснул. И снились ему степи бескрайние, высокие горы и быстрые реки, а ещё приснилась ему Алмабика – птица белая, парящая над быстрой водой и берёза – красавица, что прильнула к холодному и безжизненному камню, а ещё услышал, как вновь заговорил курай о безответной любви, которую старик пронёс через долгие годы...

Юлия Геннадиевна Александрова – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 г. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великороссь» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.

«Какое счастье – просто жить!..»

А снег идёт который день.
Укрыты им деревья, храмы.
Он нежный, словно руки мамы,
В нём есть и свет, и полутень.

Украсил ёлку во дворе,
Надев блестящие гирлянды.
Они похожи на шаланды.
Морские. В лунном серебре.

Этюды маслом на стекле
Нарисовал, создав узоры.
Здесь для фантазии просторы,
Когда мой город весь во мгле.

Снег на губах – слова отца:
Так холодны, но справедливы..
Зимой природа молчалива,
А снег всё сыплет без конца.

Мой город погружается в весну
Волшебную, как дымка над поляной.
И звоном колокольчиков стеклянных
Трамваи нарушают тишину.

Им вторят всех церквей колокола,
Зовущих прихожан на литургию.
У многих по деревне ностальгия
В квартирах из бетона и стекла.

А в парках буйство красок, аромат.
Повсюду жёлто-красные тюльпаны.
И город мой зализывает раны,
Как пёс бездомный. Так теплу он рад.

Весна взмывает птицей в облака,
И город устремляется туда же.
Он начал этим нравиться мне даже,
Ведь поступь его сказочно легка.

Какое счастье – просто жить.
Проснувшись рано, на рассвете,
Смотреть в окно, как солнце светит,
И мигом этим дорожить.

Какое счастье слышать дождь,
Что бродит за окном, мальчишка,
Читать под эти звуки книжки
И ждать, что ты ко мне придёшь.

Какое счастье ощущать,
Как ветер волосы целует
И в ухо ласково так дует –
Готов любовь пообещать.

Какое счастье различать
И запах трав, и запах хлеба,
И дыма, что взлетает в небо...
Ведь запах – памяти печать.

Пытаюсь снова полюбить,
А вкус любви... Он кисло-сладкий.
Любовь – извечная загадка.
Какое счастье просто жить.

По листьям клёна стекает осень,
Она с рыжинкой миндальных глаз.
И воздух пряный могучих сосен
Ласкает ноздри, пустившись в пляс.

Очки из тучи с утра наденет,
Свой защищая от солнца взгляд.
А днём заплачет дождём прозрений:
В нём грусть и радость всегда царят.

По мягкой травке гуляет дива,
Поддев носочком засохший лист.
Взлетает в воздух он так красиво,
Но тут же сверху стремится вниз.

Глазами выпью хмельную осень,
Вдохну всей грудью её покой.
Продлись октябрь, что венценосен,
Ведь до зимы нам подать рукой.

Предзимье

Предзимье – очень грустная пора:
Темнеет рано, рассветает слишком поздно,
По-стариковски тучи хмурятся так грозно,
И каждое сегодня как вчера.

Деревьев ветви распластались по холсту
Свинцово-серого ноябрьского неба,
Синички сала просят, семечек и хлеба,
А вьюгу уже слышно за версту.

Висит листочек, как просроченный билет
На скорый поезд, что проехал через осень.
И в сером небе появившаяся просинь
Подарит взорам долгожданный яркий свет.

Падает снег

Иоланда не отвечала. Длинные гудки барабанили в ухо, заглушая вой ветра и жалобный крик деревьев за оконной рамой. Нервы Павла были на пределе. Он звонил ей каждые полчаса, как по расписанию. Где же эта авантюристка? Улетела с подружкой в Милан, потому что захотелось отдохнуть, расслабиться? Шляется по ночным клубам, отсыпаясь до ужина? Или отправилась развлекаться в круиз на большом морском лайнере, не потрудившись сообщить об этом? И нежится сейчас на солнце, наслаждаясь последними тёплыми днями поздней европейской осени. Впрочем, на неё это похоже. Она умеет выкидывать фортели и делать всё, что взбредёт в голову.

Ещё раз позвоню, уговаривал он себя, и всё. Хватит! Но бездушный голос неизменно повторял, что абонент недоступен.

— Ну, мало ли почему не отвечает, может, нет возможности, — резонно возражал внутренний голос. — Перестань уже себя накручивать. Ничего сгоряча не решается. И вообще утро вечера мудренее. Ляжешь спать, а завтра, глядишь, а проблемы-то и нет, всё уладится само собой...

Он так и не смог уснуть, всё ворочался с боку на бок на кровати, то поворачиваясь к окну, то к стене. И думал об Иоланде. Черт побери, он любит её и не хочет, чтобы с ней что-нибудь случилось. Конечно, она ничего ему не обещала. Признаться, они и знакомы-то были недолго, но её поведение ранило, воспринималось как предательство, и ничего он не мог с этим поделать: обида и злость сплелись в душе в тесный клубок. А вдруг она его бросила? Ушла насовсем? Но этого не может быть. Он вроде бы нигде не оплошал, любил и лелеял её больше, чем кто-либо другой. Нет, официального предложения не делал, хотел это обдумать, обставить всё красиво... И купить, наконец, ей бриллиантовое кольцо из белого золота, о котором она мечтала...

Когда часы показывали далеко за полночь, он выполз из-под тёплого одеяла, натянул толстые

Валериан Владимирович Маркаров – родился в Тбилиси, в семье тбилисских интеллигентов. С отличием окончив факультет истории Тбилисского Университета, впоследствии изучал бизнес и менеджмент в США и Израиле. Занимался преподавательской деятельностью, трудился в ряде международных организаций и дипломатических миссий. Колумнист и писатель, чьи романы переведены на несколько языков мира и получили признание экспертов на Международных литературных конкурсах.

Живёт в Тбилиси (Грузия).

носки и потащился на кухню, чтобы сварить себе кофе. Поспешно отпив пару глотков горячего напитка и откусив от бутерброда с пармской ветчиной, вновь принялся за старое, рука снова потянулась к телефону, непрерывно нажимая на кнопки. Но и на сей раз механический голос отвечал, что абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети, перезвоните позже. Да, похоже, мобильный телефон у неё отключён.

Он представил Иоланду в объятиях другого мужчины, и у него застучало в висках. Да что же это происходит, чёрт побери?! Павел был на грани срыва, неизвестность и тревога душили и захлёстывали его. Казалось, весь мир бросил его, оставив погибать в одиночестве. И он сидел, сжавшись в комок, кусал губы и смотрел в пол потухшими глазами. Потом, достав пачку сигарет и чиркнув зажигалкой, он медленно затянулся. Сизый сигаретный дым поплыл по комнате. Он открыл окно, чтобы впустить свежего воздуха. Почувствовав прикосновение колкого озноба, поёжился и выдохнул изо рта пар. Осень уже вступила в свои права, но в этом году была особенно нетерпелива: навалилась всей своей мощью, окутала туманом, заморозила деревья и землю, закрутила по улицам опавшие листья и вселила питерскую сырость в души людей. Внизу, на улице, куда-то спешили машины, компании молодых людей торопились, громко разговаривая и смеясь, их сигареты ярко горели в темноте, чьи-то глаза были прикованы к экрану смартфона. Влюбленные парочки шли, прижавшись, друг к другу, словно они выросли один в другого. Но привычный городской вид был нынче иным: он сменил краски, улица казалась выцветшей, как старые фотообои, размытой, как декорации в старом фильме. И только холод был самым настоящим. Павел только успел закрыть окно, как снаружи хрустнула ветка, потом ещё, затем протяжно застонало старое дерево и с грохотом повалилось на землю. И тишина... тишина четырёх стен – она сдавливала виски, причиняя невыносимую боль...

...С Иоландой они познакомились пару месяцев назад в одном из ночных клубов на Невском, куда оба пришли выпить. Он – от того, что опять остался один, она – от того, что лишилась работы. Весьма обыденно, не так ли? Это была молодая девушка привлекательной наружности, в коротком коктейльном платье и туфлях на высоких каблуках. Она сидела за соседним столиком, ленивоковыряла мороженое и время от времени бросала на него томный взгляд...

Её привлекали деньги – она довольно прозрачно намекала на это, заигрывая с ним. Его же чувства к ней на тот момент были простыми и примитивными. У него было всё, чего хотела она, а у неё – то, чего желал он. После пятой рюмки абсента она повисла у него на шее в медленном танце. Он, словно замороженный, смотрел на неё, растворяясь в бездонных озёрах её выразительных глаз. Ему нравилось, как она смеялась, как неуклюже передвигала ноги, как поправляла чёлку, как прикусывала нежно-розовые губы, горячие и влажные. Он высмотрел все родинки на её лице, шее, руках, оголённых до локтей, познал её запах, терпкий и сладковатый, с нотками миндаля, смешанный с тонким ароматом парфюма, но желал узнать её ближе. Пусть незнакомка и пьяна, и он ещё не знает её имени, но она привлекла его. Зацепила. Встряхнула что-то на дне его души, нечто улегшееся, но взметнувшееся высоко и замутившее все его мысли...

И она исподволь смотрела на него, словно изучала. Да, выглядит он потрясающе: брюнет, метр восемьдесят, острые скулы, безупречный профиль, а ещё – взгляд. И эта улыбка, она действительно у него хороша:

сначала иронично поднимается одна бровь, а потом расцветает всё его лицо, когда крупные губы обнажают ровные и белоснежные зубы на слегка смуглом лице...

Спустя час они уже ловили ночное такси. Свой автомобиль Павел оставил на парковке. Французский коньяк, которым он разогревал себя, бурлил приличным градусом в крови, затуманивая мозги. В машине она безудержно хохотала, пытаясь что-то рассказывать заплетающимся языком. А дальше всё развивалось настолько стремительно, что Павел и опомниться не успел, как влюбился.

Это действительно было похоже на настоящие отношения... Или, по крайней мере, что-то заставляло его так думать. Они встречались каждый день и проводили вместе почти каждую ночь, насколько позволяла его занятость. Именно поэтому он и начал строить наивные планы на дальнейшее совместное будущее. Он покупал ей великолепные украшения и букет за букетом, дорогие конфеты, устраивал ужины с шампанским, водил на танцы до утра в эксклюзивные закрытые ночные клубы, где их никто не беспокоил.

Всего три дня назад они вернулись в город святого Петра из Парижа, где провели романтический уик-энд. Ещё месяц назад Иоланда взяла с него слово, что он подарит ей Эйфелеву башню, а взамен сулила превратить вояж в незабываемое и полное романтики приключение. Павел сдержал обещание – они сняли номер «люкс» в шикарном отеле на Шанз-Элизе, гуляли по бульварам, Люксембургскому саду и Тюильри, наслаждаясь их умиротворённой атмосферой, посетили Нотр-Дам и Монмартр, откуда поднялись по знаменитой лестнице к базилике Сакре-Кёр, побывали в Гранд-опера и Мулен Руж. Утром они завтракали в ресторане своего отеля, и суетливый гарсон в красной куртке и длинном белом переднике исправно подавал им кофе с молоком и две тарелочки со свежееиспечёнными круассанами, от которых пахло ванилью и чем-то ещё, напоминая Павлу безоблачное детство, из которого всегда выплывали аппетитные запахи свежей выпечки. Потом они бродили по всем пяти этажам Лувра и Орсе, рассматривая шедевры Мане, Дега, Ренуара, Гогена, Ван Гога и других великих художников. Лениво блуждали по утопающему в зелени Марсову полю, по набережной Сены, любуясь снующими по ней корабликами, украшенными мириадами фонарей. А ближе к вечеру готовились к ночным развлечениям вкупе с дорогими деликатесами и великолепным шампанским, сладко обжигаяющим губы. И великая французская столица гостеприимно зажигала для них свои яркие огни под неизвестно откуда льющиеся звуки аккордеона и хриплого женского вокала, страстно затягивающего «Tombe la neige» Сальваторе Адамо. Говорят, знаменитый шансонье написал её на клочке бумаги.

Первым сюрпризом для Павла стало то, что Иоланда не захотела идти в Гранд-опера. Как скучно, протянула она тоном избалованной девочки, скривила ротик и отвернулась к окну, не желая поддаваться на его настойчивые уговоры, что дают балет Баланчина, и что росписи на потолке театра сделал сам Марк Шагал. И перестала упрямиться лишь после того, как он пообещал ей посещение кабаре Мулен Руж – поглазеть на голые ножки развратных танцовщиц с перьями. Она честно высидела балет до конца, и, кажется, он ей даже понравился, но было понятно, что представления иного рода и шопинг доставляли ей куда большее удовольствие. Возможно, именно с тех пор и наметились их разногласия. Он для неё оказался слишком романтичным и окультуренным, она же для него слишком капризной, прагматичной и

приземлённой. Она до страсти обожала развлечения, а самое главное – знала в них толк. И кто знает, быть может, любила охоту на мужчин, но об этом мало кому довелось узнать, поскольку в числе её пороков не было привычки разбалтывать свои затаённые мысли.

Павел тоже умел брать от жизни лучшее, причём легко, не задумываясь, как человек, который убеждён, что имеет на это право. Ведь он красавец – мужчина, уверенный в себе на все сто. Ему повсюду сопутствовал успех – и в бизнесе, и в жизни. Именно к Павлу обращались многочисленные родственники, друзья и знакомые за помощью, и он небезуспешно разруливал их неприятные проблемы, в первую очередь, конечно, денежные. Он разбирался в винах так, как никто из его окружения, ценил хорошую кухню, любил быстрые яхты и качественные автомобили. Часто менял марки машин, оставаясь верным только одной – своему «Мерседесу». Дорогие костюмы и часы, ботинки и бельё, сигареты и сигары, парфюм и средства для ухода за собой – всё у него было отменного качества. Не говоря уже о женщинах: он с лёгкостью очаровывал девушек и наслаждался их восхищением.

Но с Иоландой что-то пошло не так. После знакомства с ней он, как, наверное, каждый влюблённый, стал похож на идиота с задурманенным рассудком. И однажды ему показалось, что она заметила это в его поведении и теперь просто посмеивается. Вчера утром, уже сделав шаг за порог, он вдохнул обволакивающий Иоланду нежный, соблазнительный запах, потерял самообладание, повернулся к ней, обхватил за талию и сильным рывком привлёк к себе. Его губы, горячие и жаждущие, накрыли её рот и становились всё жаднее. К его удивлению, она отвернулась, холодно высвобождая свою руку из его руки с нервным смешком. Похоже, с ней творилось что-то неладное. Взволнованный, он заглянул в её лицо: оно ему не понравилось, выглядело каким-то разочарованным.

– Что с тобой? Что-нибудь случилось? – спросил он. – Или ты нездорова?

– Да, у меня сегодня болит голова, приму таблетку, – соврала она, ушла в спальню и закрыла за собой дверь.

Скорее всего, она просто хотела прекратить с ним отношения, поставить в них точку. Не исключено, что она его и не любила, а была с ним от нечего делать, играла в свою игру, в которой он был мачо, она – его женщиной. А когда вконец ей стало скучно, она ушла, сильно его удивив: ведь это его роль, это он бросает девушек, он не привык к тому, что бросают его.

В Париже её неистово тянуло в мекку французского шопинга – на Бульвар Османа, в самые роскошные бутики с мировыми брендами типа Шанель, Гуччи, Гарри Уилсон, и дома Моды на Авеню Монтень. А он просто хотел, чтобы она улыбалась ему.

– А ты купишь мне «Феррари Портофино», когда вернёмся в Питер? – спрашивала она, сверкая голубыми, как летнее небо, глазами. Она была без ума от быстрой езды – пожалуй, не из-за самой любви к скорости, а потому, что это привлекало внимание к её персоне. Всякий раз, садясь за руль его автомобиля, она резко и до самого пола вдавливала педаль газа, и через доли секунды ветер уже раздувал её длинные волосы.

– Куплю, – соглашался он, и Иоланда мечтательно жмурилась.

– А дом за городом?

– И дом! – дом у него уже был. Симпатичный двухэтажный коттедж, тихий оазис в сосновом бору на берегу Ладоги. Но зачем портить сюрприз?

– Хочу, чтобы в гостиной было панно и большой мраморный камин, а под потолком висели оленьи рога. И два кресла – а между ними фонтан бьёт из бассейна, как из озера, в воде плавают золотые рыбки. Из бассейна журчащие ручейки падают в нижнее озеро, обрамлённое скалами. Кругом – море зелени и цветов. Да, и чтоб обязательно шкура на полу, вместо ковра...

Павел не уточнял, чья шкура, да хоть саблезубого тигра, лишь бы она продолжала улыбаться. Лишь бы в этом камине горел огонь. Лишь бы в этом доме его ждали с работы. Лишь бы в нём жили весёлые голоса и смех. Может, даже детский.

А пока дом пустовал. За его дверью поселилась звенящая тишина, тревожная и тоскливая, нарушаемая редкими завываниями собак, а от стены к стене, цепляясь хвостом за мебель, шастало эхо. Черепичную крышу засыпало жёлтыми осенними листьями, а каменные ступени поросли травой на радость юрким зелёным ящерицам. Уже давно никто не открывал дверцы старинного серванта, никто не сидел на стульях за овальным столом. Это ужасно, когда в большом доме живёт тишина, тогда он кажется ещё больше, и на ум приходят всякие неприятные мысли.

Он отложил в сторону телефон и подошёл к окну. Последние листья неохотно покидали ветви деревьев, то ли с грустью, то ли с сожалением, и бесстрашно улетали прочь, к земле, чтобы завянуть и умереть. Он вздохнул. А листья за окном всё кружили и кружили в каком-то завораживающем смертельном танце.

Нет, звонить ей нет смысла. Она не ответит. Ветер усилился, заносил улицу листопадом. Наверное, и там сейчас метёт, в маленьком, забытом богом Мельниково, наполненном осенью до краёв. Посёлке, откуда рукой подать до храма апостола Андрея Первозванного, поднимающегося из водной глади Вуоксы. Где вместо метро и асфальта ярко освещённых проспектов старенькие мостовые, где он уже и не помнит, сколько лет не был. Там так же мокрые, неприкаянные листья липнут к двум узким окнам маленького дома с видом на зелёную лужайку. Там никто и никогда не мечтал о камине и шкурах на полу, но всегда было уютно и тепло. Тепло было под мягким одеялом на тахте. Тёплым был пар над чашкой сладкого чая перед школой, он струился, выписывал чудные силуэты и исчезал. Тёплым был ленивый серый кот Тимоша, вечно дремлющий в плетёной корзине с клубками ниток. Из этих клубков вязались на спицах удивительно тёплые шерстяные варежки, шарфы и носки. И тёплой была ладонь на его щеке.

Павел не заметил, как за окном начал падать снег. Крупными хлопьями, похожими на ватные шарики он летел из небытия, накрывая снежным покрывалом землю. Он не стал задёргивать шторы и зачарованно смотрел, как снег танцует и серебрится в тусклом свете ночных фонарей, облачённых в светлые ореолы. В памяти всплыли слова знакомой песни «Tombe la neige», услышанной им всего несколько дней назад на берегу Сены. Тот хриплый женский вокал заморозил его больше, чем сама мелодия, никогда он ещё не слышал такой мощи, такой красоты, такой страсти:

*Падает снег... Ты не придёшь этим вечером.
Падает снег... И моё сердце одевается в чёрное.
Ты не придёшь этим вечером, – кричит мне моё отчаяние,
Но падает снег, невозмутимо кружась.
В холоде и белом одиночестве.*

Павел молчал. И его телефон молчал вместе с ним. Иоланда. Где ты теперь? Он уже не был уверен, что хочет это знать. Может, он просто придумал себе её улыбку, её бездонные глаза цвета неба, нежно-розовые губы? И их завтра – одно на двоих? А на самом деле и не было ничего. Она бросила его, как старый чемодан, без объяснений. А что будет дальше, если она объявится? Ведь оставила же в ванной комнате свою дурацкую, розового цвета, зубную щётку, флакон неизвестно с чем и многочисленные, полупустые баночки с кремом – ох! они бесили сильнее всего: он всегда видел в них тайных агентов, которые нагло внедрились на его суверенную территорию. Нет, этого совместного «дальше» ему уже и не хотелось. Что-то надломилось внутри и медленно дотлевало, так и не загоревшись. С Иоландой уже не загорится. А, может, и ни с кем другим. Он лихорадочно сгрёб в кучу всё то, что осталось от неё, смахнул в пакет и брезгливо опустил в мусорный контейнер.

Наверное, он хочет чего-то невозможного. Может, он тоже, как эти одинокие снежинки, кружит и кружит по жизни, бесцельно и безвольно, не зная, что ему нужно. Сила северного ветра тащит его за собой, а он покорно летит. Как все. И не понимает, что не туда. Хватит обманываться. Пора спуститься на землю, заглянуть внутрь себя – там его настоящие чувства. Зачем ему тихое уютное гнёздышко в сосновом лесу на берегу Ладоги, в котором никто не живёт? Зачем камин, неспособный спасти от одиночества? Ведь греет не пламя, а сердце, которое любит и ждёт.

Он взял со стола телефон. Пролистал список контактов. Нашёл тот, на который не звонил, к стыду своему, очень давно. И торопливо набрал номер, с замиранием сердца слушая ровные телефонные гудки, чуть нахмурившись. С каждым из них накатывала волна страха: ему казалось, что в ожидании прошла целая вечность. Впервые в своей жизни он почувствовал себя таким беспомощным. Потому что теперь действительно боялся, что не ответят. Ведь не было уже давно старенькой тахты, не было тёплого кота Тимоши. И от страха, что нет больше и того, кто его всегда ждёт, вспотели ладони. Сердце застучало где-то в горле, в ушах зашумело. Ещё один гудок, ещё один, ещё...

– Алло, – наконец-то ответил на другом конце провода тихий старческий голос. Павел с облегчением выдохнул.

– Мама, – произнёс он, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул и не выдал охватившее его волнение. – Мама, это я... Как ты там? Мама, можно я завтра приеду?

ПОЭЗИЯ

Валентин ЛУШИН

Валентин Владимирович Лушин – родился в 1950 г. в Узбекистане. Окончил военное училище в Ташкенте. Посвятил военной службе около 30 лет. Начав службу лейтенантом пехоты, в запас ушёл в звании полковника ФСБ. Автор четырёх книг стихотворений. В творчестве обращается как к любовной, так и к гражданской лирике.

Живёт в Москве.

«Поэт не может жить иначе...»

Ода охотнику

Подполковнику Игорю Чарину,
однополчанину

Он был когда-то силовик,
Довольно крепкий мальч.
Потом, уйдя в запас, не сник,
Не портит честь Державы!

Сейчас оружие ему,
Как прочим табуретка,
И потому, и посему
Вполне стреляет метко.

Его к охоте на волков
Призвали из Тамбова.
А серый хищник – о каков!
Эт вам ведь не корова!

Избавив сёла от зверья,
Крестьяне осмелели.
Его в тамбовские князья
Уже позвать хотели.

Но Игорь молвил: «Не с руки,
Судьба опять уносит,
Меня тверские мужики
Сходить на вепря просят».

Разгулы диких кабанов
Достали до упору.
Обидев местных шалунов,
Погнал кабанью свору.

Тут рядом встретился медведь –
Шалун, бродяга грозный.
Не только может зареветь,
Медведь – клиент серьёзный!

Клыки и когти велики,
Сильна медвежья лапа.
Не скажешь с юмором: «хи-хи»,
А после: «Здравствуй, папа!»

Короче, нету медведя.
Висит медвежья шкура.
Пусть не ослабнет никогда
Охотничья натура.

Для встречи в Академии

Управлялся почти без мата,
И без страха на мир глядел.
Пистолет, автомат, граната –
Атрибуты военных дел.

Обученье в просторном поле.
Взвод курсантский в атаку вёл.
Поглядеть вам на это стоит,
Как патрон загоняют в ствол!

А когда упадёт граната,
Содрогнётся чужой окоп.
Здесь приятно ругнуться матом –
Это ж вам не в салат укроп.

С пацанами «ура» кричали.
Веришь, кафедра? Вспомнить рад.
Ведь бывали всегда в начале
Поле, стрельбище, автомат!

Президент Зеленский

Пронеслась большая драчка.
Пляшет время налегке.
Он, как мелкая собачка,
На коротком поводке!

Коль бывает перебранка,
Одобряй любую ложь,
Коль велят молчать – молчанка.
Говорят ори – орёшь.

Лаять надо непременно,
Ежечасно на восток.
А не то – смотри, измена,
Не получите кусок.

У слона под боком шавка.
Он и ухом не ведёт.
Но когда начнётся давка,
Кое-кому не повезёт!

Певунья

Я помню час, когда Вы пели.
Снежинки падали, кружась,
Слова печальные летели,
От оболочек обнажась!

Всё это было так серьёзно:
И звук, и тонкая рука.
В душе томительно и слёзно,
Но мне такая боль легка.

В окне мороз заплёл узоры,
Картины вечные твоя.
Звучал романс, затихли споры
О нежном счастье января!

О поэте

Не удивляюсь – прочь сомненья!
Довольно споров: кто кого!
Поэты – жертвы настроения.
Настрой – и больше ничего!

Довольно попусту судачить,
Тряся поэтовы грехи.
Поэт не может жить иначе.
Он не приятель чепухи.

А вы, которые серьёзны,
Ужасно мудры и тихи,
Вам не понять объятий слёзных
И сердца грохот и рывки.

На память от поэта

Когда слова ложатся в строки,
В поэму грустную любви,
В их нескончаемом потоке
Прекрасный миг останови.

Возьми на память от поэта
До встречи с чуждой стороной
Кусочек северного лета
На пару с русской весной.

А может, просто взгляд прощальный,
Тебе навязанный судьбой,
Полусмешной, полупечальный,
Запечатленный образ мой.

Кто вы, люди?

*Человечность – это путь
каждого человека к самому себе.*
Конфуций

Жил один рубаха-парень,
Был открыт и чист душой.
По чужим углам не шарил,
Вырос сильный и большой.

Жил по совести, без страха,
Уважал отца и мать,
И последнюю рубаху
Был готов с себя сорвать!

Но, увы, плохие люди
Не щадили чудака:
Оплошает – не забудут
Выдать смачного плевка!

Подлость с подлыми пребудет,
Но, не раз сражаясь с ней,
Вопрошал он: «Кто вы, люди,
Звери? Нет – они честней!»

Приамурская осень

Начало сентября

Утро началось шушуканьем голубых сорок в кронах. Птицы совершенно не попадались на глаза, хотя дачники Благовещенска и Хабаровска видят их постоянно. Звучали голоса белоглазок, но было очевидно, что скоро эти экзотические птицы отправятся в тропические широты, где обитает большинство их родственников. Все белоглазки – а их известно свыше 300 видов – узнаются по светлому кольцу вокруг глаза. Недаром во многих языках их названия переводятся как очковые птицы.

По календарю наступил последний день лета, но в пойме Норы стояла жара. После полудня в тени термометр показывал 28 градусов тепла, для Северного Приамурья это было перебором. Деревья под влиянием затянувшегося зноя сбрасывали листья, которые шуршали под ногами скукоженные и жалкие, так и не налившиеся осенним золотом.

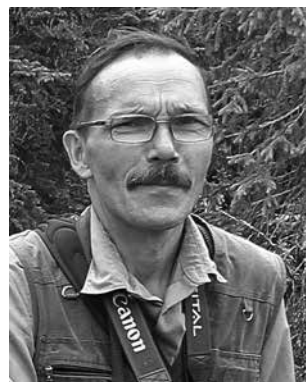
Я жил на Мальцевском кордоне Норского заповедника второй день. В лесу тучами вились комары и мошка. Птицы проявляли себя редко. Гнездовой сезон закончился.

Вокруг колготились бурундуки. Они знали, что зима не за горами, и занимались интенсивными заготовками. В ход шли даже семена подорожника,

Бурундук

Василий КОЛБИН

Василий Анфимович Колбин – родился 9 августа 1961 г. в селе Красный Бор Елабужского района Татарской АССР. Окончил биологический факультет Пермского государственного университета. Орнитолог. Кандидат биологических наук. Член Союза журналистов России (2012). Автор более ста публикаций на научные и научно-популярные темы. Автор и соавтор нескольких книг, посвящённых природе и животному миру Пермского края. Лауреат премии фонда Ф.Р. Штильмарка в номинациях «Книги о природе для детей» и «Достижения в науке» (2010), лауреат IV Всероссийского конкурса имени В.М. Пескова «Окно в природу». Член Союза писателей России (2013).

Живёт в городе Красновишерске Пермского края.

который в массе разросся возле избушки. Зверьки набивали защёчные мешки, и эти знаки домовитости топорщились по бокам головы, даже если они поворачивались ко мне спиной. Бурундуки были повсюду, они совершенно не смущались присутствием человека и проверяли всё, что плохо лежит. Стоило мне бросить в холодную железную печь фантик от конфеты, как вскоре он оказывался во рту у следившей за мной полосатой белки. Бурундук долго размышлял о том, пригодится ему в кладовой такая аппетитно пахнущая бумажка или нет. Потом он скрылся под досками, не выпуская добычу из пасти.

Берёзовые листья трепетали на ветру, и их шелест казался шёпотом самой осени. Изредка доносился голос большеклювой вороны, и снова воцарялась печальная тишина. В осеннем безмолвии как будто концентрируется грусть по весеннему птичьему многоголосью, по молодой зелени листьев и по мимолётности нашей жизни.

Под вечер я перебрался на резиновой лодке на другой берег Норы. Здесь тянулась обширная отмель, где можно было встретить пролётных куликов. Но длинноклювых птиц не было. Даже вездесущие перевозчики уже покинули эти места, отправившись в осенние странствия. По берегу валялись раковины двусторчатых моллюсков, длина некоторых достигала 20 см. На реках европейской России таких гигантов мне встречать не приходилось.

В конце отмели на илистом берегу кормились горные трясогузки. На одной из коряг, застрявших на мелководье, сидел баклан. При моём появлении он поднялся и полетел вверх по реке. Видимо я испортил ему рыбалку. Комары свирепели, на них почти не действовали репелленты. Солнце заползло за ивняк. Быстро наступала ночь.

Когда мрак сгустился, на кордоне появился выводок болотных сов. Ночные охотники бесшумно чертили небо и временами выясняли отношения между собой. Узенький серпик месяца почти не освещал небосвод, и, наверное, поэтому необыкновенно яркими казались звёзды. Через какое-то время с юго-востока напоздла мгла и поглотила ущербную луну. Похоже, надвигалось долгожданное ненастье.

Ночью, в самый разгар первого сна, бесцеремонное шуршание в углу возле печки разбудило меня. Как могут эти мелкие зверьки, имеющие название восточно-азиатская лесная мышь, производить столько шума! Сумку с продуктами я предусмотрительно повесил на гвоздь, и мышам до неё было не добраться. Но они нашли себе другое дело – проверяли содержимое печки, куда было напихано много всякой всячины для сожжения. В результате для меня наступило время прерывистой дрёмы. Грызуны будили постоянно. Особенно нравилось им то, что потолок и стены лесной избушки недавно обили фанерой, в результате хвостатым зверькам можно было устраивать весёлые забеги по потолку...

Утро следующего дня, вопреки ожиданиям, оказалось ясным. Я снова отправился в ивняк на противоположном берегу, где на этот раз было значительно веселее. Большинство птиц – солнцепоклонники, вот и теперь множество пернатой мелкоты копошилось в залитых солнцем зарослях. По кустам перепархивали десятки пеночек-зарничек и бурых пеночек, розовые урагусы то и дело взбирались на вершинки веток, бросали на меня любопытный взгляд и снова скрывались в листве.

Привычную картину нарушили неведомые овсянки, которые поднялись с отмели. Они уселись на ближайших ивах и позволили поймать себя в

видеоискатель. С первыми кадрами сомнения в их видовой принадлежности исчезли – это были желтобровые овсянки. Птицы занесены в Красную книгу Амурской области, а мне они встретились второй раз в жизни. Конечно, нельзя сказать, что желтобровые овсянки – невероятная редкость, просто они обитают в той части Восточной Сибири, которая остаётся наименее изученной орнитологами.

Ближе к обеду набежали тучи, и собралась странная гроза, при которой после нескольких раскатов грома на землю упали редкие капли дождя.

Вскоре небо очистилось, и мной вдруг овладела охота к перемене мест. Если есть резиновая лодка, то совсем нетрудно отправиться вниз по течению.

Утром следующего дня, с немалым трудом разместив всё своё снаряжение в лодке, я увенчал большой рюкзак внушительным объективом с терпящимся на одном его конце фотоаппаратом, сам расположился напротив, с тем чтобы всегда можно было бросить вёсла и схватиться за чудо-оптику.

Когда это произошло? Вроде бы совсем недавно, ещё в 2011 году я мог во время экспедиции переместиться из одной точки в другую за один раз. Всё что нужно умещалось в одном большом рюкзаке за спиной и фоторюкзаке спереди. Теперь же переход с одного места на другое можно совершить только за два рейса. Кто-то бы вывел формулу, во сколько килограмм аппаратуры обходится хороший кадр. Конечно, снимать можно и без дорогих «стёкол». Чутьочку везения и всё...

Со знакомой коряги снова поднялся большой баклан, и его крестообразная тень скользнула по воде возле лодки. Ниже по течению, возле островка слышались какие-то басовитые звуки. Вскоре стало ясно, что теперь уже целая группа больших бакланов делится между собой впечатлениями о недавней рыбалке. Интересно, что голоса рыбоядных птиц благозвучностью не отличаются. Пожалуй, самым неприятным тембром обладает серая цапля. Крик этой голенастой птицы в сумерках развеет лиричность любого тихого вечера.

Со мной общаться бакланы не захотели, что не удивительно при всеобщей нелюбви к этим птицам местных жителей. Многие аборигены не прочь истратить пару патронов, лишь бы чёрных конкурентов – рыболовов было поменьше. Бакланы появились на Норе и Селемдже сравнительно недавно, а теперь стали самыми обычными птицами региона.

На галечной отмели островка кроме улетевших бакланов кормились кулики – большие улиты. Они также не отличаются доверчивостью к людям, поэтому островок опустел, когда лодка поравнялась с ним. Я осмотрел в бинокль отмель, где кормились птицы, и обнаружил одинокого кулика, который остался на

Большой баклан

Щёголь – новый пролётный вид
Норского заповедника

в осеннем перье. Поражала доверчивость птицы. Обычно так ведут себя северяне, которые никогда не видели людей, и воспринимают их кем-то вроде северных оленей или медведей.

Утолив свою страсть к фотографированию нового вида, я оттолкнулся от берега, а щёголь остался на понравившемся ему островке.

Русло реки Норы изгибалось плавной дугой на несколько километров. Временами задувал сильный встречный ветер, и приходилось прижиматься к подветренному берегу. Вскоре с левой стороны в Нору вклинилась небольшая протока реки Селемджи. Более светлая серовато-зелёная селемджинская вода разительно отличалась от тёмной норской. Прямо слияние Амазонки и Риу-Негру!

Мощная и своенравная Селемджа бежит, образуя множество протоков и рукавов. При этом каждый год русло и протоки меняют свои очертания. Нора сливается с Селемджой постепенно. Первоначально она принимает в себя две протоки главной реки, и лишь пробежав ещё несколько километров вдоль Усть-Норской сопки, окончательно соединяется с нею.

В начале протоков и по бокам островов скапливаются горы плавника, образуются заломы. Из-за этого сплав по Селемдже до её встречи с Норой весьма опасен. Старожилы часто находят в малую воду байдарочные вёсла и другие следы катастроф незадачливых туристов.

Тем временем я миновал Усть-Норскую сопку и остановился на обширной отмели большого острова неподалёку от посёлка Норск. Селемджа поражает своим каменным руслом. На многие километры в наступившую осеннюю межень тянутся вдоль её берегов галечные пляжи.

Вечер наступал неумолимо. Зудели комары. По небу бродили тучи. Палатка, которую мне одолжил приятель, оказалась настолько потрёпанной судьбой, что совершенно не защищала от комаров. Пришлось зажечь на входе последнюю противомоскитную спираль.

В сумерках прилетела небольшая сова, на этот раз ушастая. А я забрался в палатку, предвкушая первую спокойную ночь без топота и шуршания восточно-азиатских лесных мышей... Но около двух часов ночи меня снова разбудили. Неподалёку ритмично звучало «хав... – хав». Сначала я решил, что это лает лиса или енотовидная собака. Но потом в памяти всплыло, что и

Озеро возле кордона Двадцатиха

крупная сова – длиннохвостая неясить может генерировать подобные звуки. Видимо, совы общались со своими слётками. Впрочем, стояла тьма, и надеяться разглядеть ночных говорунов было нереально. Но сов можно было поблагодарить за побудку. Неподалёку гремела гроза, и нужно было накрыть ветхое жилище полиэтиленом. К утру и впрямь стало накрапывать. Но дождик был недолгим. К обеду я уже добрался до посёлка Норск, откуда вскоре попал на кордон заповедника «Двадцатиха».

Кордон «Двадцатиха» расположился прямо на берегу Селемджи. Здесь своенравная река ненадолго соединяет свои воды и бежит единым потоком. Но сделав один поворот, она уже снова делится на множество больших и малых рукавов.

Как и на Мальцевском кордоне в окрестностях хозяйничали бурундуки. Но зверьков было немного. Я насчитал двоих. Один, видимо, совсем молодой, с коротким хвостом, постоянно появлялся на летней кухне, где занимался проверкой перевернутых кверху дном сковородок, мисок и кастрюль. Другой, более солидный бурундук на кухне не появлялся и занимался традиционными заготовками на зиму, так что щёки у него почти всегда были плотно набиты семенами.

Ещё на летней кухне встретился совсем неожиданный зверь – ласка. Маленький хищник выглянул из дырки в полу, откуда до этого в кухню забегал бурундук, посмотрел на меня почти равнодушно и дал задний ход. Видимо, ласка не нападала на бурундуков, поскольку звери пользовались одним входом, да и по размерам они были почти одинаковые. Мне подумалось, что ласка наверняка снизила в окрестностях поголовье мышей. Первая же ночь показала, насколько были ошибочны мои надежды.

Мышь шуршала возле капюшона спального мешка, чем естественно прервала безмятежный сон бывалого таёжника. Постучав для остратки

хвостатых по нарам, я снова погрузился в дрему, но вскоре проснулся от совсем бесцеремонной мыши, которая бегала по мне. Отшвырнув нахального зверька к противоположной стенке избушки, я зарядил замеченные днём пластиковые мышеловки и благополучно дотянул до утра. Днём выяснилось, что давилка сработала, и одним грызуном стало меньше. В последующие ночи оказалось, что ежедневное изъятие мышей ловушками несколько не снижает их поголовье в зимовье, но по мне зверьки уже не бегали. Как известно, грызуны распространяют различные инфекционные заболевания, и наш страх перед ними несёт в себе глубокий биологический смысл. Осенью численность мелких млекопитающих всегда возрастает, но, видимо, этот год был по настоящему «мышиным». Отловленных зверьков я выбрасывал в травяные заросли, неподалёку от зимовья, и это стало причиной очень интересной встречи. Но об этом позже.

После мышинной ночи я встречал бурундука на кухне как родного. Бурундук хоть и грызун, но из семейства беличьих, а это большая разница. Вскоре полосатый зверь проникся ко мне таким доверием, что залезал на стол, когда я пил чай.

Тем временем осень брала своё. Ударил первый заморозок. По утрам над Селемджой и окрестностями клубился туман, и ближайшие лиственницы на мари проступали как часовые неведомого мира. Однако к обеду солнце снова набирало силу, становилось жарко, появлялись комары и мошка.

Я снова много времени проводил на другом берегу реки. Уровень воды был низким, как и в районе устья Норы на многие километры вдоль русла тянулись галечные пляжи. Я ходил до небольшого илистого залива, где обычно кормились различные околотовные птицы. Временами, во время шествия к заливу казалось, что я иду по булыжной мостовой. Иногда среди обкатанной водой гальки попадались желтоватые или оранжевые камни сердолика. Ещё чаще встречались зеленоватые, красноватые или фиолетовые обломки яшмы. На берегу залива я соорудил укрытие. Но из него получалось фотографировать только больших улитов, серых цапель и невзрачных крякв в осенней окраске.

Пойменный лес постепенно приобретал осенние краски. Набирали желтизну ивняки и березняки. Особенно сочными цветами с преобладанием багряных тонов наливались широколиственные участки поймы, где клёны, липы и даже яблони ягодные оплетал китайский лимонник.

Серая цапля

Однажды, после длительного сидения в скрадке на берегу залива, я укрывался от полуденной жары на летней кухне. Уже несколько дней наблюдений не принесли ничего необычного. Сведения о привычных бакланах, серых цаплях, больших улитах, урагусах

и криквах заносились в полевой дневник. Обычный осенний набор и никаких невиданных гостей с севера. В это время, как бы ответом на мои тайные желания прозвучал крик совершенно незнакомой птицы. Я бросился разглядывать в кроне старой лиственницы неведомого певца и вскоре обнаружил его. Оказалось, что странные звуки производит обычная чёрная ворона. Известно, что вороны могут исполнять самые невероятные рулады. Но удивляет и то, что имея столь богатый репертуар, они предпочитают потчевать рядового слушателя только занудным карканьем.

Я пытался сфотографировать ворону, но она практически не выставлялась из лиственничных веток, и внимание невольно переключилось на довольно сильное сопение позади меня. Оказалось, что рядом ходит барсук.

Неведомо как очутившийся за моей спиной зверь неторопливо побежал в лес по тропинке, фотоаппарат в моих руках защёлкал затвором, фиксируя в памяти роскошную заднюю часть гостя. В это время барсук остановился, как будто задумался, а потом повернулся и затрусил по тропинке обратно, прямо на меня. Лишь когда расстояние между нами сократилось до 4-х метров, зверь одумался и окончательно скрылся в кустах. Эти крупные представители семейства куньих не отличаются острым зрением. Барсук привык проверять окрестности кордона, особенно когда стал находить в траве задавленных капканчиками мышей. Запах человека его уже не особо беспокоил. Так осторожный зверь попал в кадр.

Тем временем ветер усилился. Птицы в такую погоду летают неохотно и вообще мало проявляют себя. Появился запах дыма – где-то горела тайга. Лишь на третий день такой безрадостной погоды пошёл дождь.

В самый разгар ненастья на противоположном берегу Селемджи появился научный сотрудник заповедника Максим и сообщил, что мне нужно срочно ехать в Орловский заказник, пока есть возможность для проведения учётов птиц в районе урочища «Симушкины озёра».

Урагус

Барсук

Орловский заказник расположен немного южнее Норского заповедника и получил своё название по реке Орловке. У этой средних размеров реки (длина 207 км) есть и колоритное эвенкийское имя – Мамын. Ландшафт заказника можно охарактеризовать как лесостепь. Сосновые, берёзовые и лиственничные колки здесь сменяются обширными лугами с травой в рост человека, болотистыми низинами и озёрами.

Зимовье, в котором мне предстояло жить, не имело постоянных хозяев. Через многочисленные дыры в стенах и в полу в него могли спокойно входить и выходить не только мыши и бурундуки, но и настоящие белки. Как бы то ни было, избушка с печкой всегда лучше палатки.

Сразу же по приезду я отправился на обширное Симушкино озеро, к которому вела вездеходная дорога. Её реактивными снарядами перебежали крупные тёмные полёвки, которые так и называются – большие полёвки. Зверьков было много, что подтверждало уже озвученную мысль про «мышиный год». Среди кустов и деревьев перепархивали длиннохвостые синицы, копошились гаички, долбились дятлы. Везде над лесостепным простором вертелись большеклювые вороны. Их карканье, в котором обычно не чувствовалось «р» в конце слога, казалось то издевательским хохотом, то вопросительным восклицанием, то надоедливый кваканьем. Вороны постоянно следили за мной, но близко не подпускали – опасались выстрела. В тайге охотники ворон не жалуют, поэтому и сфотографировать их непросто. На озере, в той его части, которая открывалась взгляду, кроме нескольких крикв никого не было видно.

К ночёвке с грызунами, как мне думалось, я был готов. Имея опыт пребывания на кордоне «Двадцатиха», я прикупил две давилки. Одна была традиционной русской плашкой с пружиной, какие производились ещё в советские времена, другая – китайская – имела вид зубчатой пасты из пластика. Обе модели хорошо ловили мышей на Двадцатихе. Здесь же всё пошло не так. В первую же ночь давилки сработали многократно, но никого не поймали. В конце концов, русская плашка поймала мыш, но на следующую ночь грызуны отомстили – она исчезла бесследно под грубыми досками пола. Китайская же модель перемещалась по зимовью, следуя неведомым законам, и никого не ловила.

Пытаясь вести борьбу народными средствами, я попробовал использовать бутылки с приманкой. Мыши обычно залезают в них, но не могут выбраться обратно. Бутылки вызвали интерес, поскольку меняли своё положение на полу, но никто в них не попался. Я решил, что большие полёвки, которые теперь хозяйничали в зимовье, просто не могли пролезть в горлышко из-за своих крупных размеров.

Пришлось смириться со своим поражением и ночами спать урывками, пока полёвки не начинали грохотать чем-то за печкой или не менее шумно катать по полу картофелину из оставленных лесниками припасов. Можно было утешаться только тем, что основная деятельность полёвок протекала на полу, и на нарах царило относительное спокойствие.

Ещё один удар грызунов был нанесён днём. Со стола под навесом исчезло детское мыло «Ушастый нянь», причём упаковка осталась в целостности. Я подозревал, что это дело лап бурундука, но не мог представить, как он тащил гладкий округлый кусок мыла. Возможно, мыло стащили вороны, но удержать его в клюве ещё труднее!

Этот последний эпизод боевых действий подтвердил мою безоговорочную капитуляцию и вызвал депрессию. Захотелось домой, на Вишеру, где ни один бурундук не обидит меня и не отнимет кусок детского мыла!

Тем временем мирная экспедиционная жизнь шла своим чередом. На второй день пребывания на Симушкиных сбылась моя давняя мечта – удалось сфотографировать голубую сороку. Голубая сорока, конечно, не редкий вид, их голоса часто слышатся во время учётов. В эту осень они отмечались и на Мальцевском и на Двадцатихе. Но слышать птицу одно, а видеть и фотографировать – совсем другое. Лёгкое перемещение по вездеходным следам позволило мне приходиться на голоса сорок и в конце концов поймать некоторых в кадр.

Голубая сорока одна из немногих «приятных» врановых птиц. Она не производит грубые звуки, любит ягоды и фрукты. Ещё она являет собой восхитительный пример гигантского разрыва ареала, который наглядно показывает, что до ледникового периода леса Евразии тянулись через весь материк и были широколиственными. Наши голубые сороки обитают на юге Дальнего Востока, в Забайкалье и Китае, а западные живут в Испании, довольствуясь Пиренейским полуостровом. Правда, теперь многие орнитологи признали западную голубую сороку самостоятельным видом.

После первых снимков красочные сороки встречались каждый день, но не подлетали и не приходили фотографироваться, как это постоянно делал бурундук, присвоивший мыло.

Тем временем наступила полноценная золотая осень. По утрам пожелтевшие травы постепенно оттаивали от инея. Молодой осинник облачился в шафрановые камзолы. С ним пытался соперничать принарядившийся в золотые с прозеленью одежды березняк. Но всех превосходили богатством багряных, жёлтых, и пурпурных оттенков пойменные заросли из ягодных яблонь, боярышника и мелколистных клёнов. Особенно выделялись свекольные листья свидины белой. По-восточному декоративные даурские берёзы увядали незрочно, их листья с первыми заморозками приобрели буровато-жёлтый цвет и тихо падали на землю.

Но у приамурской осени не было европейской безмятежности и грусти. К обеду оттаивали после утренника комары и мошка. Несмотря на все ухищрения с репеллентами, во время учётов руки и лицо покрывались волдырями. И это после целого лета с уральскими комарами! А птиц на полях и дорогах становилось всё больше. Десятки, а то и сотни овсянок-ремезов поднимались с земли и из кустов во время движения по маршруту. Из 5 встреченных птиц как минимум 3 обязательно оказывались овсянками. В изобилии встречались бурые дрозды и дрозды – наумана. Но ремезов было больше всех. Удивляться нечему, овсянки-ремезы живут в тайге Европы и по всей Сибири, а зимовать все отправляются в Юго-Восточную Азию. Может быть, и уральские птицы теперь здесь. В те времена я ещё не представлял, что скоро численность овсянок-ремезов так сократится, что они попадут в Красные Книги России, Амурской области и Пермского края, и мне придётся писать очерки о них в две последние региональные книги.

После 20 сентября полетели северные гуси. В это время по всему Приамурью движутся в поднебесье клинья белолобых гусей, гуменников, редких пискулек, иногда в них встраиваются лебеди – кликуны.

Доверчивый самец белошапочной овсянки

Овсянка-ремез

Сильный заморозок, который ударил после дождя 23 сентября, покончил с комарами. Теперь, в тёплое время суток появлялась только мошка. На пороге стоял октябрь, в конце которого в Северном Приамурье уже могут установиться двадцатиградусные морозы. Подходило к концу моё пребывание в Орловском заказнике.

Последний день сентября снова застал меня на обжитом кордоне «Двадцатиха». Заморозки вымыли из долинных лесов золото и багрянец. Листья на лианах лимонника приобрели коричнево-бурый цвет, лишь местами эту унылую гамму нарушали алые ягоды. Пожухли и побурели травы, лишь некоторые осины и берёзы умудрялись сохранять золото в своих листьях. И только теперь, в начале октября стали желтеть лиственницы, которые весь сентябрь хранили зелень своих мягких «игл», как будто, как ели и пихты, собирались зимовать, не сбрасывая листву.

Птиц становилось всё меньше. Последний скворец, вертевшийся поблизости, покинул берега Селемджи два дня назад. Исчезли пролётные дрозды и овсянки-ремезы. Гуси с севера иногда садятся на ближайшее озеро на ночьку, и в холодном сумраке далеко слышались их эпизодически возникавшие разговоры.

Украсил 30 сентября пернатый гость. Это был молодой самец белошапочной овсянки. «Парнишка» настолько проникся ко мне доверием, что весь день разгуливал поблизости, поедая какие-то семена. Такое поведение поражало. Точно такие же овсянки, везде этой осенью, не подпускали ближе 30 метров!

После утренней трапезы и общения с «Белошапкиным» я бродил по галечным пляжам Селемджи и натолкнулся на стайку неожиданных птиц. Это были рогатые жаворонки. Северяне почему-то были недоверчивы и не подпускали близко. Если появились эти пичуги с жёлтыми масками и чёрными рожками из перьев, то значит, в тундру, где они живут, уже пришла зима. Обычно рюмы – так их ещё называют – летят в октябре. Позже их появляются только арктические светлые овсянки – пуночки.

Порыв холодного ветра вдоль реки пронизал мою тонкую куртку, и сама собой пришла мысль: «Пора заканчивать полевой сезон и отправляться на места зимовки».

Рябиновый год

Вдоль Вишеры дул ледяной ветер. Недавно ударившие морозы окончательно сковали реку. Над крышами разбросанных по косогору изб вились дымы. Мышиного цвета тучи сеяли снег. Пара воронов кружилась в сером поднебесье. Чёрные птицы весело курлыкали и совершали синхронные пируэты. Они как будто наслаждались своим соответствием доминирующей в природе унылой цветовой гамме и радовались наступающей зиме. Диссонанс в эту монохромную картину вносили рябины: пунцовые примороженные гроздья гнули ветви к земле, и дремлющие деревья, казалось, мечтали поскорее избавиться от их тяжести.

Я возвращался из очередной экскурсии по пойме Вишеры, где высматривал прилетающих из Арктики снежных овсянок – пуночек. Поход можно было считать удачным, чуть севернее камня Ветлан мне встретилась стайка снежных подорожников – так их ещё называют. Птицы торопливо срывали семена с торчащих из снега травяных метёлок. Нежными колокольчиками звенели их голоса. Иногда мне удавалось поймать кого-то из них в объектив фотоаппарата. Но пасмурная погода не позволяла рассчитывать на особенно удачные кадры. Пуночки какое-то время кормились поблизости, но потом разом поднялись и улетели вверх по реке.

Теперь, преодолевая последние километры до дома, я чувствовал изрядную усталость. Набитый фотоаппаратурой рюкзак налился тяжестью, болело натруженное колено. Но вдруг знакомый флейтовый голос разрушил мою апатию. На придорожной рябине сидели несколько щуров. Птицы тихо переговаривались и лузгали ягоды. Щуры, как и снегири, не ценят рябиновую мякоть, поэтому они не проглатывают ягоды целиком, как дрозды или свиристели, а долго пережевывают их в клюве, пока не выудят семена.

Вечерняя снежная хмарь не располагала к фотосъёмке, в тусклом свете даже малиново-красные щуры виделись только серыми силуэтами. Но тот факт, что они прилетели и кормятся на рябине, радовал душу. Уральский писатель – Николай Никонов в одном из своих рассказов приводит слова старого птицелова о том, что щуры прилетают в окрестности Свердловска «через семь лет на восьмой». Конечно, этой красивой байке нельзя верить. На Вишерском Урале щуры живут постоянно, в горных редколесьях гнездятся, и зимой в тайге их слышишь нередко. Но в пределах нашего небольшого городка они мне встретились впервые.

У щуров звучная, флейтовая песня. Отдельные фрагменты её можно передать как «тюли», «фиули». В русском названии этой спокойной птицы чувствуется что-то древнее, созвучное чуру, к которому обращались наши пращуры, спасаясь от лиха. Это самый крупный представитель вьюрковых птиц в нашем регионе. Щуры очень красивы – самец почти весь малиново-красный, лишь бока у него пепельные, да хвост и крылья буровато-серые. Самка окрашена сходным образом, но в жёлтый цвет разных оттенков. Молодые птицы буровато-серые с желтоватым налётом на груди.

Во время экспедиций птицы встречаются нечасто. Каждое лето я мечтаю о встрече с ними, но увидеть птиц удаётся редко. Часто бывает, что откуда-то с вершины донесётся меланхоличная флейта их голосов, но сами щуры остаются невидимыми.

Щуры – удивительно флегматичные птицы. В литературе нередко описывалось, что их можно поймать волосяной петлёй. Я с недоверием относился к

подобным утверждениям, пока сам не поймал самца щура рыбацким сачком на Дальнем Востоке. Щур несколько не волновался, и когда я, не найдя для него свободной клетки, посадил его на жёрдочку между двумя цветочными горшками, спокойно на ней посиживал и сразу начал есть предложенный корм. Ни с одной дикой птицей, может быть, только за исключением нахала-ползняка, такое не пройдёт. Потом, когда я поселил этого щура в большой садок с другими птицами, он никогда не обижал мелкоту, а когда кто-то из домашних проходил близко, то придвигался к прутьям и как бы предлагал пообщаться. Весной следующего года я его выпустил, там же, где поймал.

Однако на Урале таких доверчивых птиц мне не встречалось.

Вернувшись домой, я решил, что непременно отправлюсь к рябинам на Морчанской улице, как только выдастся погожий денёк.

Рябина на Вишере обильно плодоносит далеко не каждый год. Обычно в конце ноября, после налётов свиристелей, лишь редкие ягоды остаются на деревьях. Можно только поблагодарить русских людей за любовь к тонкому и щедрому дереву, которое традиционно высаживается возле дома, а к бесценным ягодам проявляется восхитительное равнодушие. Сколько пернатых пользуется этой красно-оранжевой скатертью-самобранкой!

Через день после встречи со щурами ударил мороз, и выглянуло солнце. Надо ли говорить, что как только светило приблизилось к зениту, я пришёл к знакомым рябинам. Щуры были уже там. Несколько самцов кормились на спелых гроздьях. На их физиономии и клювы налипли кусочки рябиновой мякоти, но птиц такие пустяки не беспокоили. Они самозабвенно предавались трапезе, изредка кося на меня глазом. А я ходил поблизости с фотоаппаратом наперевес, выбирал место, где бы ветки поменьше заслоняли щуров и солнце не сильно било в объектив. Редкие прохожие подозрительно оглядывали меня, не понимая, зачем это я торчу с аппаратурой возле покосившегося забора.

Вскоре я уже и сам начал задумываться, зачем мне столько кадров жующих рябину щуров. Тем более что сюжет не менялся, самок не было.

Щуры

Снегири

Нынче летом я встретился с парочкой щуров в горной тундре, где застукал их на месте преступления. Оказывается, эти как бы простакки вычислили кладовку кедровки и лакомились свежими, молочной спелости кедровыми орешками. А потом ещё с полными клювами летели кормить этим витаминно-калорийным деликатесом своих птенцов.

Однако я отвлекся. Пора было сменить объект съёмки. На рябинках, помимо щуров, кормились синицы, которые осторожноничали и близко не подпускали. С этими традиционными символами зимы мне постоянно не везёт. В тайге и в Красновишерске они как-то не попадают в кадр, но стоит появиться в Перми или в Екатеринбурге, как сразу взгляд упирается в заросли рябины или боярышника

и синицы на них сидят, как приклеенные, а фотоаппаратуры с собой нет!

Обыкновенный снегирь, наверное, самый популярный представитель вьюрковых птиц. Он стал символом зимы, неизменно изображается на открытках и новогодних плакатах. Синицы живут на Вишерском Урале круглый год и гораздо более многочисленны, чем щуры. Летом достаточно некоторое время побродить по лесу и почти наверняка откуда-то донесётся знакомая позывка снегиря «фью...фью». Снегирь – единственная птица, которую можно легко подманить обычным свистом. Птицеловы в прошлом веке звали его жуланом, хотя он, конечно, никакого отношения не имеет к настоящему жулану – хищному сорокопугу.

В моём детстве половина мальчишек городских окраин с сельскими домиками ловила птиц. Многие при случае продавали свою добычу. Помню, что когда я начал увлекаться птицами, снегирь был моей розовой мечтой, знакомые «пацаны» продавали их по рубль пятьдесят. Однажды мечта моя сбылась, и я стал счастливым обладателем красной птицы. Снегирь у меня быстро приручился, начал брать семечки из рук, а когда я выпускал его полетать по комнате, усаживался на гардину и душевно скрипел что-то себе под нос. Этот снегирь жил у нас долго, однажды летом даже вылетел на улицу, и вероятно совсем затерялся бы, но я выбежал за ним с семечками, и «Сёмка», такое имя закрепилось за ним, снова слетел ко мне на руку.

Синица

Снегирь по красоте не особо уступает своему более крупному родственнику – щуру: у самца розовато-красные щёки, грудь и живот, серая спина, чёрная шапочка на голове, чёрные хвост и крылья. В полёте и у самцов, и у самок бросается в глаза белое надхвостье. У самок низ тела розовато-серый. Птицы обладают мощным клювом, но попадая в руки, они даже не пытаются щипаться.

У снегирей нет громкой песни, часто получается, что когда подманишь пернатого вокалиста свистом, он усаживается где-то на вершине и начинает скрипеть себе что-то под нос, то ли для души, то ли для налаживания контакта. Такую тихую песню поют как самцы, так и самки. Самки у снегирей отличаются скверным характером, даже в природе они нередко третируют своих красногрудых кавалеров, а уж если держать в клетке пару, то самец часто живёт впроголодь, настолько часто самка не подпускает его к кормушке.

Размышляя о снегирях, я даже не сразу осознал, что успел сделать несколько кадров вполне красного самца-первогодка. Неподалёку вертелась самка. Видимо, щуры их успокаивали своей флегматичностью. Определённо, удача сама шла в руки. Неподалёку от снегирей обнаружилась уж совсем неожиданная птица – самка юрка. До этого момента я пребывал в полной уверенности, что юрки вместе с зябликами давно покинули наши края и кочуют себе где-то в Южной Европе. Но данная индивидуалистка, видимо, считала, что пока есть рябина, можно и не спешить с отлётом. Она проглатывала ягоды целиком и умудрялась подбираться к гроздьям как-то снизу. У меня закрадывалось подозрение, что это единственный юрок на весь город, стайки юрков не отличаются молчаливостью и их трудно не заметить.

На дальних деревьях чакали дрозды-рябинники. Они терпеливо ждали, когда я уйду, и придёт их черёд лакомиться пунцовой ягодой. Эти пернатые меня нисколько не удивляли – пока есть рябина, будут и рябинники. Зимовка их в средней полосе России никого не удивляет, и даже в северном Красновишерске это эпизодически случается. А вот большая синица, прилетевшая на всеобщее пиршество и проглотившая, не моргнув глазом, несколько ягод, впечатлила. Удивляться сороке, задумчиво отправляющей в клюв красные плоды, я уже не стал. За «столом» не хватало только ворон. Вероятно, у них был мясной день, и они промышляли по мусорным бакам. Я как-то уже фотографировал ворону, с аппетитом поедающую рябину, дело было в сентябре, когда плоды ещё не набрали морозную сахаристость.

Тем временем щуры насытились и кто-то из них, вероятно, самый авторитетный, сказал неведомое «слово», повинувшись которому малиново-красные птицы сорвались с веток и унеслись невесть куда.

Я уже собрался уходить, когда рябины приманили с дюжину розовато-коричневых хохлатых птиц. Это появились главные истребители

Свиристели

рябины – свиристели. Хохлатые «проглоты» были сыты, перехватив по паре ягод, они уселись на провода и неспешно отдыхали, наслаждаясь солнечным днём и сытостью в желудке. Если бы свиристели не собирались к зиме в стаи по 50, а то и 100 особей, и методично не объедали дерево за деревом, всем остальным ценителям терпкой ягоды урожая хватало бы до весны. Причём свиристели часто глотают плоды с такой неистовой жадностью, что некоторые даже погибают от обжорства. В Приамурье я сам был свидетелем того, как одна птица насмерть подавилась диким яблочком.

С другой стороны, свиристели, рябчики и дрозды, проглатывая ягоды целиком, не особо переваривают семена и так в своеобразной форме отдают долг дереву, расселяя по

свету его потомство. А щуры и снегири, выбирая из ягод зародыши, немного обманывают рябину. Хотя, тщательность переработки дикоросов им не свойственна, и запачкав физиономию мякотью и семенами на рябине, они летят для чистки и туалета совсем в другое место, и также вносят свою лепту в распространение дерева. Так что в отношениях рябины и поклонников её даров нетрудно найти гармонию. И в том, что свиристели, собираясь в рябиновые орды, ещё осенью отправляются «на разбой» в города и посёлки людей, есть своя правда. Благодаря этому таёжные рябинки, спрятавшиеся среди хвойного леса, и не отличающиеся изобилием ягод, сохраняют свои дары для других пернатых и нередко радуют их даже в марте.

Известными любителями таёжных ягод являются все без исключения тетеревиные птицы. В зимний период, когда наземные ягодники укрывает толща снега, рябина и отчасти шиповник остаются единственными доступными плодами, которыми глухари, тетерева и рябчики могут украсить и обогатить своё скудное хвойно-веточное меню. Пристрастие рябчиков к рябине выражено настолько ярко, что птицы готовы залезть в любой простейший силоч, лишь бы добраться до пунцовой ягоды...

Ценят рябину и медведи. В рябиновые годы нередко можно натолкнуться на медвежий помёт, полностью состоящий из едва переваренной рябины.